к 200-летию Московского общества испытателей природы

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В.ЛОМОНОСОВА

Доклады Московского общества испытателей
природы. Том 37

МИРЗОЯН Э.Н.

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ: 200 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ (1805- 2005 ГГ.)

под редакцией президента МОИП академика В.А.Садовничего

Издательство «Графикон-принт»
Москва, 2005

ББК 28.080.1
Н 76

Редакционная коллегия:
профессор А.П.Садчиков (ответственный редактор), профессор П.В.Вржещ, доцент Л.М.Захарчук, д.б.н. В.В.Ильинский, профессор О.Р.Кольс, д.б.н. С.В.Котелевцев, д.б.н. А.В.Кураков, доцент К.Л.Тарасов, к.б.н. В.С.Шишкин

Под редакцией президента МОИП академика В.А.Садовничего

Н76 **Доклады Московского общества испытателей природы. Том 37.** Мирзоян Э.Н. Московское общество испытателей природы: 200 лет служения России (1805-2005 гг.) (под ред. академика В.А.Садовничего) - М.: Изд-во «Графикон-принт», 2005. – 160 с.

ISBN 5-98388-016-0

Книга профессора Э.Н.Мирзояна посвящена истории Московского общества испытателей природы, его роли в развитии российской науки и формировании системы университетского образования. МОИП был организован при Московском университете, и его живая связь с ним никогда не прерывалась. В то же время Общество, по сути, является Всероссийской организацией, т.к. во все времена объединяло научный и интеллектуальный потенциал страны. С МОИП связано научное творчество многих выдающихся людей России. Общество является научной школой для большого числа поколений ученых и натуралистов. 200-летняя история МОИП – это история бескорыстного служения России.

Материалы размещены на сайте МОИП (www.moip.ru).

© Мирзоян Э.Н., 2005
© Московское общество испытателей природы, 2005

Часть первая

Два события в культурной истории России решающим образом предопределили создание в 1805 г. Московского общества испытателей природы - старейшего естественнонаучного общества нашей страны и одного из старейших научных обществ мира. Эти события - основание Петром I Академии наук в Санкт-Петербурге 8 февраля (по новому стилю) 1724 г. и учреждение первого русского университета в Москве по инициативе М.В. Ломоносова в 1755 г.

Петр I сознавал, что "в страну надо перенести ту работу, которая подымала неуклонно рост техники и естественнонаучных знаний" и что без этого невозможно достичь "равного, а не подчиненного, ученического положения новой России на Западе" (1, с. 218). В.И.Вернадский утверждал, что именно Петр I "ввел русское общество и русскую государственность в творческую научную работу", "положил прочное начало научной творческой работе нашего общества" (1, с. 217). Уже в середине XVIII в. "в первые ряды общечеловеческой культуры" встала плеяда русских ученых, имена которых теперь хорошо известны. Это М.В.Ломоносов, С.Я.Румовский, С.П.Крашенинников, М.И.Афонин, М.И.Севергин, И.И.Лепехин и др. Энергичная работа этих натуралистов, по оценке В.И.Вернадского, "составляющая основание нашей культуры", создавала почву для последующего развития науки в России (2, с. 176).

И уже с этого времени начала упрочиваться связь русской науки с естествознанием и культурой Запада. Этому во многом способствовали западные ученые, связавшие свою жизнь и деятельность с Россией и верно служившие ей. "Благородные уроженцы мелких немецких государств и кантонов Швейцарии - академики XVIII века - "немцы", отдавшие лучшие свои силы и всю энергию новой родине, многочисленные "немцы" - любители и наблюдатели природы среди врачей, аптекарей, штейгеров и т.д., проникшие в самые глухие захолустья тогдашней России - создали уже в XVIII веке нашу неразрывную связь с вековой культурой Запада" (2, с. 176). Среди западных ученых, связавших свою жизнь и деятельность с Россией, выделяются имена П.С.Палласа, И.И.Георги, И.М.Ренованца, И.Г.Гмелина, Д.Бернулли, Л.Эйлера. "Они остались в новой родине, слились и сроднились с русским обществом и в семьях создали традиции и связи с прошлым Западной Европы" (2, с. 176).

Профессионально изучавший историю мировой и русской науки, В.И.Вернадский утверждал: "Петербургская академия и Московский университет уже в то время стояли в первых рядах мировых научных учреждений" (2, с. 176).

Начало XIX в. совпало с воцарением Александра I (1801-1825), благотворно отразившемся на судьбе русской науки. "В царствование Александра I, - писал В.И.Вернадский, - был расцвет естествознания в

России: создавались новые высшие учебные учреждения, новые кафедры, научные общества, новые музеи и новые лаборатории" (2, с. 176). Академия наук сосредоточивает усилия прежде всего на изучении природы России. Период с 1733 по 1825 год справедливо характеризуется как эпоха великих академических экспедиций. Они положили начало выявлению и изучению природных ресурсов огромной страны и государственному их использованию. На протяжении XIX и первой трети XX века интенсивность этой работы возрастала, "Помимо Российской академии наук, в развитии этих исследований значительна роль Минералогического общества, основанного в 1817 г., Московского общества испытателей природы, образованного в 1805 г., Географического общества, созданного в 1845 г., Геологического комитета, работавшего с 1882 г., Петербургского Горного института, а также Московского, Петербургского и других университетов и горных институтов России" (3, с. 509).

В России ширился круг лиц, интересующихся наукой; в помещичьих усадьбах и среди нарождающейся интеллигенции существовали натуралисты-любители. Находясь вне круга специалистов, они трудились, создавая частные собрания, составляющие "основы современных государственных музеев", и организуя натурфилософские кружки (2, с. 176). Так, основываясь на Архиве МГУ, В.П.Гурьянов (4) утверждал, что учитель Г.К.Зельницкий издавал в 1804 г. в Калуге журнал "Урания", где опубликовал ряд статей: "Обозрение Калужской губернии в естественном ее состоянии", "Минеральные воды", "Успехи земледелия в Калужской губернии", "О существах, скрывающихся под Калужской почвой", "Нечто о скотоводстве в Калужской губернии" и др. Преподаватель Ф.Г.Покровский в начале 1800-х годов занимался поисками торфа в Тульской губернии и написал несколько работ, дополнив исследование профессора географии и статистики Петербургского педагогического института Е.Ф.Зябловского "К общему землеописанию Российского государства" сведениями о Тульской губернии. Учитель Ярославской гимназии С.С.Устимович исследовал растения Тверской губернии и составил "Описание тверских растений" на латинском языке. Он же собрал богатую коллекцию растений в Ярославской губернии и описал их, создав гербарий. Преподаватель Н.Ефремов в Смоленске перевел с французского и издал "Опыт сельского домостроительства". Подобные исследования проводились во многих районах России. Для объединения и поддержки деятельности ученых - естествоиспытателей университета и губернских гимназий нужен был научный центр нового типа. Таким центром призвано было стать Московское общество испытателей природы. Ранее возникшие в России общества - Вольное экономическое общество (1765) и Вольное российское собрание (1771), созданное при Московском университете по инициативе Ивана Ивановича Мелиссино, не отвечали этой цели.

Естествознание превратилось в специализированную область деятельности, и это хорошо понимали и с этим считались в России. Передовые умы страны понимали, что России нужны в новых исторических условиях не только грамотные и образованные люди, но собственные Платоны и Ньютоны, "Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою", - напомнил в 1802 г. Н.М.Карамзин в статье "О любви к отечеству и народной гордости" (5, с. 332). "В науках мы стоим еще позади других, для того - и для того единственно» что менее других занимаемся ими и что ученое состояние не имеет у нас такой обширной сферы, как, например, в Германии, Англии и проч.". Обращаясь к молодежи, Н.М.Карамзин продолжал: "Если бы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукам, то мы имели бы уже своих Линнеев, Галлеров, Боннетов" (5. с. 331). Мысль о том, что любовь к отечеству должна воплощаться в деяниях, Н.М.Карамзин продолжал развивать в речи от 5 декабря 1818 г. на торжественном собрании Российской академии наук: "Если нам оскорбительно идти позади других, то можем идти рядом с другими, к цели всемирной для человечества, путем своего века..." К моменту, когда были произнесены эти слова, в стране уже произошли заметные сдвиги в области науки и образования. Не случайно В.И.Вернадский позже охарактеризовал первую четверть XIX в. как время расцвета естествознания в России.

В 1802 г. в России учреждается Министерство народного просвещения. Московский университет из ведомства Правительствующего Сената перешел в его ведомство. В январе 1803 г. утверждаются Предварительные правила народного просвещения. Вся Россия была разделена на учебные округа, в которых были учреждены Университеты "для преподавания высших наук". Открываются университеты в Дерпте (1802), Вильно (1803), Казани и Харькове (1804), Демидовских высших наук училища, много гимназий, городских и уездных училищ. Предполагалось также открыть университеты в Киеве, Тобольске, Устюге Великом. Университетам было предоставлено право присуждать ученые степени. Эта реформа призвана была также ужесточить требования к государственным служащим. "Спустя пять лет, ни в какой Губернии, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище" (6, с. 317-318).

Университетский устав 1804 г. создавал предпосылки для развития научных изысканий через естественнонаучные общества. Устав давал право университетам создавать научные общества для распространения "наук опытных и точных, основанных на достоверных началах, и право печатать научные труды и периодические издания за свой счет, способствуя тем самым развитию науки" (7, с. 78). Это отвечало стремлению оживить научную работу в университете, приблизить науку к жизни обще-

ства, используя новые формы организации ученых и натуралистов-любителей. Об этом размышляли и сами ученые, и те государственные деятели, которые были тесно связаны с высшим образованием и просвещением. Среди последних, в связи с историей Московского общества испытателей природы» должен быть прежде всего назван Михаил Никитич Муравьев, питомец Московского университета, известный писатель, наставник великих князей Александра и Константина Павловичей, покровитель Н.М.Карамзина, для которого он исходатайствовал у императора разрешение заняться историей Государства Российского. Муравьев после воцарения Александра I был назначен попечителем Московского университета и товарищем Министра народного просвещения.

М.Н.Муравьев много сделал для университета: способствовал обогащению фондов библиотеки, высказался за постройку обсерватории, за открытие клиники, приглашал ученых с Запада, преимущественно из Германии. "Призывая ученых иноземцев в Университет для того, чтобы возвысить преподавание наук до современного их состояния, и поручая им преподавать на французском и немецком языках, попечитель (т.е. М.Н. Муравьев - Э.М.) чувствовал, однако, необходимость для науки языка отечественного" (6, с. 344). Муравьев вошел в близкие и живые сношения с молодым поколением ученых, как с теми, кто жил в Москве, так и с теми, кто странствовал за границей, "приблизил их к себе, подал им надежды, умножил средства, задал работы" (там же). Его поддержкой пользовались Воинов, Грузинов, Мерзляков, Чеботарев.

Сама идея создания при Московском университете научных обществ, отвечающая университетскому уставу 1804 г., принадлежала, по свидетельству С.П.Шевырева, автора капитальной монографии по истории Московского университета, именно М.Н.Муравьеву. Вот что говорит по этому поводу Шевырев: "Одно из сильных средств к возбуждению ученой деятельности в членах Университета видел Муравьев в возможности связать ее с общественною: отсюда объясняется мысль его окружить Университет учеными обществами, которые соединяли бы науку с общежитием, представителей первой с просвещенными членами второго. Общества, основанные Муравьевым, принадлежат уже не к числу тех преждевременных попыток, которых начало и быстрый конец мы видели в прошлом столетии" (6, с. 349). Шевырев называет три общества, возникших непосредственно по инициативе Муравьева: Общество истории и древностей Российских, во главе с ректором университета Харитоном Андреевичем Чеботаревым (май, 1804 г.), Общество соревнования медицинских и физических наук, во главе с проф. Ф.Ф.Керестури (январь, 1805 г.), и Общество испытателей природы, под председательством графа Алексея Кирилловича Разумовского (сентябрь, 1804 г.). Объединения ученых при университете продолжали возникать и позже, например, Общество любителей российской словесности (устав которого был

высочайше одобрен в июне 1811 г.) и Общество математиков (устав которого был одобрен императором в апреле 1811 г.). По словам Шевырева, профессора Московского университета "неутомимо и прекрасно действовали в тех ученых обществах, которыми окружен был Университет" (6, с. 410). Можно думать, что не последняя роль здесь принадлежала Х.А.Чеботареву. Именно его после введения нового устава 1804 г. избрали ректором Московского университета. В период 1804-1810 г. он возглавлял Московское общество истории и древностей российских. "Яркий представитель нарождавшейся российской интеллигенции Х.А.Чеботарев в Москве конца XVIII - начала XIX вв. - фигура очень заметная; он пользовался огромным авторитетом и уважением. По многочисленным отзывам современников, он был во всех отношениях яркой личностью" (8, с. 119).

Подытоживая богатые плоды, которые принесло практическое осуществление намеченных М.Н.Муравьевым планов, Шевырев писал: "...Уважаемый обществом, горячо любимый своими питомцами, Университет являлся цветущим народным рассадником Русского просвещения. Четыре ученых общества его окружали и деятельно связывали науку с общественною жизнию" (6 с. 412), Одним из них являлось Московское общество испытателей природы.

25 ИЮЛЯ 1805 ГОДА

Историю Московского общества испытателей природы принято начинать с момента утверждения устава этого общества - 25 июля 1805 года (9, с. 67).

Документов за первые годы существования МОИП почти не сохранилось. Они сгорели во время пожара Москвы 1812 г. Предприняв специальные изыскания в архивах, В.П.Гурьянов (4) нашел веское подтверждение тому, что непосредственным инициатором создания Общества был профессор Московского университета зоолог Григорий Иванович Фишер (1771-1853). Это был один из тех немцев, которые прочно связали свою жизнь и деятельность с Россией. В 1804 г. молодой немецкий ученый Готтельф Фишер, занимавший кафедру естественной истории Майнцкого университета, откликнулся на приглашение М.Н.Муравьева переехать в Россию. В Московском университете ему предложено было занять создаваемую кафедру натуральной истории и одновременно возглавить Музей натуральной истории Университета. "По прибытии в Россию и получении российского дворянства он стал именоваться Григорием Ивановичем Фишером фон Вальдгеймом (от названия городка Вальдгейм в Саксонии, где он родился)" (10, с. 87).

В очерке, специально посвященном Г.И.Фишеру, Е.Е.Милановский подчеркнул: "Ко времени своего приглашения на работу в Московский

университет Г.Фишер, которому едва исполнилось 33 года, уже завоевал европейское признание как талантливый, широко образованный, разносторонний и деятельный ученый, он приобрел известность своими работами в области зоологии, сравнительной анатомии, медицины, минералогии, а также музейного дела и истории книгопечатания" (10, с. 87). Воспитанник знаменитого геолога А.Г.Вернера, Фишер был близко знаком с А.Гумбольдтом, Л. фон Бухом, Ж.Кювье, Ж.Б.Ламарком, Ж.Сент-Илером, А.Броньяром, И.Гете. Фишер не уставал расширять свои познания: окончив Фрайбергскую горную академию (1792), он изучил медицину в Лейпцигском университете, получив степень бакалавра (1794), а затем продолжил образование в университетах Иены, Галле и Геттингена, защитив в последнем диссертацию на степень доктора медицины (1797). Затем в Париже он работал в Национальном музее естественной истории по сравнительной анатомии, опубликовав в 1802-1803 гг. двухтомное описание этого музея. В Майнцком университете, где Фишер состоял профессором натуральной истории и главным библиотекарем, ученый не только читал лекции по сравнительной анатомии и типографскому искусству, но и, приведя в порядок университетскую библиотеку, составил ее каталог в 30 томах. а также опубликовал две монографии по истории книгопечатания. Приведя эти биографические данные, Е.Е. Милановский справедливо заключает: "Поражает необычная даже для того времени широта знаний и интересов молодого Фишера, которые охватывали, с одной стороны, многие направления естественных наук - геогнозию (т.е. геологию), ориктогнозию (т.е. минералогию), палеонтологию, зоологию, сравнительную анатомию, медицину, а с другой - музееведение, библиотечное дело, историю и технику книгопечатания, языкознание, художественную литературу и музыку"(10. с. 88).

Не исключено, что зная о многосторонности научных интересов Фишера, М.Н.Муравьев сам или через ректора университета А.Х.Чеботарева поделился с ним о планах создания при Московском университете естественнонаучного общества. В ответ Фишер изложил свои соображения в письме на имя М.Н.Муравьева. Это письмо найти не удалось. Однако в делах попечителя университета удалось обнаружить краткое содержание отклика на предложение Г.И.Фишера, 20/XII-1804 г. в письме к ректору Московского университета А.Х. Чеботареву М.Н. Муравьев писал о том, что он "похваляя г. Фишера за мысль учредить общество испытателей отечественной натуральной истории, желает, чтобы он прислал начертание оного" (4, с.95). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Муравьев адресовал свое письмо не прямо Г.И.Фишеру, а ректору Московского университета» ожидая, по-видимому, что университет примет активное участие в организации подобного

Общества, идея создания которого отвечала широкому замыслу самого Муравьева и уставу Университета.

Действительно, МОИП было основано университетскими учеными. Выполняя пожелание М.Н.Муравьева, Г.И.Фишер составил проект устава ("начертание") Общества. Он обсудил устав с группой ученых, ставших членами-учредителями МОИП. Среди них следует назвать прежде всего самого Г.И.Фишера, а также Г.Ф.Гофмана, П.М.Дружинина, П.Мещерского, Ф.Репинского, А.Перовского, А.Х.Чеботарева. В начале июня 1805 г. проект устава Общества был послан М.Н.Муравьеву. 23 июня Муравьев направил Фишеру ответное письмо, в котором благодарил ученого за услуги, оказанные им университету, и за проект общества натуралистов, и просил "распространить славу наук в России за пределы империи; приобщить к университету прославившихся в натуральной истории мужей" (4, с. 95).

Одобрив проект устава МОИП, М.Н.Муравьев передал его на утверждение в Главное училищ правление, а затем ознакомил с утвержденным уже уставом Александра I. В письме Г.И.Фишеру от 16 августа 1805 г. Муравьев сообщил о своем свидании с царем: "Усердием Вашим Вы споспешествовали к основанию при Московском университете Общества испытателей природы. Государь император, по всеподданейшему докладу моему о том, приняв подвиг сей с удовольствием, повелел мне объявить вам высочайшее свое благоволение" (цит. по: 4, с. 95).

18 сентября 1805 г. состоялось первое научное заседание Московского общества испытателей природы - первого естественно-научного общества России.

Развитие естествознания в XVIII в. вызвало к жизни идею организации естественнонаучных добровольных объединений ученых и "любителей природы". Такие общества появились в Западной Европе, особенно в Германии, в значительном числе во второй половине XVIII в. Цель этих обществ состояла в изучении своей страны в естественно-научном отношении, а также в содействии успехам теоретических наук и объединении ученых разных специальностей. Отношения научных обществ с государственной властью постепенно менялись. Уже в XVI в. во всех почти государствах никакое общество, за исключением хозяйственных товариществ, не могло возникнуть без разрешения власти. Даже собрание уже разрешенного общества могло состояться "лишь при условии предварительного разрешения и соответственного надзора полицейских властей" (11, с. 607). В XIX в., когда широкое применение начал взаимопомощи и самопомощи заставило осознать, что "в свободе ассоциаций находит ограждение, а вместе с тем и высшее свое проявление свобода личности", утвердилось иное отношение государства к ассоциациям (там же). Свобода ассоциаций для науки всегда допускалась в

Англии, Франции, США и была гарантирована конституциями таких государств, как Бельгия, Греция, Дания, Люксембург, Румыния. Мотивация была очевидна. "В пределах той сферы, которую государство представляет свободному проявлению личности, должна существовать свобода соединяться, путем соглашения, в Общества, чтобы объединенными силами достигать целей, превышающих силы отдельного человека" (11. с. 607).

Сознание значения научных обществ для науки и просвещения проникло и в Россию. Первым здесь было создано Вольное экономическое общество (1765 г.), задачи которого оказались непосредственно связаны с развитием хозяйства страны. В 1771 г. при Московском университете по инициативе его куратора Ивана Ивановича Мелиссино было организовано второе общество - Вольное российское собрание, целью которого было усовершенствование русского языка и разработка наук, главным образом истории России. Его членами были княгиня Е.Р.Дашкова, А.К.Нартов, Н.И.Новиков, П.И.Рычков, А.П.Сумароков, Д.И.Фонвизин и др.

Иные задачи ставило перед собой Московское общество испытателей природы. По проекту устава главной задачей МОИП считало "сделать известною естественную историю обширной Российской империи". В цели общества также входило собирание произведений России по минералогии, ботанике, зоологии, земледелию, промышленности; поиски новых предметов российской торговли. Эти цели отвечали требованиям времени и вызвали к обществу заметный интерес и вне научных кругов.

Воссоздавая историю Московского университета и примыкающих к нему научных обществ, С.П.Шевырев по существу утверждал, что не только судьбы просвещения определялись властью, но и само появление научных обществ входило в планы государственной организации науки и было подсказано университету свыше. В данном конкретном случае появление практически одновременно нескольких научных обществ разного профиля при Московском университете в 1804-1805 гг. и организация все новых обществ при нем и в последующие годы как будто подтверждает версию С.П.Шевырева. Однако развитие науки в масштабе целой страны зависит от ряда факторов. Об этом напомнил В.И.Вернадский, анализируя историю науки в России: "Научная работа нации может совершаться под покровом волевого, сознательного стремления правительственной власти и может идти силой волевых импульсов отдельных лиц или общественных организаций при безразличии или даже противодействии правительства. Однако она находится в прочном расцвете лишь при сознательном единении обеих жизненных сил современного государства" (1, с. 195), Сказанное В.И.Вернадским можно в полной мере отнести и к истории МОИП.

В.И.ВЕРНАДСКИЙ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ В РОССИИ

Создание первого в России неформального научного объединения естествоиспытателей было подготовлено всем предшествующим развитием в стране культуры, науки, просвещения. К концу XVIII и к началу XIX века в стране наметились существенные изменения в организации научной деятельности. Так, Академия наук была освобождена от преподавания и подготовки кадров и, в соответствии с основными тенденциями своего развития, получила возможность целиком сосредоточиться на научном творчестве. Однако это изменение функций Академии имело и негативные последствия. "Отодвигая от себя задачи русской практической жизни, Академия теряла живое и разнообразное участие в общей жизни русского общества, ...она отходила в сторону, как бы уединялась в своих научных, частью во вненациональных, задачах" (1, с. 329). Подготовка научных кадров была возложена на университеты. И здесь дело не обошлось без крайностей. "Были периоды, когда даже для университетов научная работа не признавалась необходимым элементом, - писал Вернадский. - Даже еще в проекте университетского устава XX в. была сделана попытка рассматривать университеты только как учебные, а не ученые учреждения!" (1, с. 199). Непрерывность роста научной работы в России достигалась тем, что "в стране постоянно возникали новые ростки научной мысли и научной деятельности... Процесс шел как стихийный природный процесс..." (1, с. 200). Рост научной мысли в области естествознания поддерживался возрастающим количеством научных деятелей, но в его истории отсутствовали традиции и преемственность. В.И.Вернадский объяснял это тем, что "научное творчество было в России теснейшим образом связано с изменчивой государственной политикой и с экономически бедной и количественно немногочисленной интеллигенцией" (1, с. 199). Отсутствие преемственности В.И.Вернадский считал одной из главных причин "медленного темпа русской культурной истории" (1, с. 309).

Для понимания обстановки, в которой происходило создание МОИП существенны выводы Вернадского. В "Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии" (1912-1914) он отметил, что "не охраняемая и не оберегаемая национальным сознанием наука в России находится в пренебрежении, и русским ученым приходится совершать свою творческую работу в полном бессилии защитить элементарные условия научной деятельности" (18, с.195), Позже в "Очерках по истории Академии наук" (1916-1917) Вернадский заметил, что создание в России вузов, "точно также как создание независимых от них и от Академии наук научных обществ..., резко меняло положение Академии наук в нашей стране, так как создавались новые, независимые от нее центры научной

работы" (1, с. 346-347). Эти центры, как справедливо заметил Вернадский, "неизбежно должны были явиться более национальными, так как теснее были связаны с русской жизнью по самому характеру своей деятельности..." (1, с. 347). Сказанное в полной мере относится и к Московскому обществу испытателей природы.

Сравнивая характер деятельности научных учреждений Петербурга и Москвы, Вернадский нашел, что в первое столетие существования Академии наук "не были еще найдены формы жизни, которые давали бы ей нужную связь с научной средой русской провинции и старой столицы - Москвы" (1, с. 347). Научные учреждения Москвы оказались на первых порах ближе провинциальной России. "...В Москве создались научные учреждения, которые еще более тесно связались с русской общественной жизнью, чем петербургская организация. Здесь были созданы формы, в жизни которых могло проявиться участие русского общества, а не государственной власти, в мировой организации научной работы" (1, с. 347). Создание в Москве при поддержке Академии наук Университета резко изменило научную жизнь Москвы. К 1824 г. здесь оказались "независимые и крупные центры научного искания во главе с университетом" (1, с. 347).

В трудный период становления русской науки спонсоры не спешили идти ей на помощь. Интересовавшийся этим вопросом Вернадский отмечал: "Долгие годы буржуазия в лице русского купечества была далека от интересов научного знания" (1, с. 199). Поворот в этом отношении наметился во второй половине XIX в., когда "русская буржуазия вошла в научную творческую работу как личным трудом, так и организацией нужных для научного развития средств" (там же). В начале XX в. Вернадский писал, что "уже теперь ее /т.е. буржуазии - Э.М./ недолголетняя роль более заметна, чем вековое участие в научной работе русского поместного дворянства" (там же). Наука в России была лишена поддержки этого "наиболее богатого и относительно более образованного (после духовенства) господствующего сословия..." Это вызывало искреннеее удивление. "Описывая сейчас прошлое естествознания в России, поражаешься до какой степени мало дало ему русское поместное дворянство, как раз то сословие, которое в эту эпоху русской истории приобрело силу и значение и которое всеми своими интересами должно было жить землей, природой" (1, с. 193). Причину Вернадский усматривал в экономическом укладе и психологии названного сословия. "Яд рабовладения разрушал живые силы русского поместного дворянства, не мог ужиться со свободным исканием в области естествознания и математики..." (там же). В XVIII в. интерес к естествознанию широко захватил образованное европейское общество, отражение этого интереса прослеживается и в русском дворянском обществе, однако "творческого элемента научной работы было проявлено здесь ничтожно мало". "Роль русского

крепостнического дворянства в области искусства - и даже наук исторических, тесно связанных с сословным сознанием, - не может даже сравниваться с его ролью в области естественнонаучных исканий и точной научной работы" (там же).

Отметил Вернадский и другую особенность становления естествознания в России. Поскольку здесь недостаточно культивировалось представление о естествознании и математике как о величайшей силе, естествознание в стране "лишалось тех средств глубокого проникновения в глухие уголки русской природы", которые широко использовались на Западе. Здесь был накоплен многовековой опыт научной работы служителей церкви-миссионеров. "История изучения местного естествознания на Западе и всюду, куда проникала европейская культура, теснейшим образом связана с работой служителей церкви: этот элемент отсутствовал в истории изучения русской природы" (1, с. 197). Возможно, в этом сказались разные духовные установки католичества и протестантизма, с одной стороны, и православной церкви, с другой. На Западе укоренился принцип борьбы с природой и ее преобразования: принятие этого принципа меняло и самого человека. На необозримых просторах России природа еще сохраняла свой девственный облик. Природа продолжала все еще восприниматься как божий храм. "Чувство красоты природы, столь ярко сказывающееся в выборе мест для монастырей и неразрывно связанное с самоуглублением человеческой личности, ни разу в течение долгих веков не вызывало в русских монастырях работы научного углубления в окружающее; его не дала и жизнь русского сельского священника. Духовенство в вековой своей жизни прошло через русскую природу, научно ее не видя и ею не затронутое в своем мышлении"... (1, с. 198).

По мнению Вернадского, "эта характерная особенность русского духовенства не могла не отразиться на истории естествознания и математики в русском обществе" (1, с. 197). В стране с развитием научной работы возникло "резкое деление на два мировоззрения, которые по возможности не сталкивались" (там же). В истории естествознания в России "почти отсутствуют столкновения с церковью или ее служителями, вызываемые теми или иными выводами науки или научного мировоззрения данного исторического момента, момента, которые казались несовместимыми с миропониманием христианства" (там же). Научная работа в области естествознания "стояла вне кругозора православного духовенства, представляла для него чуждую область", "служители русской церкви не могли иметь авторитета в своих возражениях", вся апологетическая литература православного духовенства "могла совершенно не приниматься во внимание - и никогда не принималась во внимание - в научной русской мысли" (там же). Для естествознания это имело самое положительное значение. "Несомненно, этим путем

достигалась в России та внутренняя свобода исследования, которая в такой мере отсутствовала в научной культурной среде Запада, где духовенство всегда было сильно своими представителями, активно работавшими в научных исканиях и изменявшими благодаря этому отношение к церкви и к христианскому учению широких слоев научных работников. Оно там являлось умственной силой, с которой всегда должна была считаться - нередко бороться - научная мысль" (там же).

Эти особенности становления и развития естествознания в России позволили Вернадскому сделать вывод о глубоком "духовном раздвоении русского образованного общества: рядом существовали - почти без соприкосновения - люди двух разных систем образования, разного понимания" (1, с. 197). Образованный человек в России в начале XX в. мог стоять "совершенно в стороне от тех знаний и пониманий, которые охватывают своим влиянием всю жизнь человечества и с каждым годом растут в своем значении" (там же). Русское духовенство демонстрировало приверженность научному мышлению "в областях наук исторических и филологических", но и оно представляло собой "образованный класс, чуждый точным наукам, т.е. чуждый духу времени" (там же).

По мнению Вернадского, это раздвоение образованного общества "вредно отразилось на развитии естествознания в России", так как, по убеждению Вернадского, "оно поддерживало отношение к нему как к чему-то случайному в мировоззрении и знаниях современного человечества..." С этим настроением русского общества Вернадский боролся горячо и самоотверженно. В серии статей начала века он настойчиво проводил тезис о естествознании как новой могучей силе истории цивилизации. И в "Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии" он вновь подчеркивал: "...мы видим, что научное мировоззрение, проникнутое естествознанием и математикой, есть величайшая сила не только настоящего, но и будущего. Эта сила недостаточно культивировалась в России" (1, с. 197).

В России правительство, нуждаясь в людях с естественнонаучным образованием, старалось ввести их деятельность в удобные для себя рамки, "им не доверяло и их боялось" (1, с. 201). Рост научной мысли в стране поддерживался "всевозраставшим количеством отдельных научных деятелей, слабо связанных друг с другом и с предыдущими поколениями, большей частью случайно продолжавших работу своих предшественников" (там же). Питательную среду они находили "не столько в своей стране, сколько на Западе, где давно уже создавались очаги преемственной работы" (там же).

Создание МОИП и других научных обществ может в этой связи рассматриваться как изменение в начале XIX в. политики правительства, осознавшего пользу создания прочных научных центров, способных поддерживать преемственность в научной работе и служить

интеллектуальной питательной средой для все новых поколений исследователей. Этот опыт был использован во второй половине XIX в., когда, "с царствования Александра II, стала ясна неизбежность победы освободительных стремлений русского общества над старыми правительственными традициями" (там же). По мнению Вернадского, именно в этот период в России "замечается вместе с количественным ростом научных работников все большее увеличение прочных организаций для научной работы, идущих от одного научного поколения в другое, рост научной преемственности и традиции" (там же). МОИП внесло заметный вклад в эти преобразования. В них Вернадский усматривал "одно из немногих проявлений скрытого от глаз современников могучего роста нашей науки" (там же).

Новейшие исторические и историко-научные исследования позволяют лучше, детальнее оценить обстановку, в которой оказалось возможным создание первого естественнонаучного общества в России. Становится также понятным, почему это Общество впервые появилось в Москве. В XVIII в. появляется значительное количество описаний Москвы. Возникновение "москвоведения" связывается как с имманентным развитием научных знаний, так и с социальным заказом со стороны государства и московского населения. В результате общего развития культуры и просвещения в России, роста разнообразия научно-образовательной и культурной деятельности в стране формируется особая социальная группа творческой интеллигенции. Процесс этот захватил и Москву; постепенное формирование московской интеллигенции проходило "главное, под влиянием ускоренного процесса развития науки и культуры" (69, с. 7). В Москве формируется "собственная исследовательская традиция", фокусировавшаяся на изучении как самой древней столицы, так и примыкающего региона (69, с. 28).

Во второй половине XVIII в. в русской науке и культуре "сложилась благоприятная ситуация": укоренилось представление о важности и полезности научных изысканий, в частности региональных; в Москве "впервые появились условия для зарождения и деятельности независимых от государства общественных объединений"; здесь шел процесс формирования интеллигенции; образованная и социально активная часть московского общества способствовала росту интереса к наукам и искусствам (69). Открытие в Москве Университета обозначило принципиально новый этап: вне Санкт-Петербурга открылась возможность светского обучения и реализации творческой личности. Главные тенденции развития культуры и науки в Москве определяли проживавшие в ней крупные деятели науки и просвещения: писатели, ученые, профессора Университета и Славяно-греко-латинской академии. "Движение научной мысли в Москве, также испытывавшее доминирующее

влияние Санкт-Петербургской академии наук, имело определенное своеобразие и самостоятельность" (69, с. 28).

Специальные изыскания, направленные на выяснение начальных страниц естественнонаучного изучения Москвы и Московского региона, привели к выводу: "Естественнонаучная мысль в XVIII в., ориентированная на изучение этого региона, только делала первые шаги... Натуральная история (минералогия, флора и фауна) применительно к Москве представлена, главным образом, фрагментами" (69, с. 3'7). Речь идет об отдельных исследованиях и наблюдениях географического и геологического характера в работах академиков П.С.Палласа, И.А.Брауна, Г.Ф.Миллера, И.П.Фалька, В.Ф.Зуева, Н.П.Соколова и др. "Москва привлекала пристальный интерес ученых уже на начальном этапе формирования науки в России и в качестве объекта изучения фигурировала в первых исследовательских программах" (69, с. 39). Научное изучение Москвы шло по линиям исторического, географического, топографического, экономического, статистического описания. Анализ корпуса научных и художественных работ, всех текстов (в широком смысле) XVIII в., посвященных Москве, позволил сделать вывод, что "только этот город и регион Российской империи привлекал столь пристальное внимание и подвергался практически всестороннему изучению" (69, с. 38).

Вторая половина XVIII в. "резко изменила научную жизнь Москвы", к 1824 г. здесь уже существовали "независимые и крупные центры научного искания во главе с университетом" (1, с. 347). Эти центры сравнительно быстро пополнялись русскими учеными, их окружала "горячая поддержка русского общества" (там же). В Московский университет и связанные с ним учреждения за несколько десятилетий "притекло столько пожертвований частных лиц, столько созданий библиотек, музеев и т.д., сколько Академия наук не получала в целое столетие своей жизни" (1, с. 347).

МОИП И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

История МОИП теснейшим образом связана с формированием системы университетского образования в России. На протяжении трех веков шла борьба двух течений, двух установок: согласно первой, исторически более ранней, университеты должны были готовить кадры для государственного аппарата, для канцелярий, согласно второй, университеты призваны были давать знания учащимся и вести научные исследования.

В странах Западной Европы научные общества создавались в благоприятной культурной обстановке: существовали академии и

университеты, сложилось научное сообщество, развивалась культура - литература, искусство, музыка. Несмотря на усилия деятелей русского просвещения XVIII в. им не удавалось коренным образом изменить ситуацию в стране. На их пути стояли самодержавие и рабство. До XVIII в. в России не существовало научных институтов и не готовились профессиональные ученые. И все же жизнь брала свое. Рассматривая историю русской культуры, авторы капитального труда на эту тему исходили из следующего определения культурного процесса: "Если рассматривать историю человечества последних трех столетий, то, обобщенно говоря, развитие культуры происходит по двум путям. Один из них можно назвать дорогой к интеллигентности, разумея "интеллигенцию" в русском смысле, то-есть в том понимании, какое сложилось относительно этого термина в России в XIX веке. Главным признаком интеллигентности следует считать, во-первых, преобладание духовных интересов над материальными ..., во-вторых, уважительное отношение к "другому", отношение, переходящее в служение людям... Второй путь... - путь к мещанству, это антиномия интеллигенции. Материальные интересы превышают духовные" (98, с. 20). Ученые России в своей массе шли по второму пути. Уже во второй половине XIX в. имена ряда русских ученых получили европейскую известность. А в 1904 г. одна из первых Нобелевских премий, премия по физиологии и медицине за 1904 г., была присуждена И.П.Павлову.

"Культурная отсталость России столь явно препятствовала поступательному развитию промышленности, торговли, финансов страны, что правительство вынуждено было подумать о создании новой системы народного просвещения" (100. с. 16). По данным 1797 г. процент грамотного населения страны составлял среди сельского населения - 2,7%, городского - 9,2% (грамотным считался каждый, кто вместо креста мог написать свою фамилию). Следует напомнить также, что в городах проживало только 4% россиян.

По словам приват-доцента П.Н.Сакулина (1911), до XIX в. "сельская школа почти вовсе не существовала, если не считать какого-нибудь десятка примитивных и недолговечных школок в разных местностях России"; "можно сказать, что просвещение крепостного народа находилось в самом жалком состоянии" (101, с. 70). Крупные помещики, между тем "уже чувствовали нужду в людях интеллигентных профессий" и нередко находили их среди своих крепостных. Граф Строганов "владел столь талантливым архитектором, что ему поручал некоторые работы сам имп. Павел"; крепостной фельдшер Тургеневых был за границей одновременно с Иваном Сергеевичем "и обучался в Берлинском университете". Наибольший процент среди крепостной интеллигенции составляли живописцы и артисты. П.Н.Сакулин спрашивал: "какое социальное значение могла иметь крепостная интеллигенция в общем ходе русской

жизни"? Имеем ли мы дело только с вереницей индивидуальных человеческих драм, оттеняющих жестокость тогдашних социальных условий, или же следует говорить "о крепостной интеллигенции как об известном социальном факторе?" (101, с. 101). Считая, что появление интеллигента в крепостной среде явление не случайное, не сводимое к одному капризу господ, Сакулин указывал на то, что само "развитие помещичьей жизни", рост потребностей и вкусов "в дворянском классе" порождали "нужду в интеллигентных работниках". Существовала и другая объективная причина: "Но и помимо всего этого, можно утверждать, что интеллигенция должна была нарождаться уже потому, что в самом крепостном народе была внутренняя потребность вырваться из мрака и неволи. "Необузданное стремление к просвещению", по официальному выражению николаевской эпохи, несомненно, наблюдалось среди крепостных..." (там же). "Дать образование сыну и добиться свободы" - таким, по словам Сакулина, был идеал сознательных крепостных или бывших крепостных. Конец позорному по его выражению, факту существования в России "крепостной интеллигенции" положила Реформа 19 февраля.

Вопрос о научном образовании в России остро встал уже в XVII в. В "Очерках по истории Московского университета" (1940) было отмечено: "Сознание, что слабость - "плюгавство" - Московского государства и все отрицательные стороны московской жизни проистекают оттого, что московские люди... "нестудерованные" и "для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают", уже ощущалось наиболее передовыми слоями господствующих классов в XVII в." (107, с. 5). Но лишь к концу XVII в. мысль о необходимости для страны высшего образования "вылилась в определенно-обоснованное стремление к отвлеченному знанию", к пониманию, что русские люди, как сказано в одной рукописи конца XVII в., "тем к искусству и к совершенству придут" (там же). Этой тяге отвечала Славяно-греко-латинское училище, основанное в 1687 г. в Москве.

Сподвижник Петра I Ф.С.Салтыков, обучавшийся морскому делу в Голландии и Англии и руководивший постройкой кораблей в России, находясь в Англии направил Петру I две записки с проектами разносторонних реформ, настаивая на развитии в России в кратчайшие сроки образования, книгопечатания, библиотек. Салтыков, настаивал на том, что "без свободных наук и добрых рукоделий не может государство стяжать себе умного имения", ратуя за учебное заведение с 17-летним курсом, охватывающим низшее, среднее и высшее образование. "Создание чисто светского общеобразовательного высшего учебного заведения по образцу "европейских государств", имеющего задачу подготовки образованных кадров для обслуживания, в первую очередь, государственного аппарата, становилось государственной задачей

первостепенной важности" (107, с. 6). Показателен составленный около 1715 г. анонимный проект об "учреждении в России академии политики для пользы государственных канцелярий", предлагавший "ради учения российского шляхетства и все(й) юности" завести "единой университет публичной" (там же).

Вопрос об учреждении светского университета как научно-педагогического учреждения был определенно поставлен только в докладе об учреждении Академии, утвержденном 22 января 1724 г. Здесь университет определялся как собрание ученых, обучающих молодых людей "высоким наукам": теологии, юриспруденции, медицине и философии. Университету противопоставлялась академия как собрание ученых, которые "не только знают науки в том градусе, в котором оные ныне обретаются, но тщатся их посредством новых изобретений и открытий совершить и умножить" (107, с. 6-7).

После учреждения Московского университета в 1755 г. он оставался в течение полувека преимущественно учебным заведением. Ситуация стала меняться с воцарением Александра I (1801). "Негласный комитет" из приближенных к нему реформаторов подготовил ряд проектов либерального толка. С наибольшим успехом была реализована университетская реформа.

На второй год царствования Александр I к существующим министерствам "прибавил, по проекту Василия Назаровича Каразина, пользовавшегося особою милостью Государя, новое "Народного Просвещения", преобразованное из существовавшей "Комиссии Народных Училищ"..." (108, с. 139). Первым министром народного просвещения был назначен граф Петр Васильевич Завадовский. Согласно Н.А.Лебедеву, по проекту В.Н.Каразина (1773-1842) "пересмотрены были уставы всех Академий и университетов" (там же).

По инициативе реформаторов сеть университетов стала расти: по почину А.Чарторыйского и Ф.И.Клингера были воссозданы Виленский и Дерптский университеты; С.Я.Румовский способствовал организации университета в Казани, а С.С.Уваров - созданию Петербургского университета, на долю М.Н.Муравьева как попечителя выпала реорганизация Московского университета. О духе реформ позволяет некоторым образом судить эмоциональная речь В.Н. Каразина "Об ученых обществах и периодических сочинениях в России" (1820), подписанная им "помощник Председателя в С.-Петербургском обществе любителей Российской словесности". Каразин говорил: "Россия... Отечество двадцати различных племен, сливших кровь свою в единый народ... идет быстрыми шагами к просвещению: общей цели человеческого рода" (109, с. 1). Ученые как сообщество выполняющее определенную функцию, "составляют из себя сословия", что признается ("допускается") всеми просвещенными правительствами. Конкретизируя мысль о том, что "мы должны иметь

ученые общества, ученые повременные издания", Каразин ставил вопрос, каковыми "должно быть этим обществам, этим изданиям, для достижения цели?" Их задачу он определял так: "действовать на общественное мнение", "разливать полезные знания, образовать вкус, действовать на нравы", отвечать на вызовы, предъявляемые обширными пространствами страны. "Науки естественные, домоводства, искусства, изделия всех родов у нас младенчествуют в сравнении с тем, что мы видим у прочих народов, у Северо-американцев даже, которые не составляли еще и народа тогда, как мы имели уже Екатерину!" (109, с. 6). Усилия должны быть направлены на познание природы и богатств страны. "Сколько вызовов представляются в сношениях между собою отдаленнейших, друг другу неизвестных краев обширной империи! Сколько в ней любопытного, заслуживающего быть известными, не нам только одним, но и чужестранцам..." (там же). Каразин призывал, "взяв за образец Бюффона", описать "лучшие путешествия действительно совершенные в недрах Отечества нашего". Напомнив, что в Европе существуют государства, уступающие по площади и населению одной из российских губерний, он сказал: "Исчислим естественные произведения России, опишем нравы ее разновидных обитателей, от кочующего на льдах полярных Чукчи, до Индейца, благоговейно поклоняющегося Бакинскому огню" (109, с. 8).

Для становления университетского образования и создания при университетах научных обществ существенное значение имели реформы Александра I. Взойдя на престол после государственного переворота 11 марта 1801 г. Александр был вынужден для укрепления своего положения искать новые общественные силы, чтобы противопоставить их "и деятелям павловского времени и сановной оппозиции екатерининских вельмож" (100, с. 15). В ситуации, когда существовало недовольство в армии, напряженная международная обстановка, крестьянские выступления, Александр обратился к либеральному реформизму, чтобы привлечь просвященное дворянство. Изучение состояния государства и разработка ряда реформ по вопросам экономической социальной и культурной жизни страны было доверено им "негласному комитету". Большое внимание комитет уделил народному просвещению.

18 марта 1802 г. под председательством Муравьева учреждается особый комитет для рассмотрения новых уставов императорской Академии наук, Российской академии и Московского университета. В итоге был подготовлен проект устава Московского университета, обсуждавшийся на Комиссии об училищах 18 октября 1802 г, Муравьев обратился к опыту западно-европейских университетов; по словам Ф.А.Петрова, он "видел образец университетского образования в протестантской Германии со свойственной ей свободой академической жизни и свободой преподавания. Это и предопределило в дальнейшем его ориентацию на немецкие университеты при подготовке общеуниверситетского устава" (106, т. 4, ч.2,

с. 138). Сохранились два проекта устава Московского университета, написанные М.Н.Муравьевым в 1803 г. - первой половине 1804 г.

Возражая против бытующего в исторической литературе искусственного противопоставления отечественных ученых иностранным, Петров напомнил слова М.И.Сухомлинова, утверждавшего, что Муравьев приглашал в Россию выдающихся западноевропейских ученых, чтобы "при их помощи образовать поколение русских ученых". Традиция приглашения иностранцев, прежде всего немцев, в Московский университет "существовала с самого начала деятельности Московского университета..." (там же, с. 146). Муравьев специально переписывался с профессором Геттингенского университета Христофором Мейнерсом, автором трудов "Об устройстве и управлении университетов в Германии" (1801-1802) и "История высших европейских училищ" (1806). В переписке с Мейснером и проф. Шицем из Иенского университета Муравьев "стремился получить объективную и достоверную информацию о научном уровне и педагогическом мастерстве каждого из приглашаемых им немецких профессоров" (там же, с. 147). В отчете за 1803 г. Муравьев писал, что предполагалось пригласить профессора натуральной истории Лемана, находившегося в Париже, но он отказался и был, как отметил еще С.П.Шевырев (1856), "заменен Майнцским профессором Фишером". За 1803 г. Муравьев пригласил в Москву девять профессоров из университетов Германии, в первую очередь для преподавания предметов, в которых Московский университет заметно отставал от западноевропейских. В их числе были ботаника и натуральная история.

Россия отдавала должное ученым Западной Европы, способствовавшим становлению системы университетского образования в стране. Однако целью государственной политики в области просвещения и науки всегда оставалось стремление иметь собственные кадры первоклассных ученых и преподавателей, перевести процесс обучения на русский язык и создать русскоязычную научную и учебную литературу. Вот как писал об этом в 1803 г. друг Муравьева Н.М.Карамзин в статье "О верном способе иметь в России довольно учителей": "великую пользу" приносит стране воспитание на казенный счет при университете бакалавров, магистров и профессоров: эти люди, "обязанные моральным бытием своим университету, привыкнув к мысли, к людям, к жизни, посвященной наукам", не стали бы обольщаться "выгодами других состояний, оставались в ученом и с удовольствием брали на себя должности наставников юношества": Московский университет "славясь иногда чужестранными профессорами, всегда славился и русскими, которые, преподавая науки, в то же время образовывали и язык отечественный" (цит. по 106, т. 4, ч. 2, с. 2).

В августе 1802 г. в России было создано Министерство народного просвещения, главной задачей которого было подготовить и провести полную реорганизацию всех звеньев учебного процесса в стране. Ранее

подготовленные и обсуждаемые "Предварительные правила народного просвещения" были дополнены и после утверждения царем опубликованы в 1804 г. в виде двух уставов: "Устава Российских университетов Российской империи" и "Устава учебных заведений, подведомственных университетам". Согласно "Уставу "1804 г. "создавалась стройная система административного управления всеми учебными заведениями. Народное образование делилось на четыре ступени: 1) приходские училища, 2) уездные училища, 3) гимназии, 4) университеты. Ступени были связаны между собой в учебном и административном плане. Территория России была разделена на шесть учебных округов по числу существовавших и предполагавшихся к открытию университетов (Московский, Дерптский, Виленский, а также Петербургский, Казанский и Харьковский). Во главе учебного округа стоял попечитель. Ректор университета подчинялся попечителю. Профессора университета во главе с ректором призваны были курировать гимназии губернских городов округа; участвовать в разработке учебных и методических вопросов; контролировать деятельность директоров и преподавателей гимназий. Директор гимназии отвечал за работу уездных училищ, смотритель народных училищ - за деятельность приходских училищ уезда. Соподчинение не ограничивалось чисто административной сферой. Устав 1804 г. устанавливал преемственность учебных программ всех ступеней, включая высшую школу.

По уставу 1804 г. университеты получали автономию. Управление университетом, разработка учебных планов производились выборными органами - учеными советами во главе с ректором; деканы и профессора факультетов выбирались ученым советом. Ректор университета избирался (с последующим утверждением). Университеты получали право создавать научные общества, библиотеки, заводить свои типографии и печатать научные труды. Все это позволило расширить учебные программы, утвердить более прогрессивную методику преподавания. Наконец, вводится принцип бесплатности обучения.

Реформа учебных заведений 1804 г. отражала влияние идей русских просветителей XVIII в. и передовой общественности начала XIX века. Однако буржуазный характер проводимых мероприятий "значительно ограничивался сохраняемыми феодальными чертами" (100, с. 18). По существу приходские школы были задуманы как низшие школы для народа. В гимназии крепостных принимали лишь при наличии "вольной". Создаются благородные пансионы (для дворян); подобные пансионы существовали при Московском и Петербургском университетах. И все же реформа обеспечивала прогрессивный сдвиг.

В эпоху попечительства М.Н.Муравьева, "сформировались три основных направления научно-просветительской деятельности Московского университета, которые в дальнейшем стали определяющими для университетской общественной деятельности всей первой половины

XIX в." (106, т.1, с. 189). Первым среди этих направлений Петров называет основание научных обществ при университете. Два других направления деятельности, присущих как университету, так и МОИП, это чтение регулярных публичных лекций для московской общественности и издание журналов. Приведя слова С.П.Шевырева (1855), указавшего, что Муравьев стремился "окружить университет учеными обществами" и тем самым закрепить положение университета как одного из ведущих научных центров страны и укрепить его общественное положение. Петров пишет далее: "Изначально эти научные общества должны были включать в себя не только самих профессоров университета, но и всех интересующихся различными научными проблемами, в том числе знатных вельмож, купцов и других меценатов. К участию в деятельности научных обществ приглашались и зарубежные деятели науки и культуры, что должно было содействовать расширению международных связей Московского университета" (106, т.1, с. 189-190).

Первым, 18 марта 1804 г., было учреждено при Московском университете Общество истории и древностей российских. Александр 1 поручил создать его П.В.Завадовскому, последний - Муравьеву, а тот - Совету Университета. Во главе Общества оказался ректор университета А.Х.Чеботарев. Однако наиболее деятельным показало себя Московское общество испытателей природы. Как справедливо отмечает Петров, в отличие от Общества истории и древностей российских МОИП "с первых шагов развернуло бурную деятельность". Отдавая основную заслугу в организации и утверждению принципов деятельности МОИП Г.И.Фишеру как его директору и фактическому научному руководителю, Петров напомнил и о роли первого президента МОИП Алексея Кирилловича Разумовского. "Разумовский был не формальным председателем общества. Став в 1807 г. попечителем, а с 1810 г. министром народного просвещения, он, проявляя значительный интерес к естественным наукам, снаряжал на свой счет экспедиции, кредитовал исследования, а в его знаменитых Горенках работали выдающиеся естествоиспытатели Фишер, Гофман, Гольдбах (помимо них в МОИП с момента организации вошли также Двигубский, Страхов, Рейс, Реннер и другие). При Разумовском регулярно проводились метеорологические исследования МОИП, которые с 1810 г. публиковались в "Московских ведомостях"" (106, т.1, с. 191).

Сопоставляя деятельность научных обществ при Московском университете и выделяя МОИП, Петров пришел к выводу: "Безусловно, из всех научных обществ это было самое мощное" (там же). Он напомнил, что, в отличие от Общества истории и древностей российских, МОИП принимало в свои ряды учителей гимназий, любителей природы, "младших питомцев наук" - студентов Московского университета (там же).

М.Н.Муравьев заботился, чтобы в Московском университете учились "дети разных сословий и национальностей". В начале 1803 г. он обратился

к П.В.Завадовскому с ходатайством "о присылке молодых людей из армян или из детей грузинских дворян в Московский университет для учения врачебным наукам". 14 апреля 1803 г. министр распорядился об отправлении в Московский университет для обучения на казенном содержании "двенадцать человек из армян и грузинских дворян". "Так было положено начало обучению в Московском университете представителей Закавказья, не имевшего собственного университета, за счет российского правительства", - заключает Петров (106, т.1, с. 188).

Реформаторы начала XIX в., заботясь о будущем России, особо выделяли роль просвещения. "Если что-либо может обеспечить незыблемость безмерного пространства России, - писал Каразин, - то это только просвещение ее народов. Если что-либо может сделать ее истинно независимой от всякого внешнего давления, - то это опять-таки только просвещение..." (цит. по: 106, т.1. с. 207). В сентябре 1803 г. при Московском университете для популяризации научных знаний был открыт цикл публичных лекций. Новый цикл публичных лекций был проведен в ноябре 1804 - мае 1805 года; читались лекции по эстетике, истории Англии, химии, математике, опытной физике, истории философии; лекции по натуральной истории на французском языке читал Г.И.Фишер. Эти лекции оценивались как заметное событие в общественной и культурной жизни страны. Обобщая опыт Московского университета, Н.М.Карамзин выступил со специальной статьей "О публичном преподавании в Московском университете", где подчеркивал, что наступил момент, когда накопленные научные знания должны вырваться из "тесных пределов" чистой науки и стать достоянием всего общества, "когда для всякого важного государственного места требуется разум просвещенный" /см. "Вестник Европы". 1803. Кн. XII.С.262, 267/. /цит. по: 106, т.1, с.193/. Показателем интереса к лекциям служило число слушателей "всякого звания", собиравшихся в Московском университете.

Важным направлением научно-просветительской деятельности стал выпуск Московским университетом периодических изданий; этому способствовал переход в 1806 г. в ведение Правления университета университетской типографии. В течение столетия, начиная с 1756 г., университет издавал газету "Московские ведомости". На ее страницах публиковались статьи, сообщения о наблюдениях и опытах, тексты лекций университетских профессоров; научные общества регулярно помещали отчеты о своей деятельности. Во многом под влиянием М.Н.Муравьева происходило осознание университетом своих культурно-просветительских задач. Муравьев был инициатором издания ряда журналов, например, "Московских ученых ведомостей", "Журнала изящных искусств", "Журнала полезных изобретений в искусствах, художествах и ремеслах и новейших открытий в естественных науках". Различные научно-просветительные журналы выпускались также отдельными профессорами

и преподавателями университета, крупнейшим из них был "Вестник Европы" в 1805 г. перешедший от Н.М.Карамзина к М.Т.Каченовскому, начинавшему свою деятельность в Московском университете. Под редакцией М.Г.Гаврилова выходил "Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света". "Публикаторская деятельность Московского университета муравьевского периода не прошла бесследно и в дальнейшем стала неотъемлемой частью научно-педагогической и просветительской деятельности университетской корпорации" (106, т.1, с. 185).

С именем Муравьева как попечителя связывают привлечение меценатов к делу образования и науки. Деятель, близкий к императору, он обратился к российскому обществу с призывом помогать правительству "патриотическими приношениями", особо выделяя необходимость субсидирования "вспомогательных учреждений" при Московском университете. Возможно, здесь кроется разгадка "дела греческого купца Зосимы", который изменил свое решение поддержать МОИП, передав приносимое им в дар здание не МОИП, как он первоначально собирался, а университету под обсерваторию. Согласно Шевыреву, на университет жертвовали лица всех сословий: дворяне, духовенство, купечество, мещане и даже крестьяне.

Не будет преувеличением говорить об "эпохе попечительства М.Н.Муравьева" (Ф.А. Петров): именно в эти годы на Московском университете "были практически опробованы многие идеи, впоследствии положенные в основу Устава 1804 г." (106, т.1, с. 197). Муравьев заслужил особую благодарность императора за "великое участие в образовании людей способных для Государственной службы, в распространении знаний и наипаче в усовершенствовании отечественного языка" (цит. по: 106, т.1, с. 198). Муравьев принял участие в разработке первого Устава 1804 г.; хорошо представляя себе новые задачи университета, он прилагал большие усилия, чтобы обеспечить университет высоко квалифицированными специалистами, способными неотлагательно вывести университет на уровень лучших университетов Европы. Он лично занимался отбором иностранных ученых, приглашаемых для преподавания в Россию: искал и пествовал молодые русские таланты; учреждал новые кафедры и новые научные общества; заботился об установлении и укреплении культурных и научных связей с Западной Европой (так, в ноябре 1804 г. почетными членами университета были выбраны И.В.Гете, И.Ф.Шиллер, философ Х.М.Виланд).

По оценке Ф.А.Петрова, это был всплеск преобразований, который вновь был повторен три десятилетия спустя при попечительстве графа С.Г.Строганова, с именем которого связывается появление новой генерации профессоров. Государственный деятель, историк искусства, основатель известного (Строгановского) училища Сергей Григорьевич Стро-

ганов в 1835-1843 гг. возглавлял МОИП в качестве его президента. К моменту назначения Строганова в 1835 г. на пост попечителя "уже сложилась система российских университетов, позволявшая планомерно и целенаправленно подготавливать собственные кадры университетской профессуры" (106, т.1, с. 198).

Значение университетской реформы трудно переоценить. Реформа образования началась с записки В.Н.Каразина Александру I о реформах вообще. По его же проекту были пересмотрены затем уставы всех академий и университетов. По прежде была создана Комиссия об устройстве народных училищ, в которую вошли "прежде всего высокопоставленные, титулованные лица, связанные с западноевропейским просвещением. Наряду с ними в комиссию вошли ученые, на плечи которых собственно и легла практическая работа по проведению в жизнь реформы в области просвещения. Среди ученых выделяются имена академиков: С.Я.Румовского, Н.Я.Озерецковского, Н.И.Фусса. Правителем дел Комиссии стал Василий Назарович Каразин (1773-1824), который характеризуется как выдающийся либеральный реформатор начала XIX в. и ученый энциклопедист. "Удачный союз молодых, европейски образованных реформаторов (М.Н.Муравьев, Н.Н.Новосильцев, А.Чарторыйский, П.А.Строганов, В.Н.Кармазин) с опытными государственными деятелями во главе с П.В.Завадовским и известными русскими учеными, академиками (С.Я.Румовский, Н.Я.Озерецковский и Н.И.Фусс) позволял в сравнительно короткий срок подготовить эту реформу" (106, т.1, с. 244).

Университетская реформа в России "готовилась вполне самостоятельно"; реформаторы разрабатывали структуру российских университетов по лучшим западноевропейским образцам, отвергая при этом "неприменимые к российским условиям особенности западноевропейских университетов" (106, т.1, с. 243). Перенося западноевропейский опыт на русскую почву, реформаторы стремились "прежде всего не исказить общий ход развития русской культуры"; помимо этого, они пытались "как бы включить университетские корпорации в государственную структуру самодержавной России" (там же, с. 244). Руководствуясь прежде всего общегосударственными интересами, "желанием приобщить Россию к общему процессу просвещения", они неразрывно связывали цели воспитания Человека и Гражданина с практическими задачами подготовки врачей, учителей, инженеров, образованных чиновников и офицеров. Реформы планировались на десятилетия вперед, поэтому университетам предстояло сыграть особую роль в подготовке новой генерации государственных деятелей, реформаторов, способных "провести в жизнь намеченные в начале царствования Александра I широкие преобразования во всех сферах жизни страны" (там же). Ни "протестантская", ни "католическая" модель

западноевропейских университетов не отвечала полностью условиям России. Выработанный Комиссией Устав 1804 г. учел это обстоятельство, предоставив "третью модель, делавшую российские университеты центрами национального образования, науки и культуры" (там же, с. 245).

Изучение истории отечественных университетов первой половины XIX в. приводит к выводу, что "к середине XIX в. в России сложилась оригинальная система университетского образования" (106, т.4, ч.2, с. 252). Отличительными признаками этой системы являются: формирование сети Российских университетов (Московский, Виленский, Дерптский, Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Киевский); создание государственной системы учебных заведений: приходские школы - уездные училища - губернские гимназии - университеты (эта иерархия продолжала существовать до реформы 1835 г., которая отделила высшую школу от ранее входившей в сферу ее управления средней школы; утверждение Уставом 1804 г. университетской автономии; формирование кадров отечественной профессуры; формирование в российских университетах научных школ и направлений; создание оригинальной методики преподавания, сочетавшей лекционные и практические занятия по государственной, единой для всех университетов программе с поощрением самостоятельного научного творчества студентов, привлечение их к научным исследованиям и экспедициям; относительная доступность университетского образования, по Уставу 1804 г. открытого всем сословиям (при сохранении крепостного права и феодально-сословной структуре общества). Классический тип российского университета, сложившийся в первой половине XIX в., оказался устойчивым и "просуществовал с теми или иными изменениями вплоть до настоящего времени" (106, т.4, ч.2, с. 256).

Для уяснения роли МОИП нужно иметь в виду, что реформа 1804 г. сильно осложнила положение университетских ученых, поскольку на университет были возложены административные функции по отношению к нижестоящим учебным заведениям. Эта система просуществовала до 1835 г. Думается, что в течение этих трех десятилетий (1805-1835 гг.) МОИП и другие общества при Московском университете служили надежным оплотом творческой научно-исследовательской деятельности. Если в 1909 г. В.И.Вернадский смог заключить, что расцвет естествознания и сама эпоха 1860-х годов "были подготовлены не влиянием Запада, а незамеченным ростом внутренней работы русского общества в течение нескольких поколений" (2, с. 176), то надо признать деятельность МОИП частью этой работы.

Геттингенский профессор Т.Маурер в статье "Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров" утверждает: "Более чем какая-либо другая тема русской истории университеты царской России представляют загадку для историка,

заставляя его сомневаться в таких категориях, как "отсталость" и "прогресс" - так как в некоторой свойственной им двойственности едва ли можно их отнести к какому-то одному из этих полюсов" (114, с. 273). Основывая в 1755 г. Московский университет, Елизавета признавала отсталость России. Однако современник, геттингенский ученый Майнерс, с удивлением обнаружил в уставе русских университетов, основанных в начале XIX в., "черты, которые он едва ли мог представить "более демократичными и даже охлократичными"" (там же). По словам Маурера, за сто лет до того, как немецкие внештатные профессора смогли завоевать некоторое участие в университетском самоуправлении, в России они добились этого относительно легко. "Таким образом, в этом отношении устройство российских университетов представляется более равноправным и, соответственно, более "современным" по сравнению с немецкими прообразами" (там же, с. 274). С еще большим основанием, надо думать, эту оценку Маурера можно было бы распространить на научные общества, созданные при Московском университете.

Западные ученые констатируют, что русская интеллигенция "отличалась от других континентальных культурных элит". "Семейный или личностный элемент - поразительная особенность русской интеллигенции", - утверждает Х.Д.Балзер (114, с. 211). На эту особенность обращает внимание и Ф.А.Петров. Отмечая заслуги иностранных профессоров в становлении Российских университетов в конце XVIII - начале XIX вв., например, М.А.Балугьянского - первого ректора Петербургского университета, И.А.Гейма - ректора Московского университета в 1812 г., Г.И.Фишера - основателя МОИП и ученой династии естествоиспытателей, он далее пишет: "И все же лишь отдельные зарубежные ученые смогли в полной мере выполнить двуединую, образовательно-воспитательную функцию российских университетских профессоров" (106, т.4, ч.2, с.254). В процессе становления Московского, а затем и других российских университетов "начал складываться особый тип профессора, сочетавшего научно-педагогическую деятельность с патриархальной опекой по отношению к студентам" (там же, с. 254-255). Примеров здесь много; хорошо известно, что между К.Ф.Рулье и его учениками существовали неформальные, задушевные отношения; М.В.Сабашников с благодарностью вспоминал о М.А.Мензбире, настоявшем на издании его работы об аскариде и отмечал, что вечеринки - встречи студентов с преподавателями университета были обычаем. Сабашников рассказал в своих "Записках" о субботних приемах у зоолога Б.Н.Львова; о вечеринке, прошедшей оживленно благодаря участию профессоров, и о первой своей встрече здесь с П.Н.Милюковым. "Другой профессор - П.Д.Зелинский, провел с нами весь вечер в непринужденной беседе за стаканом чая. Говоря о границах познания, он передал содержание знаменитой речи Дюбуа-Реймона" (115, с. 468). Брат

Сабашникова Сергей выполнил у Зелинского отчетную работу по химии. На этом отношения не прервались. "С Н.Д.Зелинским мы...часто встречались за вечерним чаем у А.И.Чупрова" (там же). Чупров - экономист, статистик, профессор Московского университета.

Реконструируя процесс зарождения в Москве специфической социальной группы творческой интеллигенции, С.С.Илизаров (2004) пришел к выводу, что к концу XVIII в. "намечается формирование особого типа провинциального интеллигента" (69, с. 27). Научные труды В.Н.Татищева, Г.Ф.Миллера, М.М.Щербатова, справочные издания типа Географического словаря Ф.А.Полунина – Г.Ф.Миллера, подготовленные "в рамках формировавшейся в XVIII в. академической традиции, давали провинциальным исследователям и краеведам общие представления об истории и географии Российского государства и вместе с тем они же демонстрировали принципы работы с эмпирическими материалами..." (там же). Это позволило сравнительно широко развернуть изучение регионов, городов, поселений городского типа как "составных частей единого государственного организма", что отвечало задаче "научного освоения пространства страны" (там же). Илизаров пришел к заключению, что в 1760-1770-е годы в русской науке и культуре "сложилась благоприятная ситуация"; к этому времени укоренилось "устойчивое представление о важности и полезности научных изысканий вообще и региональных исследований в частности..." (там же, с. 29). В Москве формируется "собственная исследовательская традиция", которая ориентировала на изучение древней столицы и примыкающего региона, созидались отдельные "культурные пространства". Благодаря всему этому "приоткрылись шлюзы для умственной деятельности, в Москве шел активный процесс формирования интеллигенции" (там же). Образованная, социально активная часть московского общества являлась "питательной средой роста интереса к наукам и искусствам" (там же).

Демократизм, свойственный МОИП, отражал общую тенденцию, которая отличает формирующееся научное сообщество российских университетов первой половины XIX в. Кадры для него поставляли все слои русского общества. "Говоря о сословном происхождении членов университетской корпорации, нельзя не отметить, что какого бы звания ни были их родители - дворянского, духовного, купеческого, разночинного и даже крестьянского - все они представляли собой единое новообразованное "ученое сословие", занимавшее видное место в государственной и общественной жизни России" (106, т. 2, с. 36). Всесословное начало, положенное в основу университетского образования, приводило к снижению социальных различий. Осознание этого положения по-разному отразилось на самосознании ученых и на действиях власти. В 1818 г. власть нашла необходимым восстановить некоторые привилегии, предоставив воспитанникам Благородных пансионов при университетах

"более высоких чинов, чем выпускникам самых университетов (имеются в виду окончившие с отличием)" (106, т.2, с. 552). Аналогичными привилегиями стали пользоваться и выпускники лицеев. В конце 1810-х - начале 1820-х гг. взгляды правительства на цели, характер управления и самоуправления и средства университетского преподавания и науки резко изменились; наступила эпоха относительно кратковременной реакции. Однако заложенные в Уставе 1804 г. основы университетской автономии "до конца поколебать не удалось" (там же, с. 553).

Проводя параллель между последними годами царствования Александра I и Николая I, Ф.А.Петров нашел, что и в эпоху министерства князя А.Н.Голицина, и в эпоху министерства князя П.А.Ширинского-Шихматова "происходил отход от утвержденного самими же императорами уставов 1804 и 1835 гг. и переход к открытой реакции, произвольному вмешательству в дело университетской автономной структуры, в учебные программы и научную работу профессуры" (там же). Однако реакционеры натолкнулись на возросшее самосознание сложившегося "ученого сословия". "Полный отход от созданной в начале XIX в. университетской автономной корпорации был невозможен, и реакция в области народного просвещения в 1819-1824 гг., как и в 1848-1855 гг., так и не смогла воплотиться в конкретный законодательный нормативный акт, т.е. в новый устав" (там же, с. 553-554). Общественное мнение, с которым уже не могли полностью не считаться проводники правительственной политики, помешало затормозить развитие университетского образования в стране.

В 1905 г. в статье "К истории наших университетских уставов", опубликованной в "Русской мысли", В.А.Воробьев писал, что с 1817 г. "начался систематический ряд ограничений свободы университетов в виде высочайших указов, превративших наконец Устав 1804 г. почти в мертвую букву" (цит.по: 106, т. 2, с. 473). Меньше всего эти ограничения сказались на Московском университете. По словам Петрова, последний не пережил в конце 1810-х - начале 1820-х гг. таких потрясений, какие выпали на долю Казанского, Петербургского, Харьковского и Виленского университетов. В этих четырех университетах на смену либеральным попечителям явились проводники "реакционной политики голицынского министерства", тогда как в Московском "напротив, вместо самодура П.И.Голенищева-Кутузова с 1 января 1817 г. попечителем стал князь Андрей Петрович Оболенский (1769-1852), который... «любил и уважал просвещение и, пользуясь своим влиянием в правительственных и аристократических кругах, спасал университет от ревизий Магницкого и других наступлений реакции" (106, т. 2, с. 545). Оболенский сумел обеспечить нормальное функционирование Устава 1804 г.

Отдавая должное усилиям А.П.Оболенского, Петров вместе с тем пишет: "И все же следует подчеркнуть, что основной причиной более

сильного сопротивления Московского университета реакции по сравнению с Казанским и Петербургским было то, что в нем действовала сложившаяся к этому времени сильная и устойчивая профессорская корпорация, стабильная по своему составу, имевшая ярко выраженных лидеров в лице ректоров, деканов и ведущих профессоров... корпорация, которая, обладала большим авторитетом в обществе" (там же, с. 545-546). Было бы справедливым, мне кажется, прибавить к этой основной причине и другую - авторитет первого в России и уже завоевавшего мировую известность естественнонаучного общества, Московского общества испытателей природы, и других научных обществ, которыми в начале XIX в. в соответствии и на основе Устава 1804 г. был окружен Московский университет.

В "Очерках по истории Московского университета" (1940) ранее также отмечалось, что в нем внутреннее сопротивление реакционному курсу по сравнению с другими университетскими центрами было "сильнее и успешнее" (119, с. 38). Среди причин этой устойчивости, в одном ряду с другими, назывались и научные общества. "Московский университет был старым и наиболее прочным центром научно-учебной жизни в России: он имел значительный состав преподавателей и студентов, разветвленную сеть вспомогательных учреждений и научных обществ, разнообразные и прочные общественные связи. За Московским университетом стояли прогрессивные влиятельные слои московского дворянства" (там же).

Многие мемуаристы отмечали, что "Москве удивительным образом «подходил» и сам Университет", и объясняется это не только выгодным географическим положением города, сравнительной дешевизной тамошней жизни, наличием родственников у явившихся из провинции студентов. Как полагает И.Л.Волгин, истина состоит еще и в том, что "Москва самой своей сутью, своей приближенностью к основам национальной жизни была - по контрасту - более расположена к приятию тех благ просвещения, которые в европоизированном Петербурге выглядели бы лишь формальными прибавками к уже устоявшемуся культурному слою"; в патриархальной Москве "новое учреждение могло стать мощным стимулом для развития самобытной духовной жизни и в конечном счете послужить делу национального обновления" (115, с. 5-6). Судьба распорядилась так, что Университет разместился бок о бок с Красной площадью (на месте будущего Исторического музея). Позже, переместившись на Моховую, он укрепил "свое центральное положение", окна университетских зданий выходили на Кремль: "символ образованности воздвигся прямо напротив символа государственной власти" (там же, с. 10).

Часть вторая

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ МОИП

Согласно принятому в 1805 г. Уставу МОИП, новое Общество должно было заниматься "естественной историей и науками, к оной относящимися" - анатомией, химией, физикой; собирать "сведения по географическому порядку всех произведений минералогии, ботаники, зоологии, землеведения и промышленности" и приложить "старания к открытиям таких произведений, кои могут составить ветвь российской торговли". Все собранные Обществом материалы должны были передаваться и храниться в университетском музее, директор которого являлся одновременно и директором МОИП.

Делами МОИП управляли: директор, два секретаря и казначей. Первым директором Общества был пожизненно избран Г.И.Фишер. По первому уставу МОИП именно директор считался научным руководителем Общества и Фишер с честью справлялся с этими обязанностями в течение без малого полувека (с 1805 по 1853 гг.). Наряду с должностью директора уставом была предусмотрена должность президента, которую занимали "преимущественно попечители университета и попечители Московского учебного округа" (12, с. 13). И хотя позднее в уставе было записано, что делами Общества руководит президент, подлинное руководство осуществлял директор, до тех пор, пока необходимость в этой должности не отпала и во главе Общества не встали президенты, избираемые из числа крупных ученых-естествоиспытателей.

МОИП и возникавшие позже общества естествоиспытателей, несомненно, служили фактором укрепления традиции и преемственности в развитии естествознания в России. По уставу МОИП оно было основано при Московском университете и его связь с последним никогда не порывалась. Наряду с университетом Общество являлось научной школой для многих поколений натуралистов. Доклады в Обществе и обмен мнений по ним, ознакомление с научными методами, помощь старших и более опытных товарищей в редактировании рукописей, возможность пользоваться богатой библиотекой Общества, - все это способствовало совершенствованию и росту начинающих ученых. Существенное значение имела также такая характерная черта деятельности МОИП, как его универсальность. В поле зрения Общества находились все основные области естествознания. В этой связи важно отметить "весьма высокий теоретический уровень большинства докладов и работ, как доложенных на заседаниях Общества, так и напечатанных в изданиях МОИП" (13. с. 81). К примеру, именно в МОИП опубликовал свою магистерскую диссертацию в 1891 г. В.И. Вернадский (14).

МОИП сумело быстро наладить плодотворную работу, которая была встречена с одобрением властью. Известную роль при этом сыграл граф А.К.Разумовокий, после смерти М.Н.Муравьева в 1807 г. назначенный попечителем Московского университета, а позже, в 1810 г, - Министром народного просвещения. Разумовский способствовал укреплению авторитета МОИП. "В самом начале попечительства графа Разумовского, в ноябре 1807 г., выразилось благоволение Императора к полезным трудам Московского общества Испытателей Природы тем, что ему дозволено было именоваться Императорским. Сентября 28-го того же года, Государь уже выразил Свое благоволение Председателю общества за первый том трудов его. Общество составило план систематическому описанию Московской Губернии, в отношении к Топографии, Статистике, Естественной Истории, наблюдениям астрономическим, определению географической широты и долготы мест и проч. Император, одобрив предприятие, пожаловал Обществу единовременно 5000 рублей на издержки, из училищного капитала" (6, с. 388).

Плодотворную роль сыграло МОИП в поднятии интереса к естествознанию среди немногочисленной еще в начале XIX в. интеллигенции России. Об этом свидетельствует множество писем в адрес Общества от его корреспондентов, любителей естествознания - учителей, медиков, аптекарей и др. Из разных уголков России к Обществу обращались за указаниями о том, как проводить изучение естественно-исторических объектов и явлений, делились своими наблюдениями над природой, присылали, большей частью безвозмездно, предметы и целые коллекции, относящиеся к области минералогии, зоологии, ботаники, палеонтологии. Со своей стороны Общество "стремилось включить в свой состав местные научные силы и всячески поощряло их начинания по ботаническому исследованию местностей, в которых проживали эти натуралисты-любители, снабжало их инструкциями, оборудованием, литературой, нередко денежными субсидиями" (15, с. 6). Ботанические коллекции, присылаемые в дар Обществу, научно обрабатывались членами Общества, а результаты этой работы публиковались. Это способствовало накоплению ценного материала для познания местных флор и создания ботанико-географических очерков. Трудно переоценить роль МОИП и персонально Г.И.Фишера в организации Зоологического музея Московского университета.

Историю этого музея С.С.Туров и Г.П.Дементьев (16) ведут от Музеума натуральной истории Московского университета, которым с 1788 по 1804 год заведовал проф. А.А.Антонский-Прокопович. Музей в эти годы еще не определился в качестве зоологического собрания, представляя собой смесь зоологических объектов, минералов, медалей, монет; его помещение имело около 26 м в длину и 8 м в ширину. Новый период в развитии музея датируется 1804 г., когда заведование им принял

Г.И.Фишер. Он сразу развернул весьма энергичную деятельность; музей переехал в новое помещение (площадью в 214 кв. сажен) и уже в октябре 1805 г. был открыт для посетителей. В 1812 г. при нашествии Наполеона музей и библиотека сгорели. После изгнания французов из Москвы Фишер по существу начал создавать его заново, опираясь не в последнюю очередь на МОИП. "Очень большое значение для пополнения музея в первой половине XIX столетия имело основанное тем же Г.И.Фишером в 1805 году Московское общество испытателей природы, вскоре ставшее центром научной мысли и работы в области естествознания в Москве" (16, с. 178). Утверждая это, С.С.Туров и Г.П.Дементьев замечают, что "Главные поступления научного материала в этот период, когда заведовал музеем Фишер, шли через Общество испытателей природы и его членов" (там же). В 1814 г. в коллекцию музея вновь входило уже 6000 предметов, в 1832 г., когда Фишер покинул должность директора музея, в ней было около 1300 экземпляров позвоночных и более 23000 беспозвоночных. По-видимому, Фишер вынашивал план создания в Москве национального естественно-исторического музея по типу Национального музея естественной истории в Париже. "...В 1832 г. он представил на специальном заседании Московского общества испытателей природы детально разработанную программу организации Отечественного естественно-исторического музея в Москве, основой которого должен был стать Зоологический музей Университета" (17, с. 66; см. также 18). МОИП одобрило эту программу. В пользу будущего музея поступили щедрые пожертвования: для будущего музея почетный член МОИП Л.Рюмин предоставил дом на Смоленском рынке, а греческий подданный П.Зосима передал в дар университету "огромный участок земли с рядом построек" в районе Пресни. Помимо этого, поступало "огромное количество книг и даже целых библиотек в Библиотеку общества", а также денежные суммы (19, с. 353-354; 20, с. 506-507; см. также 17, 18).

Вообще после окончания Отечественной войны 1812 г. и восстановления Московского университета, сильно пострадавшего во время пожара Москвы, научные общества, окружавшие университет, вновь развили активную деятельность. "Императорское Общество испытателей природы совершило много новых открытий во всех трех ея царствах: умножило посредством членов своих собрания университетского музея; напечатало шесть томов своих Записок на Французском и Латинском языках: обогатило свою библиотеку многими приношениями членов" (6, с. 457).

Устав МОИП предъявлял высокие требования к приему новых членов. Чтобы быть принятым в Общество, необходимо было располагать рекомендацией одного из его членов, представить Обществу какое-нибудь "Рассуждение" или уже опубликованное сочинение и получить при баллотировке не менее трех четвертей голосов. Каждый член МОИП был обязан прочесть доклад. Почетными членами избирались выдающиеся

русские и иностранные ученые, а также лица, оказавшие Обществу крупные материальные или организационные услуги.

Вместе с тем, МОИП стремилось привлечь к своей деятельности молодежь, активно влиять на подготовку научных кадров. Молодежь приучалась к мысли, что членство в МОИП высоко престижно и должно быть заслужено научной деятельностью. Устав Общества гласил: "Общество с удовольствием позволяет находиться при своих собраниях младым питомцам наук, имеющим особенную склонность к тем знаниям, которыми оно занимается", "оно постарается еще более возбудить в них сию склонность тем отличием, что будет принимать их в свои члены, когда они окажут себя того достойными".

В течение 200-летней деятельности МОИП его цели и задачи, естественно, уточнялись и менялись. В XIX в. Общество нередко выступало инициатором экспедиций в неизученные регионы страны и само организовывало лабораторные исследования. Размах, который приобрела в XX в. государственная научно-исследовательсткая деятельность, появление многочисленных специализированных институтов и лабораторий, новая организация экспедиционной работы и ее современное оснащение - все это привело к изменению характера деятельности МОИП.

Основными задачами МОИП ныне являются: развитие отечественной науки в различных областях естествознания, активное участие в изучении естественных богатств страны, в работе по охране природы и рациональному природопользованию: изучение истории отечественной науки; популяризация достижений естественных наук; оказание помощи членам Общества в их научно-исследовательской и опытнической работе.

Чтобы издавать свои труды, содержать Библиотеку, организовывать экспедиции, награждать премиями, вести переписку МОИП должно располагать средствами. Они слагались из двух источников: членских взносов и добровольных приношений. С первых дней существования в МОИП поступают пожертвования ценных книг, иногда целых библиотек. Ядром Библиотеки МОИП явилась личная библиотека Г.И.Фишера. Собрание редких книг по естествознанию и путешествиям из 2550 томов передал в дар МОИП в 1831 г. Д.П.Шелапутин. Натуралист-любитель А.Н.Беклемищев завещал Обществу свой обширный естественно-исторический кабинет.

Материальная помощь, которую оказывало правительство высшим учебным заведениям и состоящим при них научным обществам, было ограниченным. Научные общества в лице своих президентов не раз за свою историю были вынуждены обращаться к власти за поддержкой. Общую ситуацию ярко обрисовал президент Московского общества любителей естествознания и один из деятельнейших членов МОИП профессор Г.Е.Щуровский в письме к выдающемуся биологу-эмбриологу А.О.Ковалевскому, избранному председателем Оргкомитета очередного

съезда русских естествоиспытателей и врачей. Сегодня, когда научные общества России переживают трудные времена, это письмо, датированное 17 августа 1883 г., заслуживает быть воспроизведенным полностью, как оно было опубликовано в "Протоколах VII съезда русских естество-испытателей и врачей в Одессе" (21).

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Милостивый Государь Александр Онуфриевич!

Позвольте обратиться к Вам, как почетному члену общества любителей естествознания, с просьбою от имени совета этого общества, внести на рассмотрение комитета Одесского съезда Естествоиспытателей предложение об исходатайствовании увеличения ежегодной субсидии, получаемой естественно-историческими обществами, и оказавшейся крайне недостаточной для удовлетворения и развития их ученой деятельности.

Комитету съезда несомненно известно, что при самом основании Естественно-исторических Обществ при университетах, С.-Петербургским съездом был уже возбужден вопрос о даровании им субсидии в 5000 руб., на что и было получено согласие гг. министров финансов и народного просвещения. Но, при обсуждении прошения съезда в государственном совете, субсидия уменьшена была на половину и главным образом, сколько нам известно, в виду того, во 1) что старейшее из естественно-исторических обществ, Общество Испытателей природы в Москве, единственно пользовавшееся до того субсидией, получило ее в сумме 2500 руб., и тем не менее могло выполнить свои задачи; во 2) что при основании новых обществ трудно было заранее рассчитывать на несомненную их пользу. Но прошло уже более десяти лет со времени учреждения обществ при университетах, результаты их ученой деятельности, равно как и нужд, вполне выяснились. Каждое из естественно-исторических обществ, несмотря на крайнюю скудость своих средств, внесло в науку ряд исследований, составивших содержание значительной серии изданий каждого из них. При тех же скудных средствах предпринято и осуществлено значительное число экспедиций, доставивших много новых научных сведений. Всякий, не только сочувствующий развитию науки в России, но даже только непредубежденный против нея, признает, что естественно-исторические общества, каждое в сфере своей деятельности и по своим средствам, с пользою для естествознания выполнило свою задачу, и помогли значительному числу молодых естествоиспытателей в их первых научных самостоятельных работах.

Жизнь обществ скоро однако же показала, что сумма, просимая С.-Петербургским съездом, нисколько не была преувеличена и вызывалась

действительным знанием ученых потребностей университетских обществ. Года два назад, Московское Общество Испытателей Природы первое вышло с ходатайством к г. Министру Народного Просвещения об увеличении размера субсидии до 5000 руб. вследствие невозможности вести дела по изданию Бюллетеня. Ходатайство это было уважено и субсидия в 5000 руб. дарована; Общество Любителей Естествознания, чтобы обеспечить себе возможность издания имевшихся у него материалов, должно было тратить усилия и время на нахождение жертвователей и собирать фонды выставками. В последнее время при упадке временного увлечения богатых людей естествознанием, Общество наше стало крайне нуждаться в средствах, так что представляемые нам статьи не могут быть напечатаны в течение трех или даже четырех лет по недостатку средств. При таких условиях от экспедиций пришлось почти отказаться; представляемые для печати статьи переводить на иностранный язык и печатать их за границею. Обстоятельство тем более грустное и тяжелое, что число работающих увеличивается, потребность в поддержке молодых естествоиспытателей насущная. На все предметы подымают цены; бумага, печать, особые рисунки и политипажи, столь необходимые в естественных науках, значительно вздорожали против прежнего. Сверх того, обществам грозит потеря прав по даровой пересылке своих изданий и корреспонденции, то есть значительное уменьшение имеющихся средств. Рассчитывать обществам на продажу своих специальных изданий на русском языке было бы крайне наивно для всякого знакомого с ходом плохого распространения даже серьезных литературных произведений.

При таких условиях одна надежда на правительственную поддержку, и самым естественным ходатаем об этом является съезд Естествоиспытателей.

На основании всего вышеизложенного совет общества Любителей Естествознания имеет честь просить вас, достоуважаемый Александр Онуфриевич, предложить Комитету Одесского Съезда:

Во 1-х, обратить внимание правительства на тяжелое положение Естественно-Исторических обществ вообще, и общество Любителей Естествознания в частности, двадцать уже лет напрягающего свои силы в борьбе с нуждою, и пришедшего к сознанию в невозможности выдержать ее без помощи правительства.

Во 2-х, ходатайствовать о повышении субсидии естественно-историческим университетским обществам, по крайней мере до 5000 руб., до той суммы, какая предполагалась при самом основании общества, на первом С.-Петербургском съезде.

Глубокоуважающий и искренне преданный Вашему превосходительству

Г.Щуровский"

Письмо Г.Е.Щуровского не нуждается в комментарии. Замечу только, что и 5000 руб. оказалось для МОИП недостаточно. Стремясь расширить экспедиционную и издательскую деятельность Общества, его президент Н.А.Умов представил позже новое ходатайство об увеличении правительственной субсидии МОИП и "сумел должным образом осветить значение и заслуги МОИП в изучении нашей родины и в разработке научных вопросов" (12, с. 66). Субсидия была увеличена с 5000 до 7500 руб. в год. Таким образом, поддерживать общество с помощью одних только членских взносов оказалось затруднительно, хотя они составляли 30 р. в год с каждого действительного члена (что равнялось от 10 до 25% годового оклада профессора или преподавателя). Высокий взнос был установлен со времен директорства Г.И.Фишера и служил препятствием к расширению состава общества, однако со временем сумма взноса была существенно снижена.

Материальные трудности МОИП не раз испытывало на протяжении XX в. Так было в годы гражданской войны. В трудном положении Общество оказалось в годы Великой Отечественной войны. Московский университет был эвакуирован. Нормальная работа общества оказалась нарушенной, а издание журналов - биологической и геологической серий "Бюллетеня МОИП" - пришлось на время приостановить. Однако сразу после окончания войны правительство сочло возможным поддержать старейшее научное общество страны. 13 апреля 1946 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление, направленное на укрепление материальной базы МОИП. Благодаря этому была резко расширена издательская деятельность, оживилась работа секций общества, значительно пополнилась его библиотека.

Ныне общество вновь переживает трудный период своей истории. МОИП лишено фактически материальной поддержки со стороны государства, издательская деятельность общества сведена к минимуму, с большим трудом удается изыскивать средства, чтобы печатать "Бюллетени МОИП".

* * *

Феномен Московского общества испытателей природы - яркая страница в истории русской и мировой науки. В этом феномене отразились и особенности истории русского народа и государства российского, и законы развития человеческого духа, и история мировой культуры, и тенденции научного познания.

На протяжении XIX и XX столетий мир неоднократно и неузнаваемо изменялся. Изменялось естествознание: возникали все новые научные дисциплины, одна за другой следовали научные революции - дарвиновская, менделеевская, биосферно-экологическая, революция в физике и космологии, коренным образом перестраивается научная картина мира.

Революции в естествознании привели к изменению картины мира. Рядом с ньютоновской картиной мира начинает выстраиваться натуралистическая картина мира на основе теории эволюции органического мира, по-новому обозначившая место и роль Жизни и Человека во Вселенной.

Изменялось общество: два последних столетия истории России были насыщены событиями, затрагивающими экономическую, социальную, культурную и политическую основу страны.

Изменялась наука: роль естествознания в обществе возрастала, менялись формы организации науки, усложнялись, становились многообразнее формы международного сотрудничества, росло уважение и понимание в обществе значения труда ученого, образ ученого героизировался, возрастало внимание власти к науке и ученым.

МОИП не оставалось равнодушным к этим преобразованиям. Общество адаптировалось к переменам в стране, но вместе с тем оно в главном оставалось неизменным: Общество на всем протяжении своей истории оставалось прежде всего научным обществом, предъявляющим к своим членам самые высокие требования, принятые в данную эпоху; Общество неуклонно следовало своему девизу служения России; одну из главных своих целей Общество усматривало в подготовке высококвалифицированных кадров молодых ученых; Общество являлось признанным центром, осуществляющим широчайшие международные связи; опыт МОИП оказался бесценным для естествоиспытателей России - по его образу и подобию в стране при университетах во второй половине XIX в. была создана целая сеть научных обществ, некоторые из которых существуют по сей день. Высока роль МОИП в организации и проведении Съездов русских естествоиспытателей и врачей. МОИП противостояло репрессивным акциям правительства, ущемляющим права профессорско-преподавательского состава и студенчества, ограничивающим свободу преподавания и исследовательской деятельности. Для профессоров и преподавателей Московского университета, покидавших в знак протеста свое учебное заведение, двери Общества были всегда открыты. МОИП предоставляло естествоиспытателям России страницы своих журналов, что было весьма существенно в период, когда научных журналов было мало. МОИП помогало изданию диссертаций своих членов, издавало их труды и отдельные доклады. Воспитывая уважение к труду ученого в обществе, МОИП организовало одну из первых в России научно-биографических серий, опубликовав своими силами ряд очерков о своих выдающихся деятелях. МОИП и возникшие позже общества естествоиспытателей служили опорой армии провинциальных исследователей, отдающим, чаще всего бескорыстно, свои знания, силы и средства изучению своего края или региона.

МОИП очень ответственно подходило к формированию руководства Общества. Начиная с первого директора МОИП Г.И.Фишера научной стороной деятельности Общества, а с 1872 г. вообще всей работой МОИП руководили сами ученые. Как правило, президентами МОИП становились люди передовых взглядов, научных и общественных. Их роль особенно заметно возросла в XX веке, когда Россия пережила ряд войн и революций. Президенты МОИП выступали при всех сложных поворотах отечественной истории носителями и гарантами основных принципов деятельности МОИП как научного общества. В этой своей, подчас нелегкой работе президенты МОИП могли опереться на поддержку членов Общества и всего научного сообщества страны. В годы гонений на генетику, математическую биологию, кибернетику МОИП сохранило в своих рядах ученых, не разделявших установки Т.Д.Лысенко и его сподвижников. В МОИП выступал с докладами и печатался опальный генетик Н.В.Тимофеев-Ресовский, при первой же возможности была организована секция генетики во главе с Н.П.Дубининым и В.В.Сахаровым, начала работать Комиссия по применению математических методов в биологии; во главе Секций Общества продолжали стоять уважаемые, достойные ученые. В МОИП поддерживалась традиция свободного обмена мнениями, на заседаниях Общества озвучивались новые идеи и объективно восстанавливалась история научной мысли, достойно оценивались теоретические взгляды зарубежных и отечественных ученых. МОИП не прерывало своих международных связей, продолжался интенсивный обмен научной литературой.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОИП

Руководство МОИП энергично осуществляло намеченную в Уставе Общества программу деятельности. За короткий срок было организовано изучение Москвы, Московской области, а затем и России в естественно-научном отношении. Было налажено издание научных трудов общества. Стали выходить журналы МОИП. Г.И.Фишер положил начало формированию библиотеки МОИП. Были установлены международные контакты и связи с научными учреждениями и учеными всего мира.

1. Изучение Москвы и Московской области

С момента своего создания МОИП развернуло интенсивную работу по изучению растительного, животного мира и геологии. На первых порах экскурсиями была охвачена Московская область. Известно, что сам Г.И.Фишер вместе с будущим русским историком, собирателем и публикатором исторических рукописей К.Ф.Калайдовичем проводил

минералогические, ботанические и зоологические наблюдения в Московской губернии. Экспедиция прошла успешно, в частности, был найден подмосковный мрамор (Лабрадор) (20, с. 61-62). А вот свидетельство С.П.Шевырева: "В 1809 г. профессор Фишер, секретарь Дружинин, профессор Цеттер, с питомцами своими: Герке, Калайдовичем, Болдыревым и Вишневским, объехали уезды Звенигородский, Верейский, Можайский, Рузский и Волоколамский, исследовали особенно течение Москвы реки, доходили до самых ее истоков, наблюдая повсюду склонение ея берегов, испытывали качество и произведения почвы, исследовали также течение рек Рузы, Истры, Ратовки; собирали сведения исторические, статистические и топографические" (6, с. 388).

В экспедициях и местных исследованиях выявлялись закономерности распределения растительного покрова. Цикл зоологических исследований включал описание местных фаун и многочисленные работы по систематике. Г.И.Фишер создал монументальную "Энтомографию России". Значительными оказались достижения в изучении геологического строения центральной части России благодаря усилиям Г.И.Фишера, К.Ф.Рулье, Г.Е.Щуровского, И.Б.Ауэрбаха. В палеонтологии большую описательную работу провели Г.И.Фишер и К.Ф.Рулье. Многочисленные описания и анализы отдельных руд, горных пород, минералов, сведения о минеральных источниках, коллекции, доставленные экспедициями, отдельные образцы из различных местностей "значительно расширяли представления о минеральных богатствах России и для многих районов вскрывали их впервые" (12, с.45). Члены МОИП побывали почти во всех тогдашних губерниях и областях России. Они производили исследования и делали сборы по геологии, минералогии, географии, астрономии, палеонтологии, ботанике, зоологии. Собранные ими коллекции "привозились в Москву, обрабатывались и после обработки, согласно устава общества, передавались в соответствующие кабинеты Московского университета в их полную собственность" (19, с. 357). Перечень экспедиций членов МОИП обширен, здесь названы лишь некоторые. Действительный член МОИП с 1805/1806 года И.П.Шангин в 1806 г. осуществил экспедицию по бассейнам р.Томи и Мрас-су в Кузнецком Алатау и р.Абакан в Западном Саяне; в 1808 г. во время второй экспедиции в Западный Саян продолжил изучение цветных камней, составление карт и планов. В 1807/1808 году выступил в МОИП с докладом "Заметки о горах Даурии". Брат И.П.Шангина А.П.Шангин в 1805-1806 гг. изучает рудники и заводы Алтая и Салагира; в 1807-1808 году с его работой познакомился граф А.К.Разумовский - попечитель Московского университета и президент МОИП. По представлению последнего типография Московского университета печатает книгу А.П.Шангина "Описание Колывано-Воскресенских рудников с практическими замечаниями в рассуждении производства различных работ и с

планами рудников" (М., 1808). В 1808 г. А.П.Шангин был принят в действительные члены МОИП (29). Экспедиции с орнитологическими целями предпринимал в течение ряда лет (1882, 1901, 1902, 1903) в Воронежскую, Енисейскую, Оренбургскую и Уральскую губернии, в Акмолинскую и Семиполатинскую области П.П.Сушкин. В 1896 г. состоялась ботаническая экспедиция О.А.Федченко в Туркестан. В 1899 г. В.И.Вернадский, действительный член МОИП с 1890 г., посетил сопки Крыма и Таманского полуострова. "Экскурсии совершались нами от имени Общества испытателей природы, - свидетельствует Вернадский. - Изучение сопок, которое я вел с С.П.Поповым, продолжалось несколько лет. Очень мало материалов напечатано. Но материал был собран большой. Между прочим, мы с С.П.Поповым впервые доказали постоянное нахождение бора в выделениях сопок. Во время первой империалистической войны бор их был использован..." (30, с. 164). Помимо изучения "сопочных процессов", Вернадскому удалось открыть богатые руды алюминия - "боксита, впервые найденного в России" (там же). Ряд экспедиций приходится на 1912 г.: так, В.А.Варсонофьева провела геологические исследования в Пермской и Уфимской губерниях; состоялась большая экспедиция Д.Д.Иевлева в Печерско-Обский край с этнографическими целями и для сбора разных коллекций; интересные результаты дали экспедиция Ю.А.Белоголового на западное побережье Африки, в область р.Нигер, в которой участвовало три члена МОИП, и экспедиция В.Н.Никитина в 1912 г. в центральную часть Африки, в область великих озер. Обе экспедиции оказались плодотворны: были собраны коллекции животных, материал по истории развития ряда животных и даже живые экспонаты (рыбы) (19, с. 358). В 1913 г. состоялась зоологическая экспедиция Н.А.Бобринского в Бухару, а в 1915 г. ботаническая и агрономическая экспедиция Н.И.Вавилова в Закаспийскую, Самаркандскую, Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Семипалатинскую области (там же). В 1894-1909 гг. ученый секретарь МОИП В.Д.Соколов проводил геологические исследования в Закаспийском крае и в Крыму. Минералогические изыскания на Урале и Кавказе вел В.И.Вернадский. На средства МОИП А.А.Чернов приступает к изучению нижнепермских отложений Урала. При поддержке Общества А.Б.Миссуна - первая женщина, начавшая вести самостоятельные полевые геологические исследования, изучает ледниковые отложения Литвы и Белоруссии. Продолжается изучение геологии Московской губернии. Эту работу после Г.А.Траутшольда и И.Б.Ауэрбаха проводили А.П.Павлов и его ученики Н.И.Криштофович, Д.П.Стремоухов, С.А.Добров, изучавшие стратиграфию мезозойских отложений; А.П.Иванов, исследовавший каменноугольные отложения; А.П.Павлов и Н.И.Криштофович, приступившие к подробному изучению четвертичного покрова.

А.П.Павлов и М.В.Павлова изучают четвертичные отложения и их фауны в южных губерниях России.

Ученые с признательностью воспринимали материальную и моральную поддержку Обществом их исследовательской деятельности. Результаты своих работ они приоритетно публиковали в МОИП - в виде научных докладов и публикаций в "Бюллетене МОИП". Так, с докладами в МОИП выступали А.К.Беккер, В.И.Вернадский, А.Э.Регель, Н.А.Северцов, А.Н.Северцов, П.П.Семенов-Тян-Шанский и многие другие естествоиспытатели и натуралисты. В области зоологии МОИП ставило перед собой преимущественно фаунистические задачи. Однако в "Бюллетене МОИП" публиковались также статьи по эмбриологии животных, в частности, А.Д.Нордмана (1850) и Н.А.Варнека (1850) по развитию моллюсков, А.П.Богданова (1854), С.М.Переяславцевой, А.М.Российской и Ек.Ванер - по развитию ракообразных, В.Н.Львова, по развитию ланцетника (31, с. 50).

В первое десятилетие после революции 1917 г. МОИП организовало или приняло в свое ведение некоторые научные биологические станции. В 1919 г. Общество основало в Курской губернии Першинскую биостанцию "Ботик"; в задачу станции входило изучение местной фауны и флоры, а также внедрение в среду местного населения культурного растениеводства (при станции был очень хороший сад с показательными участками). В 1922 г. Наркомпрос РСФСР передал МОИП Карадагскую биостанцию в Крыму; здесь под руководством ее директора члена Общества А.Ф.Слудского была энергично развернута научная работа. В ведении МОИП находились также подмосковные гидробиологические станции в Косине и на Глубоком озере. Правда, вскоре все эти станции были переданы в ведение других учреждений. Однако их сохранение в трудные 1920-е годы - несомненная заслуга Московского общества испытателей природы.

2. Журналы МОИП

3.

Велики и неоспоримы заслуги МОИП в развитии научной печати России. 18 сентября 1805 г. состоялось первое заседание Общества, а уже в декабре того же года увидел свет первый (сдвоенный) выпуск Журнала МОИП, а в 1806 г. следующий (тоже сдвоенный) его выпуск (по-французски). С 1805 г. МОИП непериодически издавало "Записки (Мемуары)" в 1811 г. переименованные в "Новые мемуары". В "Записках" печатались крупные монографические исследования (по-французски). Издание "Журнала" быстро оборвалось и было возобновлено лишь в 1829 г. Причиной прекращения выпуска "Журнала" послужили: нехватка материальных средств, отсутствие необходимого портфеля статей, весьма ограниченные возможности распространения (поскольку журнал не носил научно-популярного характера) (23). Только после того, как Николай 1

удвоил дотацию Обществу, доведя ее до 10000 руб. в год, журнал вновь начал издаваться, сохраняя свое название до сегодняшнего дня - "Бюллетень Московского общества испытателей природы". До 1830 г. статьи в нем печатались по-французски, частью по-немецки, а с 1830 г. и по-русски. С конца XIX в. русский язык становится постепенно преобладающим, а с 1930 г. - единственным в "Бюллетене". С 1922 г. "Бюллетень" выходит двумя отделами - биологическим и геологическим (22).

Заметную роль в судьбе "Бюллетеня" сыграл М.А.Мензбир, с 1888 г. бессменный редактор изданий МОИП. Он официально поднял вопрос о необходимости введения строгих и ясных правил отбора и публикации статей в журнале. Вопрос этот обсуждался, например, на заседании Совета МОИП 5 ноября 1892 г. Предложения М.А.Мензбира сводились к следующему: статьи для "Бюллетеня" представляются в Совет МОИП; устанавливаются правила приема готовых рукописей; утверждается порядок обращения с корректурами; решение о публикации (или отклонении) статей принимает Совет МОИП. Поскольку издание научной периодической литературы Общество считало одной из приоритетных своих задач, Совет МОИП неоднократно возвращался к этой теме (24).

До 1922 г. в "Бюллетене" публиковались статьи по всем разделам естествознания, включая математику, астрономию, физику, химию, геологию, географию и биологию. В 1922 г. журнал разделился на три отдела: биологическая и геологическая версии "Бюллетеня" продолжают выходить по сей день (с перерывам в 1941-1944 гг.), третью версию создали Н.К.Кольцов и Ю.А.Филипченко специально для публикации работ по экспериментальной биологии. Эта серия быстро прекратила свое существование: после выхода в 1924 г. номера "Бюл.МОИП. Отд. эксперим. биол.", новая серия, т.1 Н.К.Кольцов переключился на издание "Журнала экспериментальной биологии".

В 1935 г. программа "Бюллетеня" была изменена. Если на протяжении XIX в. и в начале XX в. в журнале ежегодно публиковалось небольшое число крупных статей ограниченного числа авторов, то отныне в печать принимались статьи по всем разделам биологии, доложенные в одной из секций МОИП и в общих собраниях ученых Москвы и не превышающие половины печатного листа; объем журнала был доведен до 24 печ. листов в год. Увеличение объема журнала и сокращение объема статей "резко расширили авторский коллектив и открыли доступ в "Бюллетень" широкому кругу исследователей..." (25, с. 6). Число ежегодно публикуемых статей возросло до 50-80, а в 60-е годы XX в. с увеличением объема журнала до 60 печ. листов в год и изменением его структуры - до 100-150 и более. Общее число статей в биологическом отделе "Бюллетеня" с 1917 по 1976 гг. составляет более 3700 (без рецензий и хроники) (там

же). Эти данные относятся к биологическому отделу журнала; аналогичную картину демонстрирует и геологический отдел "Бюллетеня".

"Бюллетень МОИП" проявил стойкость в тяжелые для нашей науки годы, последовавшие за сессией ВАСХНИЛ 1948 г. "Исторической заслугой журнала следует считать то, что в эту пору, когда реализация решений сессии существенно затормозила развитие ряда разделов биологической науки в нашей стране, он был одним из немногих изданий, в которых публиковались принципиально важные работы исследователей, оставшихся на позициях передовой науки" (25, с. 8). Главным редактором "Бюллетеня МОИП, отд. биол." в этот период был В.Н.Сукачев. Журнал опубликовал серию статей биологов и философов, посвященных критике представлений Т.Д.Лысенко, а также ряд серьезных критических рецензий на книги, изданные его приверженцами. Публикуются статьи ведущих генетиков страны; известные генетики - Б.Л.Астауров, Н.П.Дубинин, В.В.Сахаров входят в состав редколлегии журнала. Т.А.Работнов и В.Н.Тихомиров (25) имели все основания утверждать, что принципиальная позиция В.Н.Сукачева и возглавлявшейся им редколлегии во многом способствовала быстрейшему устранению ущерба, нанесенного августовской сессией ВАСХНИЛ 1948 г., и повышению авторитета "Бюллетеня" среди ученых нашей страны.

Большой интерес представляет тематика публиковавшихся в "Бюллетене" статей и ее изменение на протяжении XIX и XX века. На первых порах преобладали работы флористико-систематические и фаунистико-систематические. Решалась задача научной инвентаризации флоры и фауны на огромных просторах России. Отсутствовали полные научные описания флоры и фауны Крыма, Кавказа, Урала, не говоря уже о более отдаленных от научных центров территорий. Не случайно в "Бюллетене" были опубликованы исключительно важные материалы, отражавшие результаты флористических исследований, - "флорулы", списки растений и даже целые флоры обширных территорий, включавшие описания большого числа новых таксонов (23, с. 6). Так, в журнале были опубликованы: "Список дикорастущих растений на Крымском полуострове" Х.Стевена (1856-1857) - основополагающий труд по флоре Крыма; "Исчисление растений, дико обитающих на территории Елизаветполя (Закавказье) и Карабаха" Ф.Гогенакера (1833); "Исчисление растений, собранных в 1840 г. на Алтае и примыкающих к нему территориях" С.Г.Карелина и И.П.Кирилова (1841); "Байкало-даурская флора" Н.С.Турчанинова (1842-1856), позже вышедшая отдельным изданием; результаты обработки гербария А.П.Семенова-Тян-Шанского - первого ботаника, проникшего в Тянь-Шань, Э.Регелем и Ф.Гердером. Велико число публикаций, содержащих материал монографической обработки отдельных таксономических групп (семейств, родов) животных и растений; многие из них признаны классическими. "Насыщенность

журнала публикациями такого характера объясняется тем, что почти все выдающиеся русские и иностранные систематики, как ботаники, так и зоологи, состояли членами Общества" (23, с. 8). Членами МОИП были, например, среди зоологов - М.А.Мензбир, П.П.Сушкин, В.И.Мочульский, Г.И.Сушкин, Ф.Брандт, Н.А.Северцов, В.Г.Гептнер, С.И.Огнев; среди ботаников - В.Бессер, А.А.Бунге, Л.Ф.Гольдбах, Б.М.Козо-Полянский, Д.И.Литвинов, К.А.Мейер, М.Г.Попов, Э.Регель, П.А.Смирнов, Х.Х.Стевен, Р.Э.Траутфеттер, Н.С.Турчанинов и др. "Бюллетень" является по сей день ценнейшим источником флористико- и фаунистико-систематических работ. По авторитетному свидетельству С.Ю.Липшица, "Бюллетень МОИП" "является по существу ценной естественноисторической энциклопедией наших знаний о природе России и некоторых других стран. Поэтому научные работы по естествознанию, в особенности по систематике животных и растений, испещрены ссылками на сочинения, опубликованные в "Бюллетене". Многочисленные библиографии по разным отделам естествознания насыщены указаниями на статьи, напечатанные в журнале" (там же).

Особо следует выделить опубликованные в "Бюллетене" статьи по вопросам теории таксономии, например, Б.М.Козо-Полянского (1923-24, 1950), А.Л.Тахтаджяна (1947), посвященные в первом случае происхождению цветка и типа цветковых растений, а во втором - принципам, методам и символам филогенетических построений в ботанике. Некоторые публикации в журнале стимулировали дальнейшее развитие отдельных дисциплин. Так, "Геоботанические заметки о флоре Европейской России" Д.И.Литвинова (1890) способствовали разработке ряда разделов ботанической географии; работы М.А.Мензбира и П.П.Сушкина сыграли роль в развитии зоогеографии, а В.В.Алехина стимулировали развитие фитоценологии и степеведения (23).

С первых лет издания "Бюллетеня МОИП" на его страницах регулярно публикуются описания новых таксонов растительного и животного царств. Журнал является важным источником информации о таксономии и номенклатуре растений и животных. "Многие первоописания, помещенные в журнале, отражают определенные эпохи развития отечественной флористики, отражают деятельность выдающихся по своим результатам экспедиций, направлявшихся для изучения разных районов нашего обширного государства, результаты оригинальных исследований знаменитых флористов и систематиков" (38, с. 148). Только между 1917 и 1977 годом в журнале было опубликовано 384 описания новых таксонов и новых номенклатурных комбинаций. Обобщая часть этих данных, касающихся высших растений, И.А.Губанов и В.Н.Тихомиров подчеркивали: "В настоящее время, восстанавливая историю познания многих важных таксонов, обойтись без материалов, собранных в "Бюллетене", нельзя..." (там же).

С МОИП и его "Бюллетенем" увязывают начальные этапы развития генетики в России. Рассматривая историю кафедры генетики в Московском университете, А.С.Серебровский (1940) напомнил, что еще в 1889 г. И.И.Герасимов, тогда еще студент университета, работая в лаборатории проф. И.Н.Горожанкина, сделал открытие: ему "впервые в науке удалось получить экспериментально, охлаждением, полиплоидию (у спирогиры)" (39, с. 166). Высоко оценил исследования молодого ученого Л.И.Курсанов. Указав на то, что тот сосредоточился на проблеме роли ядра в росте и жизни клетки, он далее писал: "Большое число исследований его в этой области опубликовано преимущественно в "Бюллетенях" Московского общества испытателей природы за период с начала 1890-х годов XIX столетия и до начала XX. Воздействуя на делящиеся клетки спирогиры преимущественно пониженной температурой, автор экспериментально получал клетки, с одной стороны, безъядерные, а с другой - с повышенной ядерной массой: двуядерные или с одним, но более крупным (диплоидным) ядром" (40. с. 295). Теоретическое значение работ И.И.Герасимова было неоспоримо. Им было "положено основание закономерности, которая в настоящее время имеет большое значение в общей биологии под именем соотношения объемов ядра и плазмы..." Его работы "положили основание новой главе физиологии клетки и считаются классическими": они дали "первые конкретные данные для развившегося позднее учения о полиплоидии, как факторе видообразования у растений" (там же).

Все более заметное место "Бюллетень" стал уделять в XX в. экологической тематике. Обсуждается широкий круг вопросов: экология видов с промысловым значением, экология грызунов в связи с проблемой заболевания клещевым энцефалитом, туляремией и другими опасными болезнями; особое внимание уделяется проблемам охраны отдельных видов животных и восстановления численности хищнически уничтожавшихся видов (бобр, соболь); публикуются многочисленные статьи по фитоценологии, по экологической морфологии растений. С 50-х годов XX в. "все больший вес приобретают статьи по общим вопросам биоценологии и биогеоценологии (биологический круговорот, консорции, биологическая продуктивность, кибернетический подход к ценозам, организация биогеоценозов, различные проблемы их эволюции)" (25, с. 7). Большое внимание журнал традиционно уделял общим вопросам эволюции органического мира и эволюции отдельных таксонов растительного и животного царств. С 30-х годов XX в. "Бюллетень" публикует все больше статей по биологическим проблемам рационального использования природных ресурсов, охране природы, разработке научных основ заповедного дела.

На страницах журнала ведущие биологи страны подводили итоги и намечали перспективы и направления дальнейших исследований в своей

области. Так, например, С.И.Огнев (1945) выступил со статьей "Главнейшие достижения русской экологии за последнюю четверть века", М.В.Горленко (1950) с работой "Важнейшие результаты изучения болезней сельскохозяйственных растений в СССР", А.А.Насиморич (1963) обсудил значение охраны природы и природных ресурсов для будущего страны, Г.А.Новиков (1971) выступил с обзором современного состояния териологии. В серии статей были подведены итоги многолетнего изучения лесов, тундр, лугов, болот, степей и пустынь, а также работ по картографии и районированию растительного покрова страны.

Страницы биологического и геологического отделов "Бюллетеня МОИП" это существенная и прочно документированная часть двухвековой деятельности Московского общества испытателей природы. Публикации в журнале отражают не только динамику обсуждавшихся в Обществе научных проблем, но и кардинальные сдвиги в развитии мировой естественнонаучной мысли. МОИП чутко реагировало на новые научные идеи и само выступало источником новых идей и направлений в естествознании. Одним из ярких примеров этому служит короткая, но богатая плодами история издания Обществом одного из первых научно-популярных журналов в России - "Вестника естественных наук". Решение об издании этого журнала Совет МОИП принял в 1851 г. по инициативе своего президента Владимира Павловича Назимовича, государственного деятеля, одного из сторонников отмены крепостного права в России. Первый номер вышел в 1854 г. под редакцией К.Ф.Рулье; он вел журнал четыре с небольшим года, вплоть до своей смерти, вкладывая в дело много сил и энергии. В задачу журнала входило: публиковать сведения о деятельности общества и "о движении науки вообще"; знакомить "с естественными произведениями" и "развивать... вкус к естественным наукам"; публиковать оригинальные научные статьи по "нерешенным вопросам в науке"; возбудить самодеятельность читателей. По словам Б.Е.Райкова, К.Ф.Рулье "создал замечательный общедоступный печатный орган по естествознанию"; такого журнала "не было до того времени в России" и "Вестник" "долго служил, образцом того, каким должен быть подобный печатный орган" (26, с. 265).

Программа "Вестника естественных наук", направленность статей, публиковавшихся на его страницах К.Ф.Рулье и его учениками, - это важный этап в формировании мировоззренческих установок МОИП на переломном этапе развития естествознания, принесшем победу теории эволюции органического мира. Эту установку К.Ф.Рулье формировал вполне осознано: у читателя журнала должна была в итоге сложиться стройная картина природы, картина мира. Об этом ясно сказал сам Рулье. В статье "Новоголландский страус", опубликованной в "Вестнике" (№ 25 за 1855 г.) он обращается к читателю со словами: "Не теряйте терпения: мы думаем, что для полной картины нужны члены и краски, что для чего-

нибудь целого нужно подготовить прежде части: иначе нельзя уловить значение целого". И далее: "Просим быть уверенными, что у Вестника на душе быть чем-нибудь более, нежели сборником: с первой страницы Вестника накоплялись члены и краски, нужные для будущей стройной картины..." (27, с. 437).

Историки науки - Б.Е.Райков, С.Р.Микулинский высоко оценивали заслуги К.Ф.Рулье и "Вестника". По убеждению Райкова, Рулье поставил целью создать у читателя "цельное мировоззрение, основанное на данных естествознания". Характеризуя это мировоззрение, Райков писал: "Это взгляд на мир как на единое развивающееся целое, где нет никаких сверхестественных сил, нет чудес и все совершается по строгим законам природы. Короче, это эволюционно-материалистическое мировоззрение. Это мировоззрение Рулье и хотел привить читателю" (26, с. 267). Согласно Микулинскому, Рулье создал "учение о природе и ее развитии вообще, учение о развитии органического мира в особенности" (28, с. 321-322). Идея эволюции сопряжена была у Рулье с экологическим подходом, и это обстоятельство сближает его с Ч.Дарвином. Рулье создал и последовательно реализовывал план изучения животного или растения в связи со средой, а также с учетом воздействия на девственную природу человека. "Словом, перед нами продуманная программа экологических исследований", - резюмировал Райков (28, с. 274).

"Вестник" Рулье не только привлек широкое внимание к естественно-научным знаниям, но и заложил лучшие традиции русской научно-популярной литературы. После смерти К.Ф.Рулье "Вестник" на седьмом году издания закрылся. Однако в 1873 г. группа московских ученых - С.А.Усов, Л.П.Сабанеев, Н.А.Северцов, Д.Н.Анучин приступили к изданию популярного естественно-научного сборника "Природа", посвятив первую книгу К.Ф.Рулье. Редакторы не скрывали, что их целью было возобновить "Вестник". И позже, при создании предшественника современной "Природы" его редактора В.А.Вагнер и Л.В.Писаржевский, поминая К.Ф. Рулье, писали (Природа, 1912, №1): "Слишком полвека тому назад важность и необходимость популяризации естествознания уже ясно сознавались у нас в России передовыми людьми эпохи. Они понимали значение науки о природе как незаменимого средства для правильного развития умственных способностей, как интересного и полезного чтения... Им грезились идеалы, которых хотел достигнуть Рабле, положив в основу воспитания Гаргантюа естественные науки как лучшее средство борьбы с предрассудками, с тлетворным влиянием схоластики и метафизики. Прошло много десятков лет с тех пор как знаменитый Рулье начал читать в Москве первые лекции "О жизни и нравах животных", а положение естествознания еще далеко от той роли, о которой мечтали для него передовые люди того времени... Дело популяризации естествознания

приобретает значение общественного служения в самом прямом и точном смысле этого слова".

Таким образом, К.Ф.Рулье и его "Вестник естественных наук" заложили фундамент для многолетнего обсуждения в МОИП трех проблем:
1) проблемы эволюции органического мира, 2) законов экологической организации живого мира, 3) утверждения естественнонаучного мировоззрения, научной картины мира.

3. Научные труды МОИП

Научные традиции МОИП поддерживались не только докладами на общих собраниях, а впоследствии и многочисленных секциях, не только изданием журналов, но и впечатляющей издательской деятельностью. Обзор этой деятельности в 1997 г. дал Ю.В.Чайковский (22).

МОИП выпустило также огромное число трудов своих членов: "20 томов "Новых мемуаров" (1829-1940), 93 тома "Материалов к познанию фауны и флоры России (СССР)" (1890-1989), 23 тома "Материалов к познанию геологического строения России (СССР)" (1899-1972), 49 томов "Исторической серии" (1940-1953), 17 томов "Землеведения" (1940-1990), 5 томов "МОИП к 800-летию Москвы" (1946-1947), 59 томов "Среди природы" (1948-1968), 58 томов "Трудов МОИП" (1951-1983), 60 выпусков "Докладов МОИП" (1969-1991) и 712 книг и брошюр (1945-1998) отдельными изданиями... До революции был также издан ряд брошюр, излагавших речи в особо торжественных заседаниях МОИП" (22, с. 398). В сумме это составляет более 1000 томов, и это не считая томов биологической и геологической серий "Бюллетеня МОИП" и "Вестника естественных наук".

Тематика докладов, прочитанных членами Общества, поражает разнообразием. Оно возрастало по мере роста численности МОИП, появления специализированных комиссий и секций. Особенно значительные изменения претерпевает биологическая тематика во второй половине XIX в., что было связано с появлением эволюционного учения Ч.Дарвина и перестройкой наук о живой природе на этой новой теоретической основе.

Тематика докладов на заседаниях общества и статей в "Бюллетене МОИП" заметно расширяется: наряду с работами по фаунистике, флористике, систематике, доминировавшими в прежние годы. Появляется все больше исследований по сравнительной анатомии, сравнительной и эволюционной эмбриологии, экологии, зоо- и фитогеографии (44).

Протоколы общества, относящиеся к 70-80-м годам XIX в., свидетельствуют о том, что наряду с привычной для МОИП зоологической, ботанической и геологической тематикой на заседаниях ставятся доклады по астрономии, механике, физике, химии, метеорологии. В "Бюллетене МОИП" появляются статьи по физике, химии, астрономии.

"...Основная работа Общества за этот период была, несомненно, в разработке научных вопросов, в издании трудов, свидетельствовавших о достижениях русского естествознания, в проведении заседаний, на которых ставились доклады по крупным теоретическим проблемам и сообщения о текущей работе. И это тоже было правильно и соответствовало запросам такого периода интенсивного роста русской научной мысли, каким являлась вторая половина XIX века" (12, с. 56). Общество оказалось на высоте положения в момент бурного расцвета естествознания в России, начало которого относится к 60-м годам XIX в. В обществе по достоинству оценивали новые тенденции, которые обнаружились в начале XX в.: развитие естествознания вело ко все большей специализации, ко все большему дроблению каждой ее крупной ветви - физики, химии, геологии, биологии - на отдельные, сравнительно узкие научные дисциплины. Вместе с тем, ясно сознавалось величие мировых загадок, разрешить которые было под силу лишь теоретическому естествознанию. Оно все глубже вскрывало единство Природы и законы организации и эволюции материи. Все яснее проявлялась необходимость преодоления резких границ между отраслями естествознания. Мнение научного сообщества России ярко выразил в 1863 г. И.И.Мечников: "Теоретическая разработка вопросов естествознания (в самом широком смысле) одна только может дать правильный метод к познанию истины и вести к установлению законченного миросозерцания..." (47, с. 6), Обращаясь к участникам VII съезда русских естествоиспытателей и врачей, Мечников говорил: "Я особенно выдвигаю чисто теоретическое направление нашего съезда, нисколько не боясь возражения, столь часто повторяемого у нас в России, что теоретическая наука представляет для нас непозволительную роскошь, что нам нужно заниматься исключительно прикладными отраслями естествознания, непосредственно ведущими к увеличению материального благосостояния" (47, с. 2). Напомнив о библейском поучении, что "не от единого хлеба жив будет человек" и что у него существует "непреодолимая потребность сознательного отношения к окружающему и себе", Мечников утверждал: "...Нам пора позаботиться о том, чтобы укрепить знамя теоретического естествознания и по возможности устранить многочисленные недоразумения, по поводу него у нас возникшие" (там же).

МОИП постоянно держало в поле зрения не только специальные, но и широкие общие вопросы естествознания. Рядом с докладами биологов и геологов на заседаниях Общества ставились доклады физиков, химиков, астрономов. Так, в начале XX в. на заседаниях МОИП прозвучали выступления А.П.Павлова по проблемам четвертичной геологии, В.И.Вернадского о поисках радия в России, А.Е.Ферсмана о химической жизни земной оболочки и путях ее исследования, Я.В.Самойлова о роли организмов в минералообразовании, П.П.Лазарева по проблемам биофи-

зики, А.И.Бачинского о новых течениях в физике. Яркую речь на тему "Эволюция мировоззрений в связи с учением Дарвина" произнес на общем собрании Общества в 1909 г. в связи с 50-летием выхода в свет "Происхождения видов" Ч.Дарвина Н.А.Умов.

МОИП сыграло заметную роль в пропаганде, развитии и защите дарвинизма, который воспринимался в России как общая теоретическая основа всех биологических дисциплина. Можно без преувеличения утверждать, что обсуждение идей эволюции проходит через всю историю первого естественнонаучного общества России. Уже 27 апреля 1806 г. в МОИП был зачитан доклад действительного члена общества Н.С.Всеволожского о кошке-кунице, описанной П.С.Палласом. Доклад содержал рассуждения о перспективах разведения этого зверька и о теоретических вопросах видообразования. В нем, в частности, говорилось: "Я оставляю натуралистам, более меня ученым, решить, исходя из только что рассмотренного примера, может ли случайное спаривание двух разных видов произвести особей, которые, размножаясь между собой, произведут наконец новый вид и тем докажут, что не всегда известные нам виды суть произведения животных того же вида и образа, что они сами, так что их существование предполагает непрерывную цепь успешных существований сходных особей; что она [цепь] восходит до первичного творения и что, следовательно, время может сделать из этого вновь то, чего мы еще не видывали" (пит. по: 22, с. 399).

Действительным членом МОИП с 1806 г. был энтомолог, натуралист и путешественник Михаил Таушер. Президент МОИП А.К.Разумовский пригласил Таушера в число сотрудников своего Ботанического сада. В 1808-1809 годах Таушер обследовал прикаспийские степи между Волгой и Уралом, нижнее течение Волги и некоторых ее притоков, степи за рекой Урал до озера Индер. Плодом его ботанических, зоологических и географических наблюдений явился ряд докладов и статей в "Мемуарах" общества. После отъезда в Германию Таушер оставался членом МОИП и посвящал Обществу свои печатные работы. По-видимому, именно в период пребывания в Москве у Таушера сложились его основные эволюционные взгляды (48, 49). Он делился ими с Г.И.Фишером, встретив у того сочувствие. Идею трансформизма Таушер ставил "во главу угла всего естествознания" (49, с. 298). Согласно Б.Е.Райкову, "Таушер, утверждая существование всеобщей эволюции как в неорганическом, так и в органическом мире, не исключает отсюда человека..." (49, с, 305). В 1818 г. Таушер опубликовал в Германии свое сочинение "Опыт установления непрерывного творения или непрерывного появления новых организмов благодаря закономерно действующим силам природы". По словам Райкова, эта работа была написана Таушером в России и в значительной своей части основана на материале южнорусских его путешествий. Не случайно, надо думать, первая печатная работа Таушера по общим вопросам

естествознания, изданная в Германии после возвращения из России, "Опыт наглядно представить родство различных царств природы и последовательность развития отдельных естественных тел" (Лейпциг, 1817 г.), была посвящена им Московскому обществу испытателей природы.

Активный деятель МОИП Р.Ф.Герман 16 июня 1830 г. выступил с докладом "О геологии России", подняв вопрос об эволюции Земли и жизни на ней. Он полагал, что ряд опустошительных катастроф был вызван повторными актами разогрева земных недр. После охлаждения "необъятный океан сам оживлял себя всеми видами морских животных". Животные "формировались до высшего совершенства своих форм". Путем "борьбы элементов" они распространялись по "каменной оболочке" (цит. по: 22, с. 400).

В №23 за 1854 г. К.Ф.Рулье па страницах "Вестника" в статье "Белемниты" утверждал необходимость эволюционного подхода: "К сравнительному методу должно необходимо прибавить исторический", и далее - "один сравнительный метод недостаточен, ежели он не идет рука об руку с историческим: они долины дополнять и поверять друг друга" (27, с. 242 и 243).

Исторический подход к живой природе развивал на страницах "Вестника" ученик Рулье Н.А.Северцов. В ряде статей, относящихся к 1854-1855 годам, "молодой ученый вполне определенно встал на эволюционную точку зрения, понимая эволюцию в очень широких пределах и допуская филогенетические связи не только между видами и родами, но и между более крупными отделами животного мира..." (50, с. 35).

После смерти К.Ф.Рулье в 1858 г. его заменил на посту редактора "Вестника естественных наук" один из ближайших учеников С.А.Усов, который "с честью продолжал дело своего учителя, в духе и направлении последнего..." (50, с. 77).

В январе 1859 г. Усов опубликовал в "Вестнике" свою работу о зубре, которую в 1865 г. в расширенном виде представил в качестве магистерской диссертации. В статье был поставлен вопрос о причинах вымирания зубра, о значении палеонтологических свидетельств для понимания истории вида. Усов предположил, что зубр и бизон - потомки вымершего ископаемого быка, описанного Л.Боянусом. В диссертации он писал, что в случае подтверждения этой гипотезы последняя может послужить превосходным доказательством верности теории Ч.Дарвина о происхождении видов из разновидностей. Усов принял также принцип естественного отбора Дарвина.

В I860 г. в "Бюллетене МОИП" появилась статья московского геолога Г.А.Траутшольда "Переходы и промежуточные разновидности" - первый в российской научной печати отклик на немецкий перевод "Происхождения видов" Ч.Дарвина. Ссылаясь на признание Дарвина, что ему не удалось

подтвердить теорию эволюции рядами форм, связанных промежуточными разновидностями, Траутшольд писал: "В настоящее время я, к счастью, имею возможность подобным образом подкрепить теорию Дарвина. Неполнота геологической летописи не везде одинаково велика... Мне уже много лет известны в богатых отложениях московских слоев русской юры посредствующие ярусы и переходы между различными видами ископаемых" (цит. по: 51, с. 150). Далее следует описание верхнеюрских аммонитов, связанных, по мнению Траутшольда, постепенными переходами и образующих непрерывные ряды. Ч.Дарвин учел эти данные. Он ввел их в текст "Происхождения видов", где писал: "Известны многие примеры, когда разновидности одного и того же вида встречаются в верхней и нижней частях одной и той же формации: так, Траутшольд приводит значительное число примеров в отношении аммонитов..." (52, с. 524). Сам Траутшольд с годами постепенно изменял свое мнение, в 1878 г. он уже утверждал, что гипотеза Дарвина лишена фактического обоснования.

В речи на торжественном акте Московского университета 12 января 1881 г. Я.А.Борзенков вспоминал: "Я позволю себе сослаться на моего старого товарища и по студенческой скамье в аудитории Рулье и по кафедре - С.А.Усова. Мы вместе с ним читали книгу Дарвина, полученную в Москве (в немецком переводе Бронна), когда у нас память о беседах Рулье была еще свежа. Эта книга была не то самое, что мы слышали от Рулье, но что-то такое близкое, такое родственное тому, чему учил нас Карл Францевич, что новое учение показалось нам чем-то давно знакомым, только приведенным в большую ясность, в более строго научную форму и в особенности обставленным большим количеством фактических сведений" (цит. по: 50, с. 71-72). Другой ученик К.Ф.Рулье А.П.Богданов в 1885 г. писал: «"Вестник" не был простым сборником общедоступных естественноисторических статей, а последовательным выяснением определенного цельного взгляда на природу, популяризированием определенного учения...» (цит. по: 26, с. 320). Более полувека спустя видный историк биологии С.Л.Соболь в обзоре, посвященном первым сообщениям о теории Ч.Дарвина в России, писал на страницах "Бюллетеня МОИП": "Московское общество испытателей природы, вырастившее "Вестник естественных наук", может с законной гордостью внести в свою историю, что именно оно - первое в России - посеяло плодотворные семена дарвинизма" (53, с. 137).

В МОИП была сделана одна из первых попыток объединить идею эволюции видов с концепцией гармонии природы. С.А.Рачинский, с именем которого связано первое издание на русском языке труда Дарвина "Происхождение видов", в 1860 г. в статье "Размножение водорослей" утверждал на страницах "Вестника" (№19):

"Современное естествознание не довольствуется изучением законов, по которым совершается в каждом организме замкнутый в себе цикл развития... Оно в то же время старается проникнуть в запутанный лабиринт отношений, связывающих жизнь организмов всех разнообразных ступеней обоих органических царств между собой и с процессами неорганического мира. Оно старается постичь ту гармонию, которая возникает перед нами из вечной борьбы организмов между собой и с условиями неоживленной природы, силится проследить ту прогрессивную игру разрушений и возрождений, которая обусловливает строгую стройность и цельность органической жизни на земле в данное время, которая с величавой медлительностью переводит строй одной геологической эпохи в высший сложнейший строй эпохи последующей. Фауна и флора каждой отдельной точки земного шара, каждой естественной части его, всей его поверхности перестала быть для нас случайным, внешним скоплением разнообразных форм.

...Мы начинаем убеждаться, что каждая флора, каждая фауна, каждое сочетание их между собою в свою очередь представляет нам живой строго определенный в своих отправлениях организм, в котором жизнь каждой отдельной группы растений и животных играет длительную, необходимую роль, составляет отправление, обусловленное всеми прочими и в свою очередь обусловливающую их. Мы начинаем догадываться, что этот организм развивается во времени подобно растительной или животной особи, что лишь историческое изучение его, лишь определение условий, при которых он возникал и слагал ее, лишь познание переходных ступеней, через которые он проходил в своем развитии, может объяснить нам законы его настоящего состояния, его современной нам жизни".

Я бы сказал, что перед нами кратко сформулированный набросок программы теоретической биологии, рассчитанной уже на новую эпоху - эпоху дарвинизма, исторического воззрения на природу. Программу отличает биосферный, планетный охват явлений живой и косной природы. В программе, резюмирующей достижения творческой мысли К.Ф.Рулье и теорию эволюции Ч.Дарвина, четко определен круг новых проблем биологии. Теоретические проблемы биологии предстают как проблемы естествознания второй половины XIX в. По мысли С.А.Рачинского, естествознание уже не может удовлетворяться изучением законов индивидуального развития организмов. Естествознание переходит к изучению во взаимной связи сложных процессов, протекающих в живой и неорганической природе. Эти процессы очерчены со всей определенностью; это - экологические отношения между организмами, представляющими все царства живой природы; отношения между организмами, связанными экологическими отношениями, и неорганическим миром; законы, по которым эти сложные процессы, охватывающие органический и неорганический миры, воплощаются в Гармонию Природы; процессы

вечной борьбы организмов между собой и с условиями неорганической природы; игра разрушений и возрождений, из которой возникает поступательное развитие живого мира, его прогрессивное усложнение от одной геологической эпохи к другой, усложнения, сохраняющего "строгую стройность и цельность органической жизни на земле" в каждое данное время; представление о флоре и фауне каждой точки земного шара, каждой его части, а также Земли в целом как о не случайном явлении, не случайном скоплении форм; представление о каждой флоре и фауне как об организме, подчиняющемся строгим законам; тезис об экологической основе, обусловливающей превращение каждой флоры и фауны в организм; гипотеза филофлорогенеза и филофауногенеза; постулат, согласно которому только на основе исторического изучения каждой флоры и фауны, а также флоры и фауны всей Земли мы в состоянии объяснить законы нынешнего состояния этого суперорганизма, идет ли речь об отдельных флорах и фаунах или о флоре и фауне всей планеты.

Замечательно то, что эта программа оказалась весьма жизненной. Поколения ученых, связанных с Московским университетом и МОИП, в той или иной форме воплощали ее в жизнь. Не являясь официальной программой Общества, она предопределила тематику многих докладов и публикаций. В XX в. идеи этой программы последовательно развивались и поддерживались Обществом, но уже на основе естествознания новой эпохи, на базе идей глобальной экологии и учения о биосфере.

МОИП "всегда и при любых обстоятельствах... поддерживало передовые тенденции в науке вообще..." (44, с. 9). Вокруг теории эволюции Ч.Дарвина шла неутихающая полемика, когда 19 марта 1870 г. МОИП избрало великого английского ученого своим почетным членом. В архиве Общества хранится ответное письмо Дарвина от 28 мая 1870 г., в котором в частности говорится:

"Позвольте поблагодарить Вас за Ваше весьма любезное письмо от 20 мая, в котором Вы объявляете мне, что Императорское Московское общество испытателей природы оказало мне выдающуюся честь, избрав меня почетным членом. Сегодня утром я получил Ваш диплом. Надеюсь, что Вы выразите от меня Обществу, как глубоко я чувствую себя польщенным этой почестью".

Среди почетных членов МОИП мы находим имена выдающихся представителей мировой науки: В.Гёте, А.Гумбольдта, Ж.Кювье, Ж.Б.Ламарка, Я.Берцелиуса, Ч.Лайеля, А.Уоллеса, Т.Гексли, Э.Геккеля, К.Бернара, Р.Вирхова, М.Фарадея, Э.Резерфорда, Ю.Либиха, А.Декандоля, Г.Гельмгольца, Дж.Томсона.

Теория эволюции Ч.Дарвина как выдающееся достижение естествознания продолжало оставаться в центре внимания МОИП на протяжении всей второй половины XIX в. Однако от общества не ускользнуло нарастание противоречий в теоретической биологии в конце

XIX и начале XX в., выразившееся, в частности, в ужесточившейся критике теории эволюции. Сложившаяся в биологии ситуация была глубоко проанализирована в речи М.А.Мензбира "Мнимый кризис дарвинизма", прочитанной на годичном собрании МОИП в 1902 г. Президент МОИП Н.А.Умов - физик-теоретик, близкий друг И.М.Сеченова, И.И.Мечникова, А.О.Ковалевского, свободно ориентирующийся в проблемах биологии, - 3 октября 1908 г. произнес на годичном заседании Общества речь на тему "Эволюция мировоззрения в связи с учением Дарвина". Именно Умов составил текст приветствия, направленного в Кембридж по случаю 100-летия со дня рождения Ч.Дарвина и 50-летия его главного труда "Происхождения видов". В качестве делегата на юбилейные торжества МОИП делегировало в Кембридж К.А.Тимирязева, который по возвращении сделал на заседании Общества доклад "Дарвиновские дни в Кембридже". В январе 1910 г. на соединенном заседании XII съезда русских естествоиспытателей и врачей и МОИП с речью "Эволюция и эмбриология" выступил А.Н.Северцов, изложивший программу нового плодотворного научного направления - эволюционной морфологии животных.

В XX в. проблемы эволюции широко обсуждались на заседаниях биологических секций МОИП и специальных совещаниях. Нападки на дарвинизм и генетику со стороны группы агробиологов во главе с Т.Д.Лысенко не встречали в МОИП сочувствия. МОИП и его журнал "Бюллетень МОИП" (отд. биол.) сыграли видную роль в ликвидации разрушительных последствий августовской сессии ВАСХНИЛ 1943 г. "Начиная с 1953 г. редактируемый В.Н.Сукачевым "Бюллетень" наряду с "Ботаническим журналом" много сделал для нормализации положения в отечественной биологии и для дальнейшей разработки проблем теории эволюционной теории" (44, с. 9). В 1959 г. вышел специальный выпуск "Бюллетеня", посвященный 100-летию "Происхождения видов" Ч.Дарвина со статьей В.Н.Сукачева "Новые данные по экспериментальному изучению взаимоотношений растений". В 1963-1972 гг. в МОИП работал межсекционный Семинар по проблемам эволюции (под руководством одного из старейших профессоров МГУ Б.С.Матвеева). С докладами на семинаре неоднократно выступал А.А.Любищев. После кончины А.А.Любищева в 1972г. проводятся ежегодные Любищевские чтения (в Ульяновске и в МОИП). Темой этих чтений служили проблемы формы, эволюции и систематики; сборники докладов неоднократно издавались (например, 55). В последние десятилетия XX в. в МОИП вырос интерес к учению о биосфере В.И.Вернадского и возможности сблизить его биогеохимию с теоретической биологией вообще и с теорией эволюции в особенности. На страницах "Бюллетеня" рассматривается соотношение концепции геомериды (т.е. живого покрова Земли) и теории эволюции, роль теории эволюции в создании теоретических основ селекции,

эволюционный аспект биогеоценологии в момент ее зарождения в первые полтора десятилетия XX в.

Наряду и в связи с темой эволюции в МОИП систематически обсуждалась экологическая тематика. И в этом случае мы в первую очередь должны назвать имя К.Ф.Рулье. По справедливому замечанию А.Н.Формозова, Рулье "начал эпоху экологических исследований задолго до того, как в науке получил права гражданства этот термин" (41, с. 78). О значении среды в жизни животных Рулье говорил на лекциях и писал на страницах "Вестника". "Понятие среды он трактовал так же широко, как это делает современная нам экология, включая сюда как физико-химические факторы, так и биотические, до влияния хозяйственной деятельности человека включительно" (там же). Рулье призывал к углубленному изучению местной природы, которое, по словам Формозова, "мы не можем назвать иначе как экологическим", и сам проводил подобные исследования в Москве и под Москвой. Сегодня подход Рулье можно квалифицировать как биогеоценотический. Соединяя свои геологические и биологические наблюдения, он в 1845 г. утверждал: "В природе нет покоя, нет застоя... В природе всеобщее непрерывное движение, и безусловная смерть невозможна. Самая малейшая пылинка, лежащая в глубине материка или вод, действует на окружающее и находится под обратным действием его. В свою очередь животные находятся под постоянным влиянием действия наружного мира, что как нельзя лучше доказывается различным географическим размещением их, приличным устройству каждого животного относительно окружающих условий, перерождением - по мере перемещения их из одних условий в другие, совершенным вырождением их, порабощением и, наконец, течением, или как говорят часто, путешествием их, причем они избирают выгодные для себя условия. Самая смерть не прекращает сих обоюдных отношений, напротив она, и особенно распадение и гниение животных и растений, являют только собою блестящее доказательство победившего действия наружного мира, между тем как жизнью сии две стороны находятся в равновесии. Представить себе животное, отделенное от наружного мира, заключенное в самом себе, живущее исключительно на счет средств, в самом себе находящихся, значило бы представить животное, которое не дышит, не питается, не чувствует, не движется, не повинуется естественным физическим законам тяжести, давления, испарения и т.д., значило бы представить себе не только величайший, но даже, по нашим понятиям, невозможный парадокс. Но наружные условия каждой местности изменяются в различные времена. Это несомненно. А потому и совокупность животных, свойственных какой-либо местности, или, выражаясь термином, принятым наукою, фауна данной местности должна изменяться" (56, с. 1-2). Руководствуясь изложенными принципами, Рулье далее нарисовал картину развития московской фауны с древнейших

времен. Все это было изложено им в речи, произнесенной в торжественном собрании Московского университета, где он выступил в качестве профессора зоологии и первого секретаря МОИП.

Экологические идеи своего учителя К.Ф.Рулье блестяще развил в ряде капитальных работ Н.А.Северцов. Другой ученик Рулье и его преемник по кафедре зоологии А.П.Богданов также "в начале своей деятельности дал несколько зоологических исследований, в которых имеются экологические материалы": позднее он отдавал силы основанию Общества любителей естествознания, Политехнического музея, Общества акклиматизации, расширению музея и лабораторий Университета (41, с. 82). Дальнейшему развитию экологической тематики в МОИП способствовали М.А.Мензбир и П.П.Сушкин. Ученик С.А.Усова и Н.А.Северцова - Мензбир сыграл видную роль в истории Московского университета и МОИП. Его двухтомный труд "Птицы России" (1893-1895) содержал обширный экологический материал. Вокруг Мензбира сложилась школа фаунистов. Результаты их исследований, включающих и экологический материал, "в организации и осуществлении которых М.А.Мензбир неизменно принимал то или иное участие, были опубликованы под его редакцией в "Бюллетенях" Общества испытателей природы или в биологической серии "Материалов к познанию фауны и флоры Российской Империи" (41, с. 83). Последнее издание было основано в МОИП Мензбиром. В 15 томах, опубликованных в 1892-1918 гг., "заключается помимо фаунистического огромный экологический материал, который не потеряет значения долгие годы" (там же). Так в 1940 г. писал А.Н.Формозов.

Ближайший ученик и друг М.А.Мензбира - П.П.Сушкин является "продолжателем работ Н.А.Северцова и М.А.Мензбира" (там же). Орнитологические работы Сушкина, опубликованные в "Материалах к познанию фауны и флоры", служат "неиссякаемым источником фактов, касающихся экологии птиц" (там же). Значительное внимание экологическим вопросам уделяли и другие зоологи, работавшие в Университете в последнее десятилетие XIX и первые десятилетия XX века, - Л.П.Сабанеев, К.А.Сатунин, Д.П.Филатов, Н.И.Кулагин, С.И.Огнев.

МОИП И СЪЕЗДЫ РУССКИХ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ. ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХ

В XIX в. в составе МОИП было много врачей, общество "оказывало влияние на развитие медицины как науки" (12, с. 45). Этому, несомненно, способствовал Карл Иванович Ренар, врач по образованию и деятельный сотрудник Общества, его Совета. В 1841-1850 гг. Ренар руководил Библиотекой МОИП, в 1872 г. он был избран вице-президентом, а в 1884-1886 гг. исполнял обязанности избранного президента МОИП. Врачи

выступали в Обществе с докладами и публиковали свои работы в "Бюллетене МОИП". В качестве примера можно сослаться на доклад В.А.Басова "О возможности проложить искусственный путь в желудок некоторых животных через наружную рану", где речь шла о желудочной фистуле. Статья Басова была помещена в "Бюллетень МОИП" и получила высокую оценку И.П.Павлова. Сложившаяся в МОИП традиция объединения естествоиспытателей, натуралистов и врачей получила известное продолжение в практике организации съездов русских естествоиспытателей и врачей.

К организации упомянутых съездов МОИП имело самое прямое отношение. Инициатором съездов выступил проф. К.Ф.Кесслер, подавший в 1856 г. министру народного просвещения А.С.Нартову записку о значении съездов. Ответа не последовало. В 1861 г. три московских научных общества - МОИП, Общество русских врачей и Физико-медицинское общество - постановили войти с ходатайством о разрешении съездов русских естествоиспытателей и врачей. Об этом их почине К.Ф.Кесслер упомянул в своем выступлении на съезде естествоиспытателей в Киеве в июне 1862 г. Три названных московских общества, пригласив к участию и другие общества, составили из своих членов смешанную комиссию, поручив ей выработать Программу съездов.

Большинство членов Комиссии, отклонив предложение о созыве областных съездов, высказалось в пользу общих съездов, мотивируя это тем, что "наибольшая польза съездов должна заключаться в собрании профессоров всех русских университетов... чего не может быть при областных съездах, и притом профессора будут являться на общие съезды, как представители различных школ и взглядов, что может быть весьма важно для разъяснения научных истин", наконец, влияние таких съездов будет "обширнее и результаты больше" (32, с. 59). Комиссия рекомендовала проводить съезды - и общие, и областные - в университетских городах по очереди. На общих собраниях съездов предлагалось заслушивать общеинтересные для всех участников сообщения. "...Комиссия полагала, что для большей популярности съездов нужно предоставить право участия в них каждому врачу и естествоиспытателю, живущему в России, ...а также иностранным ученым и специалистам" (32, с. 61). Комиссия выразила пожелание, чтобы первый съезд русских естествоиспытателей и врачей был проведен летом 1862 г. в Москве.

Однако прошло еще долгих шесть лет после выработки московской комиссией научных обществ Программы съездов прежде чем, благодаря настойчивым усилиям К.Ф.Кесслера, разрешение от властей было, наконец, получено. 24 мая 1867 г. министр народного просвещения Д.А.Толстой сообщил декану физико-математического факультета Петербургского университета проф. К.Ф.Кесслеру, что он входил с

представлением в Комитет Министров "об учреждении периодических собраний русских естествоиспытателей", что Комитет Министров испросил высочайшего разрешения, каковое последовало 12 мая 1867 г. Д.А.Толстой предложил Совету Петербургского университета поручить составление подробного плана съездов естествоиспытателей и принять меры к проведению съезда в 1867 г. в Санкт-Петербурге, Университету было предписано руководствоваться определенными "главными основаниями", первое из которых гласило: "1) Съезд Русских естествоиспытателей в С.-Петербурге имеет целью споспешествовать ученой и учебной деятельности на поприще естественных наук, направлять эту деятельность, главным образом, на ближайшее исследование России и на пользу России и доставлять русским естествоиспытателям случай лично знакомиться между собой" (цит. по: 32. с. 63).

Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей открылся в С.-Петербурге 28 декабря 1867 г. Его значение было высоко оценено современниками. По словам А.В.Погожева (1887), ежегодные съезды ученых России "как нельзя более содействовали поддержанию высокого значения и положения науки в государстве" (32, с. 67). Рост ученых сил и увеличение спроса на ученых привели к усилению специализации науки, "началась специальная разработка отдельных вопросов естествознания; явились специальности, из которых некоторые быстро достигли замечательно высокой степени развития" (там же). Ежегодный съезд оценивался как "высший торжественный контроль науки над деятельностью отдельных ученых", пользующийся доверием научного сообщества. Высказывалось мнение, что благодаря съездам "медицина, тесно сблизившись с естествоведением, поняла свою почву: она усвоила себе точные, рациональные методы исследования естественных наук и твердо стала на том базисе эксперимента и анализа, который характеризует современное состояние этой лучшей отрасли естествознания и благодаря которому она так решительно стремится занять свое законное место в ряду наук положительных" (там же).

Съезды стали событием национального масштаба. Подчеркивалось особое значение съездов русских ученых "в стране, где огромное большинство населения полно вековых предрассудков, чуждо самому понятию о науке, - где "университетские города разбросаны как оазисы в пустыне...", по меткому выражению одного русского натуралиста" (32, с. 67-68). Эта оценка относится к 1887 г. А вот что писала "Московская медицинская газета" в №1 за 1868 г. о первом съезде русских естествоиспытателей и врачей: "Объединив ученые силы страны, съезд не менее благодетельно действовал и на саму нацию, ибо, встречаясь лицом к лицу с представителями науки, народ научился уважать последнюю, понимать се необходимость, ее непосредственное участие в прогрессивном развитии общественного благоустройства" (цит.по: 32, с. 67). Газета

подчеркивала, что как только наука получила права гражданства в жизни, ученые страны получили "полнейшую свободу изыскивать средства для преуспеяния и распространения научных знаний..." (там же).

Организаторы первого съезда знали о том, что образованные люди в стране заинтересованы судьбой отечественной науки. В трудах первого съезда русских естествоиспытателей и врачей опубликовано письмо на имя ректора С.-Петербургского университета из г. Чердыни, составленное кружком лиц, собравшихся 8 февраля 1867 г., т.е. в день годовщины университета, у одного из его бывших студентов. А.В.Погожев назвал это письмо чрезвычайно интересным историческим документом "для выяснения прошлой эпохи общественного развития России" (32, с. 74). Здесь оно особенно интересно тем, что связывает работу съезда с деятельностью МОИП. Вот некоторые выдержки из этого письма. "М.г. г-н Ректор! Несколько лиц, знавших о том, что 8-е февраля - день годовщины Петербургского университета, собрались к одному из бывших студентов его, чтобы приятно провести время в беседе о современном отношении жизни к науке. Разговор не замедлил обратиться к самому утешительному явлению настоящего времени - широкому распространению в обществе убеждения, что без знаний о законах и потребностях человеческого организма и отношениях человека к природе невозможны ни умственный, ни материальный прогресс, что образованность и богатство всякого народа пропорциональны массе распространенных в нем положительных знаний. Раздающийся отовсюду клик "хлеба и знаний" с небывалою доселе настойчивостью призывает к жизни естественные науки; отголосок его - Съезд натуралистов встретил самое живое сочувствие и, вероятно поведет к предприятиям, которые много помогут развитию и русской мысли, и русского богатства" (цит. по: 32, с. 74). И далее, заметив, что одно платоническое одобрение не в состоянии поддержать благое "новоразвивающееся направление", авторы письма высказались в пользу издания научно-популярного издания. "Если для этого журнала не найдено еще никаких других средств, то чердынские собеседники... имеют честь представить на ваше усмотрение их мысль - открыть (от вашего имени или от факультета физико-математических наук) подписку для составления капитала на издание "Вестника Естественных Наук"..." Представление собеседников о программе такого журнала близка программе "Вестника" К.Ф.Рулье: "Такой журнал, если бы он не ограничился удовлетворением потребностей одних только специалистов, а задался бы также мыслью постоянно обращать внимание общества на благотворные результаты приложения естествознания к обыденной жизни и важность и незаменимость его в деле воспитания, принес бы громадную пользу" (цит. по: 32, с. 74-75). К своему письму чердынские авторы приложили 31 руб.; эти деньги вошли в общий капитал в 2000 руб., эта сумма была

употреблена для выдачи премии студентам в память Первого съезда русских естествоиспытателей и врачей.

Инициативное участие научных обществ, и в том числе старейшего среди них Московского общества испытателей природы, в организации съездов русских естествоиспытателей и врачей было высоко оценено участниками первого такого съезда. Научные общества проявили себя как самостоятельная общественная сила, независимая и авторитетная. Ярким примером служила 60-летняя история МОИП, завоевавшего уже к этому времени мировую известность. Стремясь расширить демократическую базу отечественной науки, Первый съезд высказал пожелание об открытии подобных обществ при каждом университете. Оно было встречено властью с пониманием. Уже в 1868 г. Общество естествоиспытателей было создано при Петербургским университете, а в в 1869 г. аналогичные общества возникли при Киевском, Казанском и Харьковском университетах. В 1868 г. было создано Общество для исследования Западной Сибири.

На обеде в зале старого Московского университета после закрытия Второго съезда русских естествоиспытателей и врачей (Москва, август, 1869 г.) министр народного просвещения, вспоминая в своей речи Первый съезд в Петербурге, отметил: "Этому съезду мы обязаны учреждением общества естествоиспытателей при всех наших университетах" (цит. по: 32, с. 95).

Формирование сети естественно-научных обществ продолжалось до конца XIX в. В 1870 г. появляются Общество естествоиспытателей при Новороссийском университете и Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге, в 1882 г. общество естествоиспытателей при Варшавском, а в 1889 г. при Томском университетах, в 1895 г. в Саратове возникло Общество естествоиспытателей и любителей природы (130).

Организацию Второго съезда принял на себя Московский университет. С этой целью при физико-математическом факультете был учрежден Общественный комитет, в состав которого "вошли депутаты от специальных естественно-исторических обществ и учреждений, интересующихся успехами естествознания..." (32, с. 89). МОИП представлял в этом комитете К.И.Ренар. Ученые Москвы стремились максимально заполнить дни работы съезда. Кроме общих секционных заседаний Общественный комитет предусмотрел еще "экстренные заседания для членов съезда". Так, МОИП предложило "назначить по закрытии съезда заседание для некоторых секций, которые не успеют окончить свои занятия и, может быть, пожелают продолжить их". Кроме того, МОИП "назначило публичное заседание 2-го сентября по случаю столетней годовщины Гумбольдта" (там же, с. 92). И в последующие годы "МОИП принимало деятельное участие в работе съездов в лице своих членов, выступавших с рядом ведущих теоретических докладов и

проводивших большую организационную работу..." (12, с. 48). На XII съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве было проведено несколько объединенных заседаний секций съезда и МОИП. Так, на объединенном заседании МОИП и секций минералогии и геологии, географии и агрономии Съезда был заслушан доклад Н.И.Криштофовича "О последнем ледниковом периоде в Европе и Северной Америке", а также доклады А.П.Павлова и Б.П.Полынова. На соединенном заседании XII съезда и МОИП с программной речью "Эволюция и эмбриология" выступил А.Н.Северцов.

СТОЛЕТИЕ МОИП: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮБИЛЕЙ

28 декабря 1855 г. члены Московского общества испытателей природы собрались на юбилейное заседание по случаю 50-летия своего Общества. Основатель МОИП Г.И.Фишер (1771-1853) лишь немного не дожил до этого торжества. Выступивший на заседании вице-президент МОИП А.И.Фишер фон Вальдгейм засвидетельствовал верность Общества тем целям и задачам, которые были положены в основу деятельности Общества его отцом. Вступая в новую эпоху своего существования, МОИП подтверждало, что и впредь будет стремиться возбуждать любовь к изучению природы в стране, столь обширной и столь разнообразной по природным и климатическим условиям; исследовать многообразные естественные богатства России и составить полнейшие их коллекции; вносить новые знания, "раздвинуть предел науки", уточняя известные сведения, "производя новые открытия", утверждая начала, на которых покоится изучение природы (117, с. 4).

В 1859 г. был издан "Алфавитный список Императорского Московского Общества испытателей природы"; этот интереснейший документ позволяет судить о масштабах деятельности Общества и его широкой известности. В списке членов МОИП значились имена многих выдающихся ученых России и Западной Европы. Назову только немногих, это - К.М.Бэр, Ф.Ф.Брандт А.А.Бунге, С.А.Рачинский, Н.А.Варнек, Н.А.Северцов, Г.А.Траутшольд, Г.Е.Щуровский, П.С.Горожанкин, П.Ф.Горянинов, К.Ф.Кесслер, А.Я.Купфер, С.С.Куторга, А.Ф.Миддендорф. МОИП приобрело значение не только московского, но и общероссийского научного общества, членами Общества были жители многих городов и регионов России. Кроме Москвы и Петербурга, члены МОИП проживали в Дерпте, Риге, Иркутске, Ярославле, Шклове, Витебске, Кишиневе, Ревеле, Киеве, Одессе, Саратове, Вологде, Бердичеве, Вильне, Рязани, Томске, Таганроге, Казани, Ставрополе, Ельце, Барнауле, Семипалатинске, Нахичеване, Симферополе, Вышнем Волочке, Петрозаводске, Нижнем-Новгороде, Мглинке, Гельсингфорсе, Верее, Княгине, Змиеве, Юговском Заводе (118).

Рядом с именами ученых в списке русских членов МОИП мы встречаем имена государственных деятелей; так, членами МОИП были князь А.И.Барятинский, наместник Кавказский, Е.П.Ковалевский, министр народного просвещения, М.Н.Муравьев, министр государственных имуществ, Н.Н.Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири, В.И.Назимов, генерал-губернатор в Вильне, граф К.В.Нессельрод, канцлер, С.С.Ланской, министр внутренних дел, А.Д.Озерский, губернатор в Томске, граф В.Н.Панин, министр юстиции, граф А.Г.Строганов, генерал-губернатор в Одессе, Ф.И.Тотлебен, генерал-адъютант.

Впечатляет созвездие заграничных членов МОИП; назову лишь некоторые имена из 385 включенных в список, это - Л.Агассис, Д.Б.Амичи, Ч.Бель, Дж.Бентам, Клод Бернар, Эли де Бомон, Г.Бронн, А.Броньяр, Дж.Ф.Гершель, Г.Гиббс, В.Д.Гукер, А.Гумбольдт, Д.Дана, А.Декандоль, К.Дорн, Ж.Б.Дюма, И.Жоффруа Сент-Илер, А.Ж.Кампер, К.Г.Карус, А.Катрфаж, А.Келликер, И.Р.Л.Кирхгоф, Ч.Лайель, А.Лейкарт, Ю.Либих, Мильн-Эдвардс, К.Негели, Р.Оуэн, Ш.Орбиньи, М.Г.Ратке, А.Седжвик, Г.Соссюр, Тревиранус, М. Фарадэ, М.П.Флуранс, М.Шлейден.

"Алфавитный список" позволяет говорить о широких связях МОИП с отечественными и зарубежными учеными. Список составлен подчеркнуто демократично: в алфавитном порядке фигурируют имена ученых, государственных деятелей, князей, графов и необремененных чинами и званиями действительных членов и членов-корреспондентов из глубокой провинции. Так же выглядит и список заграничных членов МОИП: члены королевских семей, например, Карл, принц Прусский, Королевское Высочество и Иоанн, Эрцгерцог Австрийский, Императорское Высочество, включены в общий алфавитный список.

К своему 50-летию МОИП состояло в постоянных, взаимных сношениях со 156 высшими учебными и учеными заведениями и обществами; из них 40 адресов приходилось на России, 51 - на Германию, 12 - на Англию, 16 - на Францию, 7 - на Италию, 5 - на Голландию, 2 - на Данию, 5 - на Швейцарию, 2 - на Швецию, 2 - на Грецию, 1 - на Испанию, 1 - на Португалию, 2 адреса - на Азию, 1 - на Австралию, 2 - на Бразилию и 15 - на США (118).

МОИП загодя готовилось к своему столетнему юбилею. В протоколах Общества сохранилось выступление М.А.Мензбира, изложившего программу действий. Президент МОИП говорил: "Через четыре года исполнится сто лет со для основания Императорского Московского Общества Испытателей Природы, и необходимость достойно отпраздновать столь знаменательное событие, как столетие существования ученого общества, к тому же одного из старейших в России, заставляет меня теперь же войти с следующими предложениями" (116, с. 7). Эти предложения заключались в следующем: 1) составить Архивную комиссию с задачей разобраться в архивных документах Общества и

постараться их опубликовать; 2) членам комиссии вменялось в обязанность "составить к известному сроку...историю деятельности Общества", каждому по его специальности; 3) поскольку деятельность МОИП "была строго научна в течение всего столетия его существования", признавалось желательным "издать один или несколько томов трудов членов Общества... под названием "Юбилейного сборника""; 4) изыскать средства для проведения юбилейных мероприятий, прежде всего путем ходатайства перед правительством; 5) напечатать полный список бывших и настоящих членов МОИП и бюро Общества (там же, с. 8-9).

События 1905 г. помешали осществлению этой программы в полной мере. Лишь в 1909 г. Московский университет издал короткую "Записку о деятельности и средствах Императорского Московского Общества Испытателей Природы" (117). "Записка" напоминала, что МОИП - "старейшее из русских ученых Обществ" - имеет целью "естественно-историческое изучение нашего Отечества и споспешествование естественным наукам". Указывая на то, что 100-летняя научная деятельность МОИП открыла ему "широкое общение с выдающимися учеными учреждениями и лицами во всех странах", записка констатировала, что "Общество вынуждено было в последние годы сокращать ее за недостатком средств в явный ущерб своим задачам и достоинству" (117, с. 1). Это коснулось и изданий Общества, которые "благодаря своему научному содержанию", позволили "путем обмена составить богатейшую в Европе библиотеку по естествознанию" (там же). Общество было вынуждено сократить или даже, как сказано в записке, "упразднило" расходы по экспедициям и экскурсиям, на пособиям научным исследованиям. Несмотря на все сокращения расходов, ежегодный дефицит бюджета Общества составлял 3500 руб. Поэтому МОИП "не имело средств осуществить предположенные юбилейные издания ко времени чествования своего столетнего юбилея в 1905 г., отложенного по обстоятельствам времени" (там же). Без ложной скромности в записке говорилось: "Юбилей этот представляет важное событие в истории естествознания в России, тесно связанной с историей Общества..." (там же, с. 1-2). Общество испрашивало увеличение ежегодного пособия от правительства с 4857 руб. до 10000 руб. в целях "восстановления своей деятельности в размерах, соответствующих современным требованиям, предъявляемым естественно-историческим ученым обществам" (там же, с. 1). Кроме того, Общество испрашивало единовременное пособие в размере 5000 руб.

"Записка" напоминала, что власть благоволила Московскому обществу испытателей природы с первых дней его существования. "Устав Общества, подписанный его учредителями 25 июля 1805 г., был утвержден Императором Александром I, выразившим по этому поводу свое Высочайшее благоволение" (там же, с. 2). Принимая "Записки" МОИП,

опубликованные в декабре 1806 г. (на французском языке), Александр I "выразил свое покровительство Обществу и даровал ему право именоваться "Императорским"" (там же). Выслушав доклад министра народного просвещения П.В.Завадского о программе МОИП, касающейся описания Московской губернии с географической, физической, статистической и других точек зрения, Александр I 15 августа 1808 г. дал следующий указ министру:

"Граф Петр Васильевич! Обществу Испытателей Природы при Московском Университете учрежденному, в пользу издержкам, которые имеют по предметам полезным, жалую единовременно пять тысяч рублей из капитала, на учебную часть определенную". Затем, по докладу министра внутренних дел, Александр I разрешил "безденежную пересылку корреспонденции Общества Испытателей Природы" (там же). 9 февраля 1818 г. по случаю издания пятого тома "Записок" МОИП им был дан указ "в пособие трудам Общества и их поощрение отпускать из Государственного Казначейства ежегодно по 5000 р. ассигнациями" (117, с. 2). В том же духе действовал по отношению к МОИП Николай I, издавший 11 января 1829 г., после выхода седьмого тома "Записок" Общества указ "о назначении ежегодной субсидии Обществу по 5000 руб. ассигнациями сверх ранее выдававшейся ему суммы" (там же, с. 3). В 1880 г. МОИП, отмечавшее свое 75-летие, попросило правительство увеличить пособие Обществу на 2000 руб. В ответ на просьбу МОИП Министр народного просвещения, по соглашению с Министром финансов, представил дело в Государственный Совет. Свое обращение министр мотивировал тем, что МОИП снискало "почетную известность в ученом мире изданием многих замечательных трудов" и благодаря сношениям "с заграничными учеными лицами и учреждениями", "содействует обогащению коллекций - естественно-исторического музея и ботанического кабинета Московского Университета". Государственный Совет удовлетворил просьбу Общества, увеличив пособие до 4857 руб. (вместо 2857 руб.). Пособие в указанном размере МОИП продолжало получать вплоть до 1909 г. Посильную помощь МОИП оказывали Министерство земледелия и государственных имуществ, а затем Главное управление Землеустройства и Земледелия, в разное время ассигновавшие по 300 руб. в год на поддержку издания материалов к познанию фауны и флоры Российской империи. Пособие это не было постоянным и отпускалось всякий раз по особому ходатайству Общества. Располагая указанными средствами, МОИП сумело развернуть обширную издательскую деятельность. С 1806 г. начали выходить Mémoires (вышло шесть томов); седьмым томом открылась новая серия (Nouveaux Mémoires); с 1829 г. МОИП издает Bulletin, по 4 книжки в год; с 1890 г. "Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи" - по Ботаническому отделу с 1890 по 1909 год вышло 6 выпусков, по

Зоологическому отделу с 1892 по 1909 год - 9 выпусков; с 1899 г. "Материалы к познанию геологического строения Российской Империи", вышло 2 выпуска; с 1896 г. отдельными выпусками печатаются Протоколы заседаний МОИП; ежегодно Общество издает "Годичные отчеты" о своей деятельности; наконец, Обществом издавались монографии, книги и брошюры "ученого содержания". В этот перечень входит также издававшийся с 1854 по 1860 год еженедельный, а затем полумесячный научно-популярный журнал "Вестник Естественных наук". В "Записке" 1909 г. подчеркивалось: "По мысли инициаторов этого издания, оно должно было служить "источником, из которого образованные читатели могли бы черпать любопытные, популярные, общепонятные и, однако, здравые знания и понятия о природе отечества, столь богатой, разнообразной и столь плодовитой, не только для удовлетворения вещественным потребностям жизни, но и стремлениям ума и жажде души, ищущей научнения"" (117, с. 5).

"Записка" напоминала, что уже в первые годы существования МОИП, наряду с исследованиями по Московской губернии, "была снаряжена большая экспедиция для исследования естественных произведений Урала и Сибири" (117, с. 6). Президент МОИП А.К.Разумовский командировал на собственные средства специалистов в районы южной и юго-восточной России. И в последующие десятилетия Общество продолжало эту деятельность: "снаряжая экспедиции и оказывая поддержку ходатайствами перед администрацией и денежными средствами своим членам и посторонним, известным ему лицам, в их научных экскурсиях и местных исследованиях природы различных частей России" (там же). С 1898 по 1908 год, т.е. в течении 10 лет, в среднем до 18 лиц ежегодно на средства МОИП "предпринимали геофизические, геологические, минералогические, почвенные, зоологические и ботанические исследования"; ими оказалось охвачено "в общем 55 губерний и областей России и отчасти сопредельные с нею страны" (там же).

Характеризуя отношения МОИП и Московского университета, "Записка", автором которой скорее всего был президент Общества М.А.Мензбир, напоминала, что согласно §5 Устава МОИП общество получает от университета помещение для собраний, библиотеки, архива МОИП и его коллекций, а по §3 все "естественные предметы", доставляемые Обществу, "поступают в кабинеты и музеи Университета" и служат их обогащению. Выполняя свои обязательства перед университетом, МОИП после пожара Москвы в 1812 г., "стремясь к восстановлению погибшего музея Университета", передало ему "богатое собрание естественных предметов из Бразилии, присланное ему его членом Фрейрейсом и пожертвованное купцом И.Часовниковым обширное собрание иностранных минералов". И в последующие годы, подчеркивалось в "Записке", МОИП "во многом содействовало обога-

щению ботанического, геологического, минералогического и зоологического музеев Университета" (117, с.7).

МОИП, в число активных деятелей которого входили профессора и молодые питомцы Московского университета, имело все основания утверждать, что "Общество в течение всего своего более 100-летнего существования находилось в непрерывной связи с Московским Университетом" и вместе с ним служило делу развития естествознания в России, "пополняя своими научными силами и своей библиотекой те средства, которыми университет располагает для удовлетворения своих научных и учебно-вспомогательных потребностей" (там же).

Издаваемые МОИП труды заслужили мировую известность и позволили "вступить в сношения и обмен изданиями с важнейшими учеными Обществами и Учреждениями во всех странах". Кроме России Общество к своему 100-летию обменивалось изданиями: в Европе с 402-мя, в Азии с 15-ю, в Австралии, Новой Зеландии и Тасмании с 14-ю, в Америке с 95-ю и в Африке с 8-ю "учеными Обществами и Учреждениями". Ежегодно путем обмена МОИП получало со всех концов земли "свыше 2500 томов весьма ценных периодических изданий и монографий" (117, с. 5). Не случайно в "Записке" говорилось, что МОИП служит делу Московского университета в том числе и своей библиотекой. "Благодаря упорным и непрерывным стараниям, Общество в течение своей столетней жизни собрало одну из обширнейших и богатейших библиотек по естествознанию, не только из существующих в России, но и в Европе" (там же, с. 6). К 1909 г. Библиотека содержала "75000 томов, включая в себе не только редкие и чрезвычайно ценные монографии, но и многолетние серии изданий, что имеет большое научное значение" (там же).

Ежегодный доход МОИП слагался из суммы, отпускаемой правительством в размере 4857 р., членских взносов и поступлений от продажи изданий Общества (около 550 р.) и процентов на запасный капитал, составившийся из единовременных взносов (1600 р.). Таким образом составлялась сумма в размере 5400 р.

Главной статьей расхода в бюджете МОИП являлись затраты на печатание изданий общества. После 1905 г. эти затраты выросли на 40%. МОИП могло тратить на печать не более 3500 р. в год и "было вынуждено замедлять печатание и выпуск в свет имеющегося у него материала" (117, с. 7). Правительство упразднило привилегию МОИП - бесплатную пересылку его изданий и материалов; расходы по пересылке и обмену изданиями возросли до 240 р. в год. Общество было вынуждено упразднить расходы на поддержание экскурсий и экспедиций. "Отложенное в 1905 г. празднование столетия существования Общества не было осуществлено и впоследствии за отсутствием средств" (там же, с. 8).

В 1909 г. в состав МОИП входило 502 действительных члена, 73 почетных и 47 членов-корреспондентов (всего 622 лица) (117, с. 4).

Намеченная в 1901 г. М.А.Мензбиром программа юбилейных мероприятий выполнена так и не была. В "Записке" были воспроизведены пункты этой программы. На первом месте стоял пункт о разработке архива и материалов по истории МОИП, и было подчеркнуто: "Эта работа имеет большое значение в том отношении, что история Общества тесно связана с историей естествознания в России" (там же).

Часть третья

МОИП В XX ВЕКЕ: СОХРАНЕНИЕ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ НОВАЦИИ

В истории русской науки XVIII - XX столетий можно выделить несколько этапов. Так, реформы Петра I, создание в 1725 г. в Петербурге Академии наук, а в 1755 г. Московского университета быстро принесло свои плоды. "В 1760-1770-е гг. в русской науке и культуре сложилась благоприятная ситуация. К этому времени образовалось устойчивое представление о важности и полезности научных изысканий вообще и региональных исследований в частности... Открытие Императорского университета в Москве знаменовало начало принципиально нового этапа; появились возможности светского обучения и реализации творческой личности вне Санкт-Петербурга. Во второй половине XVIII в., особенно после освобождения дворян от обязательной государственной службы и появления новых научных центров, часть формировавшейся русской творческой интеллигенции начала исход из Санкт-Петербурга" (69,с.29).

Грянувшая через столетие революция в естествознании, вызванная появлением теории эволюции Ч.Дарвина, встретила в России благоприятную почву. 60-70-е годы XIX в. прочно вошли в историю как время мощного подъема естествознания в России. В мировую науку вошла целая плеяда первоклассных русских ученых.

Новая революция в естествознании, порожденная открытиями в физике на рубеже XIX-XX столетий, формированием генетики, экологии и биогеоценологии в биологии, развитием геохимии и созданием учения о живом веществе и биосфере, была творчески воспринята в России. Здесь эта революция дала стимул для построения современной натуралистической картины мира. В России формируется новая междисциплинарная область знания — биосферология. Естествознание развивается в стране широким фронтом. В ряде областей ученые России заняли лидирующие позиции.

МОИП чутко реагировало на все новое и плодотворное, что появлялось в мировой и отечественной науке, рассматривая достижения естествознания как средство улучшения жизни человечества. На протяжении всего XX в. МОИП продолжало в сложных условиях войн и революций, сотрясавших Россию и весь мир, твердо следовать принципам демократичности, высокой научности и интернационализма. На протяжении всего XX в. МОИП устами своих президентов, научными трудами своих членов, деятельностью своих секций, организацией представительных конференций и совещаний, изданием "Бюллетеней МОИП" отстаивало жизнеутверждающую научную картину мира.

МОИП внесло свой неповторимый вклад в сложный процесс становления гражданского общества в России. Процесс этот занял два столетия, т.е. столько же, сколько существует Московское общество испытателей природы. Он шел трудно, с перерывами, но безостановочно. "В предреволюционное время в России сформировалась широкая разветвленная сеть обществ и союзов. Они активно действовали в таких областях, как наука и техника, литература и искусство, просвещение и здравоохранение, промышленность и торговля, благотворительность и самопомощь" (102, с. 99). Если в первые 60 лет XIX века в России было всего около 100 обществ (причем половина из них - в Прибалтике и западных губерниях), то к началу XX в. количество легальных обществ в стране выросло в десятки раз. По данным Н.П.Ануфриева (1917), с 1906 по 1909 годы было образовано 4800 обществ. В Москве в 1912 г. существовало более 600 ассоциаций, в Петербурге — около 500 обществ (103). Для сравнения, в Мюнхене в середине XIX в. было 150, а к началу XX в. 3000 объединений; в Австрии в 1856 г. существовало 2234, в 1910 г. 85000 объединений.

По заключению А.С.Тумановой (2005), "в дореволюционной Москве были налицо все важные предпосылки для складывания гражданского общества: существовали институты, занимающиеся публичной работой, формировалась элита, способная к участию в общественных делах и заинтересованная в этом, складывалась идеология общественного деления" (102, с. 119). При этом автор отдает должное и деятельности чисто научных обществ, включая МОИП. Оценивая их роль не с точки зрения истории естествознания, как это обычно делается, а с позиций историка, анализирующего процессы становления гражданского общества, А.С.Туманова пишет: "Высоким авторитетом в ученых сферах Москвы пользовались научные организации, образованные при Московском университете, — Общество истории и древностей российских.... Общество испытателей природы и Общество соревнования врачебных и физических наук (или Физико-медицинское). В начале XX в. эти организации, вступившие во второе столетие своей жизни, имели яркую профессиональную биографию, авторитетных членов и обширные творческие контакты" (102, с. 115).

В.И.ВЕРНАДСКИЙ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ В XX ВЕКЕ

Становление гражданского общества вызвало в России повышенный интерес к истории науки. На основе изучения роли науки в истории общества, быстро возрастающего влияния науки на судьбы государств и народов начинает формироваться современная концепция организации и развития науки в контексте истории общества и будущего человечества.

В лекциях и статьях В.И.Вернадского, относящихся к 1902 - 1917 гг. были гениально схвачены главные процессы всего XX в.: глобализация как политика государств; глубокое проникновение естествознания в сферу техники; проникновение достижений науки в сознание человека и человечества. Вернадский убедительно показал, что научная мысль, самостоятельная научная работа определяют: жизненность страны и народа, составляют основной элемент культуры, служат оплотом и основным элементом могущества человечества, проникают народную и государственную жизнь, кует будущее великого народа, определяет мировое значение страны и народа. Вернадский показал, что в условиях глобализации политической и экономической жизни научная мысль составляет важную часть этого планетного процесса; в частности, наука все сильнее проникает в человеческое сознание, охватывает все его области. Судьба нации и государства, национальная сила и могущество, определяются в борьбе государств и исход этой борьбы определяется научными знаниями.

В 1915 г., в обстановке мировой войны, Вернадский задавался вопросом, который будет мучить человечество на протяжении почти всего XX в. и не будет снят с наступлением XXI в. "Трудно, конечно, и невозможно сказать, — писал Вернадский, — будет ли в состоянии человечество избежать нового опыта такого кровавого применения научных знаний..." (1, с. 201). Ученый полагал, что ответ на этот вопрос будет зависеть в том числе "и от силы того чувства этического протеста, какой вызывает в сознании человечества дикий способ ведения войны, свойственный эпохе переселения народов..." (там же).

Науке предстоит проявить свой гуманный потенциал. По мысли Вернадского, по мере роста "разрушительной научной техники" "Охранительная и защитительная сила научного творчества должна быть выдвинута на первое место для того, чтобы не довести человечество до самоистребления" (1, с. 201-202). Спустя почти столетие после Ж.Б.Ламарка, знавшего войну по личному опыту участия в боевых действиях, и с горечью писавшего, что человечество готово в междуусобицах истребить свой собственный вид, Вернадский вынужден был признать, что в XX столетии в войну оказалась вовлечена наука, достижения которой стали использоваться в массовом истреблении людей. Ученый уловил новую тенденцию развития науки: научные знания приобретают планетный характер, в том числе и по причине обслуживания войны. "До сих пор внимание исследователей и изобретателей направлялось в сторону разрушения" (1, с. 202). Таков был неутешительный вывод ученого в 1915 г. Констатируя новое явление в мировой истории, а именно, "перенос войны на весь земной шар", Вернадский призывал противопоставить этой опасной тенденции солидарность ученых всего мира. "...Должна быть усилена деятельность

научных организаций и отдельных ученых, направленная к защитительной технической работе, против разрушительных сил войны", — писал ученый, подчеркивая, что "здесь область научного творчества представляет почти непочатое поле" (там же).

Первая мировая война разъединила ученых, часть из них поддалась шовинистическим настроениям. Выражая уверенность в возможности объединения интеллектуальных сил планеты, Вернадский опирался на историю науки. Отмечая, что с XVI в. и ранее — "от времени единой науки западного средневековья" — в научной среде "существовало общение вне рамок государственных союзов", он резюмировал: "В научной среде человек, казалось, хотя бы одной стороной своей культуры жил в идеальном будущем строе единого человечества". В середине XIX в. "к этому вековому навыку научной среды и к привычке ее дружно идти в разных странах и среди разных племен и народов к одной, общей всему человечеству, цели", присоединилось новое явление планетного масштаба — "международная организация научной работы, вылившаяся в разнообразные, все растущие формы". Эти международные начинания питали "более тесное идейное, личное и рабочее сближение научных работников по всему миру" (1, с. 203).

Вернадский напоминал также, что наука является "культурной организацией, малозависимой от государственных или племенных рамок". "Наука едина", утверждал ученый, в ней "несть эллина и несть иудея", ее цель — искание истины, а истина "далека от исторической обстановки момента, обща и едина всем без различия" (1, с. 203). По его наблюдениям, научная работа в мире "едва ли заметно дрогнула от войны". Россия не была здесь исключением: "у нас научная работа идет прежним темпом, развиваясь и увеличиваясь сейчас, как развивалась раньше: мы знаем, что она не прерывалась и не уменьшалась и в годы других наших потрясений — ни в годы Японской войны, ни в годы революции" (там же).

Одна из важнейших причин сохранения темпов развития науки в обстановке военного времени скрывалась в том мощном импульсе, который естествознание получило на рубеже XIX и XX века. Этот период "в истории естествознания явился поразительной и небывалой эпохой катастрофического изменения, эпохой величайшей революции" (1, с. 200). Перелом затронул фундаментальные основы науки, стимулировав быстрое изменение воззрений "в самых, казалось, прочных и законченных областях мышления" (там же).

Памятуя о том, что XX век это век атома и электричества, Вернадский в 1915 г. высказал грозный прогноз. "...Мы находимся еще в самом начале достижимых научных приложений к военному искусству". Ученый был уверен, что "природные силы, каких сейчас уже касается научная мысль, завоевание которых нами начато и несомненно не остановится, а будет идти дальше до конца, едва начинают проявляться в этой войне и сулят в

будущем еще большие бедствия..." (1, с. 201). Это неизбежно произойдет, считал Вернадский, если общество не изменит свои приоритеты, а грозные природные силы "не будут ограничены силами человеческого духа и более совершенной общественной организацией" (там же). Можно сказать, что еще в 1915 г. ученый дал прогноз развития биосферы и ноосферы на весь XX век и новое тысячелетие.

Вернадский понимал, что первая мировая война не явится последней, что развитие науки "не остановит войны". Он предвидел, что "новая война встретится с такими орудиями и способами разрушения, которые оставят далеко за собою бедствия военной жизни 1914-1915 годов" (1, с. 201).

Развивая мысль о науке как мировой культурной силе, Вернадский в 1915 г. сознавал в этом контексте национальную задачу России и утверждал, что "рост научного знания, увеличение усилий на поддержание и расцвет научного творчества, увеличение для этого материальных средств является одной из важных задач, которая встанет после войны в русской жизни" (там же, с. 205). Ученый считал, что Россия должна освободиться от экономической зависимости от Германии, использовать свое достояние своими силами, произведя предварительно "учет производительных сил нашей страны", "найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов" (1, с. 206). Все это призвано дать "опору росту нашей творческой силы в области технического использования данного нам природой богатства" (там же). Ученый выступал за "быстрое и широкое введение в жизнь новых форм использования производительных сил — как естественных, так и духовных..." (1, с. 209).

В статьях, относящихся к 1904-1917 гг., Вернадский охватил анализом проблемы высшей школы, задачи академической жизни, революцию в естествознании, влияние войны на науку, формирование новой картины мира. Им руководило убеждение, что результаты проведенного им анализа важны для будущего России, что "для действия в эпохи кризисов нужны знания..." (2, с. 47-48). В переломные для России годы, мобилизуя свой опыт историка науки, общественного и государственного деятеля, естествоиспытателя, Вернадский осуществил синтез своих знаний о природе, обществе и истории науки. На этом пути он искал разрешения новых противоречий, которыми оказалось так богато начало XX века. Войны и революции, потрясавшие Россию и Европу, не помешали ему понять главное: на планете в борьбе и соревновании складывается единая цивилизация и науке суждено сыграть в этом историческом процессе важную роль. Ученый был уверен, что Россия располагает всем необходимым, чтобы занять в этом новом мире достойное великой страны положение.

ЗАДАЧА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — ОХРАНЕНИЕ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

На протяжении всего XIX в. МОИП, несмотря на рост численного своего состава, разнообразие представленных в обществе научных специальностей, стремилось сохранить такую важную отличительную черту своей деятельности, как универсальность. "Наличие в составе его членов лиц разных специальностей... нередко бывало очень полезным при обсуждении тех или иных научных проблем. Поэтому до недавнего времени, несмотря на разросшийся состав членов и современную специализацию наук, Общество испытателей природы не вводило у себя специализированных отделений или секций, твердо держась за общие собрания" (19, с. 354). Однако жизнь брала свое. Не теряя из вида общие вопросы естествознания, Общество столкнулось с необходимостью найти новую форму работы, чтобы дать возможность своим членам выступать со специальными сообщениями, интересующими более узкий круг ученых. При поддержке президента МОИП Н.А.Умова эта работа была перенесена на внеочередные заседания отраслевых комиссий —прообраза будущих секций Общества. Особенно активно работала минералогическая комиссия, возглавляемая В.И.Вернадским.

В 1913 г. существовали также комиссии по ботанике, зоологии и химии; работали они мало и текущая жизнь общества по-прежнему была сосредоточена на общих ежемесячных собраниях. "Только в 1934 г. сильно двинулась вперед организация секций". В 1940 г. работало девять секций, в том числе секция (комиссия) по истории естествознания. Работа секций сильно сблизила МОИП и МГУ. "Эти секционные заседания общества во многих случаях столь тесно связаны с соответственными кафедрами Московского университета, что нередко заменяют кафедральные коллоквиумы и усердно посещаются студентами-специалистами", — свидетельствуют Л.И.Курсанов и В.А.Дейнега (19, с, 361). К 1940 г. число общих и секционных заседаний Общества возросло с 8-9 до 60 в год, а число заслушиваемых сообщений с 15 до 125.

Наряду с работой секций в МОИП сохранялась практика учреждения временных комиссий. Так, работала Комиссия по прогнозу цветения Москва-реки после поднятия Икшинской плотины. Была опробована и такая форма работы как научная сессия, послужившая прообразом будущих совещаний и конференций, организуемых секциями Общества. Например, в конце 1930-х годов секция гидробиологии провела трех-дневную сессию по вопросам гидробиологии новых водохранилищ; результаты сессии нашли отражение в "Бюллетене МОИП".

Важным показателем деятельности Общества служит динамика роста численности членов МОИП. Согласно данным Л.И.Курсанова и В.А.Дейнеги, с 1805 по I890 годы членами МОИП состояло 1500 человек;

из них в 1890 г. членами Общества состояло около 300 ученых. В 1940 г. в МОИП состояло 630 членов. Если в конце XIX - начале XX века МОИП ежегодно пополнялся 20-25 членами, то ближе к 1940 г. в члены Общества ежегодно избиралось от 40 до 50 ученых (19, с. 335). В "Истории Москвы" приведены данные, что в 1907 г. МОИП включало 618 членов, из них 502 действительных и 73 — почетных, а также 43 члена-корреспондента. При этом подчеркивается: "Долгое время Общество было единственным местом в Москве, где ученые могли собираться для обмена мнениями и опытом своей работы" (46, с. 411). К началу 1987 г. Общество насчитывало 2765 членов (не считая отделений МОИП в других городах). Эта масса ученых распределялась по специальности по 28 секциям. В год бывало около 650 секционных заседаний и занятий кружков для школьников (22, с. 398).

В XX в. условия деятельности МОИП изменились, эти изменения были порождены новыми историческими обстоятельствами. В России ученые были призваны осознать, что положение науки в обществе изменилось, что отныне будущее имеют только те страны и народы, которые активно поддерживают и развивают научные исследования. Равнодушное отношение к судьбе науки, к образованию, в том числе высшему, к подготовке национальных кадров ученых расценивалось в отечественной печати начала века как забвение интересов России.

Русско-японская и особенно первая мировая война заставили осознать, что наука используется в военных целях. Больше того, революционные открытия в естествознании, прежде всего в физике и химии, позволяли предположить, что в будущих войнах участие науки будет только возрастать. Одним из первых в мире эти процессы критически проанализировал В.И.Вернадский. Отдавая себе отчет в происходящем, изменении статуса науки в обществе, во все большем подчинении науки интересам индустриализации и политики, ученые России продолжали сохранять приверженность к высшим ценностям научной деятельности: человечности, интернационализму, гармонизации отношений между человеком и природой, духовно-ценностной мотивации научной деятельности. В разгар Второй мировой войны из России раздался призыв к государственным деятелям руководствоваться не только политическими, экономическими и военными интересами, но принимать во внимание коренные, фундаментальные законы окружающего земного мира, биосферы, подлинного субстрата человеческой истории. Этот призыв исходил от В.И.Вернадского.

XX век принес России огромные потрясения, страна пережила русско-японскую войну, две мировые войны, несколько революций. Менялись государственные и экономические основы общества. Радикально изменялись политические и идеологические установки. Впервые наука была масштабно использована в военных целях. Общечеловеческие,

гуманистические ценности и принципы, на которые столетиями опиралось мировое научное сообщество, сильно поколебались. Шовинистические настроения сумели захватить часть научного сообщества мира. В этих непростых условиях МОИП в лице своих лидеров — президентов и вице-президентов — продолжало перед всем миром отстаивать принципы свободы научной мысли, демократии и гуманизма.

В 1897 г. математика Федора Алексеевича Слудского сменил на посту президента МОИП физик Николай Алексеевич Умов. Выпускник Московского университета, он в 1893 г. получил должность профессора в нем, а с 1896 г. возглавил кафедру физики. Умова называют "одним из отцов-основателей российской теоретической физики", его философско-этическую концепцию "натурального гуманизма" сближают с воззрениями русских космистов (70, с. 197). Будучи по специальности физиком, Умов создал, по словам Вернадского, "цельную оригинальную картину мироздания"; частью этой картины служат представления Умова о жизни. Умов живо интересовался проблемами теоретической биологии. Дружеские и творческие отношения связывали его с И.М. Сеченовым, И.И.Мечниковым, А.О.Ковалевским. Вступительные статьи и предисловия Умова предваряют такие известные публикации, как "Этюды о природе человека" Мечникова, "Автобиографические записки" Сеченова, сборник "Памяти Дарвина, "Эволюцию мира" Каруса Штерне. В свою картину мира Умов наряду с космогоническим аспектом, с достижениями новой физики — теорией Д.К.Максвелла, квантовой теорией и теорией относительности, включил и новейшие завоевания биологии. Стремясь соединить неорганический и органический мир, он построил оригинальную модель живой материи, использовав понятие "стройность", близкое "негэнтропии".

Умов видел, что человек вынужден создавать "среди старой природы новую, соответствующую его растущим потребностям" (71, с. 388). Он понимал, что на этом пути человечество подстерегают трудности и опасности и что преодолеть их оно сможет только с помощью естествознания. Его заботила судьба всего живого на Земле, он задавался вопросом: "Кто снимет с жизни облик преходящего момента в эволюции нашей планеты?" И нашел на него точный ответ: Человек вооруженный научным знанием. Для Умова смысл существования человека и человечества и смысл научного познания сливаются воедино. Чтобы защитить и сохранить себя в бесконечных просторах Вселенной, человечество "вооружалось", приобретая и накапливая знания о природе и ее законах. "Это - последняя ставка живого! Последняя ставка!" — с большой эмоциональной силой заключил Умов (там же). Умов призывал к максимальному использованию всех умственных и духовных сил человечества в интересах его выживания. Он считал, что человечество должно следовать вектору эволюции живой природы, выводящему человеческий ум за пределы планеты — в просторы

Вселенной. Отклонение от этого пути Умов расценивал как забвение интересов человечества. "В наше время настроение, соответствующее распространительному толкованию изречения "довлеет дневи злоба его", означает равнодушие к судьбам человечества" (71, с. 435).

Библейское изречение "Довольно для каждого дня своей заботы" (Матф., 6, 34) Умов привел не случайно. Он предвидел, что человечество подстерегает "голод железа, нефти, угля", рост народонаселения делает вероятным "голод хлеба", существует угроза похолодания, опасного для всего живого. Если люди, чтобы избежать грозящих опасностей, последуют призывам к упрощению жизни и к отказу от дальнейшего прогресса науки, то они вернутся "в состояние древнего человека..." (там же). Вернувшись через десять лет к своей модели живой материи и усиливая свой тезис о гуманистическом содержании научного знания, Умов пророчески писал: "И с несомненностью открывается смысл нашего существования,... величественная задача человеческого гения: охранение, утверждение жизни на земле" (71, с. 447).

Масштабом для оценки открытий в естествознании Умов избрал экономическую жизнь наций. На этом основании он предупреждая, что в международной жизни следует помнить, что "нельзя ограничиваться только подражанием, заимствованием или усвоением", когда речь идет о естествознании. "При быстром росте знания и его практических приложений, исход борьбы за первенство между нациями определяется уже отношением их творческих сил", — предупреждал Умов (72, с. 23). Заимствованием и подражанием нельзя обеспечить рост культуры нации. Культурное движение нации выражается подъемом знания, чувствований и поступков, оно должно быть осознано и поддержано. Это движение не может совершаться стихийно и обеспечиваться "одним пассивным подражанием". "Культивирование способности творчества и тесно связанных с нею личной энергии и инициативы, способностей, не приурочиваемых по произволу тем или другим проявлениям человеческой личности, являются главными моментами, определяющими политическое значение нации" (72, с. 23). Так в 1903 г. точно и ярко охарактеризовал Умов новую ситуацию, которую начал вносить в культуру и науку наступивший XX век.

Умов считал, что естествознание переживает эпоху, которая должна послужить "сближению задач об организованном и неорганизованном в природе" (84, с.1). Он видел, что в естествознании "факты накопляются быстрее, чем растут средства для их понимания", и заключил, опираясь на опыт истории науки, что в такие моменты "следует осмотреться, не существуют ли общие истины, которые могли бы установить рамки для теоретизирующей мысли "(там же).

Умов видел, что живая материя, подчиняясь известным законам физики, требует включения в теоретическое естествознание некоторых

дополнительных принципов. Так, он предложил к двум законам термодинамики свой третий закон термодинамики. Суть его он выразил так: "Существование в природе приспособлений отбора, восстанавливающих стройность и включающих в себе живое, должно, по-видимому, составить содержание этого третьего закона" (84, с. 12).

Руководствуясь своей картиной мира, Умов обращал внимание "на предрассудки, не замечаемые людьми и вытекающие из укореняющегося представления о неизменности природной обстановки в которой живет человечество" (71, с. 387-388). Как подчеркивал сам Умов, сущность его подхода состояла в применении эволюционного принципа как к явлениям природы, так и к истории общества. Принятый Умовым подход и построенная им естественно-историческая картина мира формировали новое мировоззрение.

Мир в картине Умова выглядел непривычно. Человек в ней оказался в бесконечной Вселенной, где материя занимала "ничтожную долю", где еще меньшее место приходилось на живую материю, где появление жизни расценивалось как событие, имеющее ничтожно малую вероятность. Умов обращал внимание на то, что "естественные предложения природы становятся все более и более недостаточными для жизни человечества", и оно вынуждено создавать среди старой природы новую, отвечающую его растущим потребностям. Одновременно, опираясь на термодинамику, он оценил роль живой природы, живой материи как силы, противостоящей энтропии. Он включил живую материю в картину механизмов Вселенной и закрепил этот шаг формулировкой третьего закона термодинамики, утверждающего, что естественный отбор, и следовательно, весь процесс эволюции, направлены на преодоление энтропии.

Умов увидел противоречие, которое будет нарастать на протяжении всего XX в.: живая природа подчиняется действию строгих естественных законов, которые остаются неизменными, человек строит свой мир среди этой природы, мир, который подчиняется своим законам. Как должно разрешиться столкновение двух миров: живого, природного и человеческого? Умов ответил на этот жгучий для нас и сегодня вопрос со всей определенностью: "Законы природы остаются неизменными, но наука дает человеку власть изменять естественное течение явлений, т.е. законы процессов, текущих в природе" (71. с. 388). Однако меняя течение процессов в окружающей его природной среде, человек не должен забывать роль живой материи во Вселенной. Первейшей задачей человечества остается охранение жизни. Не случайно свою автобиографию Умов заключил словами: принимая все это во внимание он "призывает людей к охране жизни". Включая призыв к человечеству в контекст своей автобиографии, Умов дал понять, что для него его научная и общественная деятельность это не случайный сюжет, но закономерный итог изучения хода развития научного познания за несколько столетий, обобщение опыта

коренных преобразований, претерпеваемых естествознанием на глазах его поколения — выдающихся открытий в биологии, химии и физике, и соотнесения закономерностей развития научного познания и техники, с одной стороны, и общества, с другой.

Располагает ли человечество средствами для разрешения грандиозной задачи охранения жизни на маленькой планете, затерянной в безграничных просторах Вселенной? Умов не колеблясь отвечал: Да, в руках людей такое средство уже существует. В 1912 г. в статье "Роль человека в познаваемом им мире" он подчеркивал "превосходство силы научного знания в служении нуждам человечества над другими силами и невозможность вне науки найти силу, которая соединяла бы атрибуты могущества и возможности общения с человеком" (71, с. 388). По убеждению Умова, естествознание выполняет благотворную социальную роль, сближая народы и государства, цементируя разделяемое противоречиями человечество. В 1913 г. в работе "Эволюция физических наук и ее идейное значение" он писал: "Естественное назначение духовной работы — служить цементом, связующим человечество, нигде не осуществляется с такой полнотой, как в естествознании. В дипломатии, политике, юриспруденции, философии, религии мы не найдем единения и универсальной приемлемости устанавливаемых учений. Мы не найдем и объективной этики. Естествоиспытатель стоит перед лицом строго и беспристрастного судьи — природы. В своих экспериментах и измерениях среди обильного круга явлений он проходит великую школу правды в суждении и действии" (73, с. 5).

Соединив в своей картине мира живую природу и человечество, создающее вторую природу, рассматривая и ту и другую в развитии, Умов подметил назревающее противоречие планетного масштаба. Живая материя "автоматически" эволюционирует к человеку, встречая на этом пути все больше препятствий и недочетов. Эти недочеты упраздняются, как считал Умов, творческими актами, совершаемыми бессознательно или сознательно человеком. "Жизнь современного культурного человечества протекает в своем существеннейшем содержании не в естественной, а в искусственной, второй природе". Как должны соотносится первая и вторая природа? В 1906 г. в труде "Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли" Умов (74) утверждал: общая тенденция эволюции второй природы направлена к установлению гармонии между людьми, между человеком и Землей, космосом, к достижению царства творчества и нравственного разума. "Скрытая причина освободительных движений, маскирующаяся частью экономическими формами и покровом, есть непрерывное направление человечества в царство мысли и воли, научного знания и высшего понимания красоты — в царство творчества" (74, с. 35). Идеальное социальное устройство должно быть ориентировано на людей, стремящихся к этому царству.

В этой тенденции эволюции второй природы и создающего ее человека Умов усматривал залог гармонизации отношений между обществом и природой. Умов вводит в эволюционное естествознание постулат, смысл которого в полной мере начал раскрываться во второй половине XX в. "Живое, как все процессы природы, развивается в сторону наиболее вероятных форм, наиболее способных к борьбе за жизнь. И в этом направлении появился на Земле разум во всеоружии научного знания. Это — последняя ставка живого! Последняя ставка!" (132, с.447). Итак, смысл эволюции живой материи в достижении уровня, когда на сцену выходит Разум. Назначение этого Разума — охранение жизни. И это полностью укладывается в логику умовской картины мира: ведь живое — это механизм Вселенной, противостоящий смерти. Жизнь на Земле неоднократно проходила через опасные для нее периоды. Доантропогенная биосфера была не в состоянии рационально осмыслить масштабы грозящих катастроф и найти пути выхода из кризисов. Кризисы разрешались стихийно, однако общая тенденция, открыто воплотившаяся в цефализации, настойчиво, неуклонно вела к появлению мыслящего существа. Именно на него эволюция возлагала миссию космического масштаба. И на вопрос: "Кто снимет с жизни облик преходящего момента в эволюции нашей планеты?". Умов дал ясный ответ, отвечающей всей логике его картины мира: "Из протекших переживаний мысли с несомненностью открывается смысл нашего существования, величественная задача гения человечества — охранение, утверждение жизни на Земле!" (Там же). Высоко оценивая роль науки в созидании второй природы и гармонизации отношений природы и общества. Умов высшим назначением научной мысли считал предвидение, "предсказание". Наука способна раскрыть "даль грядущих явлений", "исторических событий", научная мысль "подчиняет задачам человечества" силы природы и силы, определяющие жизнь общества. Яркие и глубокие речи и труды Н.А.Умова утверждали в общественном сознании мысль о том, что будущее человечества и судьба всего живого на Земле становится в XX в. важнейшей проблемой теоретического естествознания. И если цивилизация хочет избежать опасности, на которую указывает естествознание, то она должна принимать во внимание и в расчет ее рекомендации. Создаваемая наукой картина мира не может оставаться достоянием одних ученых, она должна войти в общественное сознание. "Остается пожелать, — писал Умов в 1910 г., — чтобы наступили дни, когда истины науки будут беспрепятственно передаваться сознанию людей. Только в научной истине и ее свободном обсуждении лежит человеческое благо. С каждым годом, скажу более — с каждым ударом маятника знание истины становится насущнее, связи ее с жизнью, как бы не казалась она отвлеченной, становятся настоятельнее" (76, с. 370).

А.И.Бачинский в очерке, посвященном характеристике Н.А.Умова как ученого, как мыслителя и как человека, указал на синтетический характер мировоззрения Умова. Опираясь на опубликованные статьи и речи Умова и его рукописные заметки, он писал: "Оно выработалось под влиянием с одной стороны, биологических учений: надо не забыть, что большинство ближайших друзей Н.А.Умова были выдающиеся биологи (Сеченов, А.Ковалевский, Мечников), и что он на своем веку внимательно прослушал многое множество биологических докладов в качестве вице-президента новороссийского общества естествоиспытателей и президента Императорского московского общества испытателей природы" (78, с. 70). По словам Бачинского, теория эволюции Ч.Дарвина составляла "один из краеугольных камней мировоззрения Н.А. и во всех областях космоса он чутко воспринимал пульсацию эволюционного процесса" (78, с. 72). В этом проявлялась глубина и мощь его ума, "ибо для проникновения в эволюционную стихию надо не только ясно видеть настоящее в его целом, но также постигать прошлое и пророческим взором созерцать будущее" (там же). Умов широко применял эволюционный принцип, описывая "то эволюцию атома, то эволюцию живого, то эволюцию мировоззрений, то в частности эволюцию физических наук" (там же). Соединяя естествознание с гуманитарными науками, Умов выводит из принципа эволюции ряд правил человеческого поведения. Он ведет "борьбу с предрассудками, в основе которых лежит представление с неизменности природной обстановки, в которой протекает жизнь человечества" (там же). На основе эволюционного принципа Умов прогнозирует развитие событий в контексте проблемы "природа и общество". Как подчеркивал Бачинский, Умов "развивает мысль, что естественные предложения природы становятся все более и более недостаточными для жизни человечества, которое должно создавать среди старой природы новую природу, соответствующую его изменяющимся потребностям" (там же). Умов размышлял над вопросом о месте человека и человечества в эволюции Вселенной. Передавая взгляды Умова, Бачинский писал: "Признавая во всех явлениях жизни только действие естественных законов и указывая на ничтожную долю, занимаемую во вселенной материей, а тем более живой материей, Н.А. причисляет появление этой последней к событиям, имеющим ничтожно -малую вероятность, почему и призывает людей к охране жизни на земле" (там же). Таким образом, современники понимали основания тревоги Н.А. за будущее человечества и с пониманием отнеслись к его научно обоснованному призыву, обращенному к человечеству в разгар мировой войны: беречь и охранять жизнь на планете!

Охрану жизни на земле Умов в решающей мере связывал с естествознанием, с могуществом науки, способной удовлетворять нужды человечества. А эта позиция привела его, по свидетельству Бачинского, "к

мысли об особых обрядах, которыми на почве почтения к науке осуществлялось бы общение людей в целях сознательного служения идеалам человечества" (там же).

С.А.Федоров — председатель Общества им. Х.С.Леденцова — именно с именем Умова связал "самое возникновение идеи Общества". Умов был "тем самым добрым гением, который несомненно поддерживал инициатора Общества в его намерении создать задуманное Общество с такими широким научными и общественными задачами и с такою благою высококультурною целью" (81, с. 24). Федоров упомянул о черновике проекта Устава Общества составленного Х.С.Леденцовым, "с пометками, дополнениями и изменениями, сделанными рукой Николая Алексеевича" (найденном в посмертных бумагах Леденцова) (там же). По свидетельству Федорова, Леденцов не только предоставил Умову проект для просмотра и редакции, но "и самый черновик написан им под влиянием Николая Алексеевича, после всестороннего обсуждения основной идеи задуманного учреждения" (81, с. 24). Умов нравственно поддержал Христофора Семеновича и осветил всю плодотворность идеи Общества и широкие перспективы, которые перед ним открывались. Решив оставить все свое крупное состояние "на благо большинства населения", Леденцов исходил из того, что "в настоящее время наиболее разумное употребление капитала могло бы быть лишь в назначении его служить приобретению научных и технических знаний и их распространению на благо человечества" (81, с. 25). Известно, что Леденцов обращался за советом, в какой форме лучше всего воплотить свое начинание — в форме ли Института, Общества или какого-то другого учреждения, к Н.В.Бугаеву, М.М.Ковалевскому, К.А.Тимирязеву, Л.Н.Толстому, И.И.Мечникову, но в конце концов последовал советам и указаниям Н.А.Умова, возглавлявшего старейшее научное общество России, только что отметившее свой 100-летний юбилей (Общество имени Х.С.Леденцова было создано в 1909 г.). По словам Федорова, Умов разделял девиз Леденцова: "наука, труд, любовь, довольство" — и поддерживал его воплощение в традицию Общества.

Н.А.Умов принимал деятельное участие во всех обсуждениях поданных в Совет Леденцовского общества заявлений о субсидиях; по свидетельству Федорова, "Н.А. содействовал между прочим благоприятному разрешению вопроса о субсидии на лабораторию академика Павлова" (81, с. 28). Участие в этом Умова, бывшего в это время президентом МОИП послужило, по-видимому, причиной того, что факт открытия лаборатории И.П.Павлова (по изучению условных рефлексов) отнесен в некоторых работах по истории МОИП к заслугам именно этого Общества. Справедливости ради нужно напомнить, что выступая в 1910 г. на заседании Общества содействия успехам опытных наук Павлов сказал: "мне верится, что Москва не менее чем другими историческими заслугами и деятелями будет гордиться впоследствии своим Обществом для

содействия успехам опытных наук и их практических применений и его основателем Христофором Семеновичем Леденцовым" (82, с. 146).

Председатель Ученого совета Московского научного института А.А.Мануилов в речи "Н.А.Умов как общественный деятель" отметил, что как ученый Н.А. "был не только выразителем научной истины, но и выразителем определенных общественных стремлений и идеалов" (83, с. 45). Мануилов напомнил, что Умов работал над проектом создания "Вольной академии", идея которой была впервые выдвинута в печати М.А.Мензбиром. Эта идея начала осуществляться в форме Московского научного института.

По словам А.Левина (США), Общество Московского научного института было вызвано к жизни "интенсивнейшей агитацией московской научной элиты и планировалось как российский аналог германского Общества кайзера Вильгельма" (133, с. 453). Мануилов указал на важный дополнительный стимул деятельности Умова: "Он мечтал о "поднятии интенсивности научной работы в России" для того, чтобы покрыть, как он писал, "дефицит в международном обмене духовными ценностями, падающий на Россию и являющийся той пропастью, которая неумолимо поглощает все попытки к поднятии русской культуры"" (83, с.47).

Будучи президентом МОИП, Умов в 1913 г. был избран председателем Первого Всероссийского съезда преподавателей физики, химии и космографии, проходившего в Петербурге. На одном из общих собраний съезда он произнес "блиставшую ясностью и остротою мысли" речь "Эволюция физических наук и их идейное значение", которую А.В.Цингер назвал "лебединой песнью" ученого (85, с. 56).

Завершая свой очерк о Умове, Бачинский имел все основания сказать: "Пусть же имя Николая Алексеевича Умова... служит нам также символом нашего национального достоинства!" (78, с. 76).

Человек широкого научного и общественного кругозора, Умов отдавал силы служению нескольким научным обществам. Указав на это, М.А.Мензбир прибавил: "Однако одному обществу Николай Алексеевич служил неизменно с одной и той же энергией в продолжении 17 лет и это было Общество Испытателей Природы" (77, с. 9).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ

18 апреля 1915 г. состоялось чрезвычайное объединенное заседание ученых обществ и учреждений Москвы, посвященное памяти Н.А.Умова. На нем присутствовали: С.А.Федоров — председатель Общества содействия успехам опытных наук им. Х.С.Леденцова, Н.Е.Жуковский — председатель Московского математического общества, Н.Е.Егоров — управляющий палатою мер и весов, В.И.Вернадский, кн. В.М.Голицын,

В.В.Скобельцын, А.А.Мануилов, А.В.Цингер, А.А.Эйхенвальд. Закрывая заседание, председательствующий вице-президент МОИП М.А.Мензбир сказал: "...Понятно и то, почему его (т.е. Н.А.Умова. — Э.М.) утрату мы считаем незаменимой потерей. Когда наше настоящее заседание было организовано, я с разных сторон слышал такое замечание: как это странно. Когда Умов был жив, о нем говорили так мало, а теперь, после его смерти все ученые общества Москвы оплакивают его потерю" (77, с. 3). Основанием для избрания Н.А.Умова президентом МОИП послужили "его крупное научное имя и его высокие личные качества". По словам Мензбира, "для Николая Алексеевича сущность его духовной натуры составляло искание научных истин и передача знаний возможно широкому кругу" (77, с. 5). Умов верил, что "где служение науке, там и справедливость" (там же).

По свидетельству Мензбира, Умов принял на себя руководство Обществом, "когда деятельность последнего должна была в силу чисто внешних условий измениться". До конца XIX в. Общество "сохраняло свой замкнутый... слишком академический характер"; количество его членов — специалистов в разных областях естествознания — было сначала невелико, поскольку "вообще натуралистов в России в то время было немного", лишь с конца 80-х годов XIX в. число естественников стало увеличиваться. Состав МОИП стал пополняться новыми членами. Общество "учло создавшиеся новые условия и охотно пошло навстречу начинающим ученым, в нем искавшим себе поддержки и сочувствия". Запросы к деятельности общества возросли в сторону более энергичного обмена мнениями, расширения издательской деятельности и т.д. Все это потребовало "более усиленной деятельности со стороны совета", "больших средств" и, "главное, неослабного внимания и большого личного участия со стороны руководителя Общества" (77, с.6-7)

МОИП восприняло тенденцию к демократизации науки. Оно расширило рамки своей деятельности и при этом сумело избежать опасности превратиться из общества "академического характера" в популярное. "И вот... мы... можем сказать, что несмотря на ее (т.е. деятельности — Э.М.) чрезвычайное расширение, Общество не изменило своего строго научного характера", — резюмировал Мензбир (77, с. 7). Хотя обычным явлением стали "исключительно многолюдные собрания" Общества, причиной служила не общедоступность выносимых на обсуждение докладов. Напротив, по словам Мензбира, многолюдная аудитория создавалась "высоким научным значением сообщений, возбуждающим к себе и соответственно большой интерес, и умелым руководством председателя собраний" (там же). По заслушанным сообщениям часто возникали "обширные дебаты, в которых принимали участие специалисты по разным отраслям знания", при этом "нередко затрагивались научные вопросы первостепенной важности" (там же).

Н.А.Умов часто и сам участвовал в таких дебатах. Его собственные доклады "всегда были облечены в красивую внешнюю форму", в особенности это "изящество изложения" чувствовалось в речах, посвященных широким вопросам. В этой связи Мензбир в первую очередь выделил речь Умова "Физико-механическая модель живой материи" на XI съезде русских естествоиспытателей и врачей и доклад "Эволюция мировоззрений в связи с учением Дарвина" на годичном заседании МОИП в 1908 г.

Мензбир отметил большой интерес Умова как к учению Дарвина, так и к эволюционному учению вообще, а также ту особенность его подхода, что "обсуждая эволюцию с точки зрения процесса, разлитого во всей природе, Николай Алексеевич всегда стремился показать, что между эволюцией неорганической и органической природы не может быть ни перерыва, ни тем более противоречия" (77, с. 7-8).

Подчеркивая роль Умова в сохранении традиций МОИП, Мензбир сказал: "Общество испытателей природы является одним из тех русских естественно-исторических обществ, которые цельны по существу: оно не дробится на отделения и, развивая чрезвычайно широкую деятельность, продолжает объединять натуралистов разных специальностей во имя того положения, что наука сильна не своими отдельными дисциплинами, а лишь взятая во всем объеме" (77, с.8).

МОИП кроме разработки научных вопросов общего значения решало и более частную задачу: "всестороннее по возможности изучение природы нашего обширного отечества и его естественных произведений" (там же).

Наконец, Умов поддерживал историческую преемственность организации Общества. "Идея цельности Общества традиционно сохранялась на протяжении 110 лет его существования и эта идея дорога была Николаю Алексеевичу" (там же).

По свидетельству Мензбира, Умов дал возможность специалистам по разным отраслям естествознания собираться на внеочередные заседания для обмена мнениями по более частным вопросам, не опасаясь, что такие заседания "могут иметь какое-либо вредное значение для общего направления деятельности Общества..." (там же). Сегодня мы можем сказать, что именно Умов ввел в деятельность МОИП практику региональных совещаний и конференций по специальным проблемам биологии, геологии и палеонтологии, получившую широкое распространение в работе МОИП в XX в. Уже будучи больным Н.А.Умов "всею душою заботился о составлении истории Общества, чтобы, как он говорил, этим установить более тесную связь между прошедшими и современными членами Общества, приблизить последних к традициям Общества и, наконец, выяснить широким кругам ту огромную роль, которую Общество испытателей природы сыграло в научном и культурном развитии России"

(77, с. 8). "Мы знаем, что, повинуясь непреложному закону, он ушел из этой жизни, пройдя тяжелый путь труда, многих обманутых надежд и разочарований, — сказал Мензбир. Но мы говорим себе, что на этом пути он не склонил своей головы и прошел его от начала до конца с верой в лучшее будущее человечества и человека, с достоинством свершив в процессе великой мировой эволюции то, что ему было положено (77, с. 10).

Уже Н.А.Умов в начале XX в. широко поставил вопрос о взаимодействии природы, человека и создаваемой им техники. Его волновало, как будет человечество, которому, по его словам, становится все теснее жить на планете, обеспечено в будущем воздухом, водой, светом, пищей. Он с тревогой отмечал, что техника в руках человека противостоит природе. Спустя 20 лет после появления его труда "Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли" (1906), тему будущего Человека как биологического вида и окружающей его живой природы обсудил М.А.Мензбир. В очерке "Эволюционное развитие человека" (1927) он писал: "...мы должны признать, что эволюционная история человека, как бы продолжительна и сложна ни была в наших глазах, на самом деле лишь история тоненькой веточки в развитии колоссального генеалогического древа животного царства" (79, с. 313).

Какова перспектива дальнейшей эволюционной специализации человека? Мензбир поднял этот вопрос и, считая, что он остается открытым, отметил, что дело "осложняется тем, что в руках человека находятся почти неограниченные возможности улучшить свои средства в борьбе за существование техническими способами" (там же). Человек не вправе рассматривать себя "ни последним по времени, ни самым совершенным из живых существ" (там же). Однако нельзя не видеть, что человек превращается в угрозу для эволюции органического мира на Земле. "Мы можем утверждать, писал Мензбир, — что эволюция органического мира шла, идет и будет идти, пока человек своей техникой не уничтожит естественных произведений природы и естественных условий их существования" (там же).

Мензбир предупреждал, что человек способен до основания разрушить породившую его живую природу. И он видел, что темпы такого разрушения достигли опасной черты. "Недалеко то время, когда вместе с вымиранием и истреблением окружающего нас мира животных и растений о нем сохранятся лишь жалкие воспоминания, которые некоторое время будут считаться чем-то вроде детских сказок, а потом совершенно изгладятся из памяти и представления будущих обитателей земли" (79, с. 313). Мензбир прямо сказал, что далек от того, чтобы воспевать роль человека в природе, "как бы ни подкупали нас в его пользу отдельные проявления его деятельности" (там же).

В годы первой мировой войны и гражданской войны в России М.А.Мензбир избранный в 1915 г. президентом МОИП, "стремился поддержать нормальные условия жизни общества, вел большую работу по изданию Бюллетеня, организовывал научные заседания" (12, с. 72). В первые годы после революции 1917 г. члены общества собирались по традиционным четвергам на заседания. С рядом интересных докладов выступал Н.Д.Зелинский, расказывавший о получении нефти из балхашского сапропелита, о разложении углеводородов с помощью энергия радия, о химическом составе организмов. С сообщением о химических злементах и механизме земной коры выступил В.И.Вернадский. А.Е.Ферсман рассмотрел в докладе законы распределения химических элементов в природе в связи с новыми представлениями о природе материи. Проблема красных звезд в контексте звездной эволюции стала предметом сообщения А.А.Михайлова. О продолжительности исторических, доисторических и геологических времен с обширным докладом выступил А.П.Павлов. В обществе прозвучали сообщения палеонтологов М.В.Павловой и А.А.Чернова, лидера эволюционной морфологии А.Н.Северцова, географов А.А.Баркова и С.Г.Григорьева, физиков П.П.Лазарева и В.К.Аркадьева, кристаллографа Ю.В.Вульфа. И сам Мензбир прочел доклады о перелетах птиц и фауне ледникового периода. В феврале 1922 г. Общества отметило 75-летие А.П.Карпинского. На этом заседании с докладами выступили Д.Н.Анучин, А.Д.Архангельский, А.П.Павлов, В.А.Обручев, А.А.Чернов. Таким образом, традиция МОИП была сохранена. В новых условиях М.А.Мензбир "продолжал считать, что одна из основных задач Общества — объединение представителей различных специальностей для совместного обсуждения актуальных проблем и текущей работы в области естественных наук" (12, с. 72-73).

Вместе с тем, уже в 1920-е годы работа МОИП начинает перестраиваться. Еще сохранявшаяся в Обществе некоторая академическая замкнутость ликвидируется. Значительно усиливается приток молодых научных работников, их роль в организационной и научной деятельности Общества заметно возрастает. В 1922 г. Бюллетень МОИП был разделен на два самостоятельных отдела: биологический и геологический. С 1922 г. Бюллетень и другие издания МОИП начинают выходить только на русском языке (с приложением иностранного резюме).

Основатель знаменитого Дарвиновского музея в Москве А.Ф.Котс в очерке "Памяти учителя" (1937) дал следующую выразительную характеристику Михаила Александровича: "Четыре свойства Мензбира определяли, прежде всего, весь его духовный склад, его духовно-нравственную личность: строгое, вдумчивое отношение к жизни, цельность, верность самому себе и самобытность... Внешние антинаучные соображения также бессильны были повлиять на Мензбира-ученого, как

внешние блага — на Мензбира-человека в отношениях к себе и к людям" (124, с. 41).

Эти свойства предопределяли жизненный путь Мензбира как ученого и общественного деятеля, в полной мере они проявились и в годы его деятельности в МОИП. Еще студентом Московского университета Мензбир познакомился с работой Общества, посещал его заседания; по окончании университета он в 1880 г. был принят действительным членом МОИП и начал активно работать в обществе. Насколько его деятельность оказалась успешной можно судить по тому, что уже в 1888 г. он "был избран редактором изданий Общества" и отныне Memoires и Bulletins выходили при его непосредственном участии. Мензбир является одним из инициаторов издания серии МОИП "Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи" (отделы геологический, ботанический и зоологический). В "Бюллетень" Мензбир старался помещать статьи из разных областей естествознания, это делало журнал интересным "для научных обществ как биологического, так и физико-математического направления". В результате "это издание быстро стало распространяться, и, — как отмечал в 1937 г. В.А.Дейнега, — в настоящее время Общество не в состоянии удовлетворить огромного спроса на него, особенно на зоологический его отдел..." (125, с. 33).

Как считал Мензбир, в первые десятилетия своего существования МОИП носило "слишком академический характер". С годами Общество меняло свой характер и включило в сферу своих интересов более общие проблемы. Констатируя это, Дейнега вместе с тем подчеркивал, что эти изменения не затронули базовых целей и задач общества. "Одной из основных черт деятельности Московского общества испытателей природы была его высокая научность; эта черта вошла в традиции Общества и Михаил Александрович всемерно поддерживал это направление" (там же). Он охотно откликался на просьбы членов общества, помогая добывать для них средства на организацию научных экспедиций. Так, он принимал самое близкое участие в устройстве экспедиций Н.И.Зарудного, П.П.Сушкина, Ф.К.Лоренца, Г.И.Полякова, а также экспедиции Ю.А.Белоголового и В.Н.Никитина в Африку, и ряд других. Научную репутацию Общества Мензбир поддерживал "и другим путем — научными докладами, которые он делал на общих собраниях Общества"; им было прочитано 30 научных докладов (там же).

После революции 1917 г. Мензбир сумел сохранить высокую научность Московского общества испытателей природы. Он подбирал для заседаний Общества "докладчиков со строго научными докладами", хотя на общих собраниях ставились доклады и общедоступного характера. МОИП влилось в работу по изучению Кузбасса, охотно шло навстречу запросам народного хозяйства, "стало выносить свои знания в широкие массы и с этой целью организовывало публичные лекции по геологии и по

биологии" (в Доме крестьянина в Москве) (125, с. 35). МОИП приняло в свое ведение биостанцию на Карадаге в Крыму, организовало новую станцию в Курской губернии. На этих биостанциях научная работа сочеталась со студенческой производственной практикой, читались лекции по вопросам естествознания. "Вся эта реорганизация Общества могла пройти безболезненно исключительно благодаря умелому, опытному и деятельному участию его президента" (там же). Дейнега отметил также, что Мензбир "всячески старался ознакомить ученых с работой и деятельностью Общества", охотно содействовал "устройству объединенных заседаний с бывавшими в Москве съездами, научно-исследовательскими институтами и другими научными учреждениями" (там же). В загранпоездках в Германию и Францию Мензбир старался расширить обмен изданиями с МОИП. Забота эта не была случайной и не носила эпизодический характер; Мензбир, по свидетельству Дейнеги, "тесно вошел в работу Библиотеки и все время тщательно следил за ее пополнением" (там же, с. 36). Мензбир сроднился с МОИП. По словам Г.П.Дементьева (1937), "Михаилу Александровичу Общество обязано тем, что оно сумело собрать в своем составе все лучшие силы наших естествоиспытателей" (126, с. 14). В 20-30-е годы XX в. обстановка, в которой протекала деятельность МОИП, кардинально изменилась. Общество и его президент не могли с этим не считаться. Мензбир делал все от него зависящее, чтобы обеспечить Обществу достойное место в новой системе общественных отношений. Это стоило ему немалых сил. В.А.Дейнега свидетельствовал: "...мы видели, что Михаил Александрович сроднился с Обществом, зачастую он в ущерб своему здоровью жертвовал собой для блага Общества" (125, с. 37).

Известно, что на Совете МОИП "поднимался вопрос о разделении Общества на секции", вероятно, он обострился после слияния МОИП и ОЛЕАЭ. Мензбир, как и его предшественники на посту президента МОИП Ф.А.Слудский и Н.А.Умов, считал, что "Общество должно быть единое целое". По свидетельству Дейнеги, Мензбир "всегда был врагом разделения Общества на отделы, секции" и "всегда решительным образом протестовал против этого" (125, с. 36).

Между тем, естествознание стремительно меняло облик. Дифференциация наук и специализация знаний наложили глубокий отпечаток на организацию науки. Эти процесс не могли не отразиться на Московском университете и Московском обществе испытателей природы. В МОИП широко разворачивается секционная работа. В 1940 г. в очерке, посвященном истории МОИП, Л.И.Курсанов и В.А.Дейнега писали: "Собственно говоря секции в обществе были и раньше. Еще в 1913 г. существовали секции (они назывались комиссиями) по ботанике, биологии (точнее, зоологии) и химии. Однако они работали мало и текущая жизнь общества сосредотачивалась на общих ежемесячных собраниях. Только в

1934 г. сильно двинулась вперед организация секций" (19, с. 361). В 1940 г. в МОИП работали секции ботаники, зоологии, геологии, географии, гидробиологии, биофизики, палеонтологии, гистологии, истории естествознания. На ежемесячных собраниях секций ставились специальные доклады, их обсуждение проходило "более подробно в узком кругу специалистов". С докладами на секциях выступали и начинающие работники науки. "Эти секционные заседания общества во многих случаях столь тесно связаны с соответственными кафедрами Московского университета, что нередко заменяют кафедральные коллоквиумы и усердно посещаются студентами-специалистами" (там же). На общих же собраниях общества ставились широкие доклады проблемного или обзорного характера, представляющие интерес для специалистов разных областей знания.

На годы президентства М.А.Мензбира пришлось заметное событие в истории естественнонаучных обществ России. В 1931 г. под нажимом власти произошло объединение двух московских научных обществ: Московского общества испытателей природы и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Несмотря на относительную молодость — ОЛЕАЭ возникла при Московском университете на 58 лет позже МОИП — Общество любителей естествознания завоевало мировую известность и имело неоспоримые заслуги перед Московским университетом и отечественной наукой. Оно, как и МОИП, объединяло многих выдающихся ученых России. Процедура слияния двух авторитетных объединений ученых не могла проходить безболезненно. Нужны были мудрость и большой административный опыт М.А.Мензбира, чтобы избежать крупных издержек. Отмечая 200-летие МОИП было бы исторически некорректно обойти молчанием историю ОЛЕАЭ и характер отношений двух обществ на разных этапах их деятельности.

МОИП И ОЛЕАЭ

В 1931 г. произошло событие, неоднократно привлекавшее к себе внимание ученых, интересующихся историей Московского общества испытателей природы (13, 89, 113). По решению власти МОИП было объединено с Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Это Общество было создано при Московском университете в 1863 г. по инициативе группы профессоров университета и их учеников. Душою всего предприятия был профессор Анатолий Петрович Богданов. Учитывая интерес демократических кругов русской интеллигенции и учащейся молодежи к мировоззренческим вопросам естествознания, резко возросший после выхода книги Ч.Дарвина "Происхождение видов" и появления ее русского перевода, а также то немаловажное обстоятельство, что Российская Академия наук и МОИП печатали в те годы свои труды на

иностранных языках, инициаторы решили создать Общество, которое "было бы доступно широким массам русской общественности, печатало бы свои труды исключительно на русском языке, устраивало бы общедоступные публичные заседания для всех желающих" (89, с. 383).

Общество любителей естествознания возникло спустя почти шесть десятилетий спустя после МОИП в условиях пореформенной России. За эти десятилетия обстановка сильно изменилась: расширилась сфера образования, появилась прослойка образованных людей, сложилось "ученое сословие", способное не только учить, но и самостоятельно творить, сложилась система популяризации знаний среди широких слоев населения. По словам И.А.Каблукова, ОЛЕАЭ "возникло в эпоху великих реформ и, несомненно, оно было вызвано тем духом обновления, которым было охвачено все образованное общество в начале 60-х годов" (111, с. 24). Тем не менее замысел А.П.Богданова, 29-летнего профессора Московского университета, основать новое Общество встретило сопротивление в ближайшем окружении. Однако А.П.Богданов и его единомышленники нашли поддержку у проф. Г.Е.Щуровского и декана Физико-математического факультета А.Ю.Давидова. Вот как обрисовал ситуацию президент МОИП Н.А.Умов: "Пятьдесят лет протекло с тех пор, как рядом с полувековым, в то время, ветераном естествознания в России, Императорским Московским Обществом Испытателей Природы, зарождалось новое, с сомнением и вопросом: "чувствуется ли потребность в новом Обществе, имеет ли оно отдельную самостоятельную цель, не будет ли новое Общество только более или менее удачным двойником старинного, и не вызовет ли в таком случае разделение немногочисленных деятелей между двумя Обществами скорее во вред, чем пользу?"" (111, с. 52). Через 50 лет МОИП посчитало "своею обязанностью дать ответ своему соратнику на возникшие в нем колебания" (там же). От имени МОИП Умов отметил: на долю ОЛЕАЭ выпало редкое счастье — "оправдать своею жизнью свои лучшие чаяния"; МОИП и ОЛЕАЭ "идут рука об руку в своем служении естествознанию и естественно-историческому изучению нашего обширного отечества"; число естествоиспытателей возросло — "и мы не делим между собою и не отвлекаем друг от друга научных сил"; более того, "содружество наше только удваивает энергию наших общих сотрудников" (там же, с. 52-53).

Умов признал, что объединение в ОЛЕАЭ специалистов и любителей естествознания открыло возможность широко развернуть деятельность по изучению России в естественно-историческом, антропологическом и этнографическом отношении и одновременно заняться распространением знаний "в массе народной". Называя рост деятельности ОЛЕАЭ необычайным и блестящим, он указал на "громадную пользу", принесенную ОЛЕАЭ населению Москвы и провинции, на "жизненные импульсы" и "духовные интересы", инициированные выставками, съездами, собранием богатых

коллекций, учреждением Политехнического музея и организацией в его стенах "бесед по вопросам знания и техники" (там же, с. 53). Рядом с просветительной работой ОЛЕАЭ протекала, подчеркивал Умов, "и специальная научная", нашедшая отражение "в многочисленных изданиях трудов" Общества и снискавшая ему "почет и уважение представителей науки в нашем отечестве и на западе" (там же). От имени МОИП он выразил уверенность, что перед ОЛЕАЭ открываются еще более широкие горизонты "в просторе беспримерного роста естествознания, завоевывающего все более и более первостепенное место в жизни человечества" (там же).

Соображения о целесообразности создания нового общества естествоиспытателей изложил Президент ОЛЕАЭ Г.Е.Щуровский на первом заседании общества 14 мая 1864 г. Он спрашивал, "чувствуется ли потребность в новом Обществе, имеет ли оно отдельную самостоятельную цель, не будет ли новое общество только более или менее удачным двойником старинного (т.е. Общества испытателей природы) и не вызовет ли в таком случае разделение немногочисленных деятелей между двумя Обществами скорее вред, чем пользу"? Обозрев опыт деятельности естественно-исторических обществ вообще, Щуровский отметил, что она "может выражаться в двух различных направлениях; можно или заботиться о развитии и обогащении науки о природе вообще, специальными исследованиями и разработкою новых вопросов; или же стараться преимущественно о распространении науки в массе публики, о подготовке новых деятелей для нея, об облегчении средств к серьезному изучению естествоведения, т.е. иметь в виду преимущественное развитие, распространение и укоренение науки в данной местности" (111, с. 6-7). Не сомневаясь в том, что естественно-исторические общества в России "создали много капитального в науке", он высказал убеждение, что главный недостаток у нас "чувствуется в людях, которые могли бы пользоваться этим материалом и которые могли бы далее вести его". Щуровский обращал внимание на то, что существующие научные общества издают свои исследования на иностранных языках, в то время как в странах, "где наука уже пустила глубокие корни, там такое явление было бы немыслимо". Поэтому главной целью ОЛЕАЭ должно было быть, по его мнению, "изыскание средств, могущих содействовать распространению естествоведения в России" (там же, с. 7).

Комментируя соображения Щуровского, Д.Н.Анучин предлагал вспомнить, в чем состояла деятельность русских естественно-исторических учреждений и обществ, включая Московское общество испытателей природы. "Все они имели в своем составе почтенных ученых, известных специалистов того времени, но все были замкнутые учреждения, посвященные научным исследованиям, а не распространению знаний в обществе" (111, с.7). По словам Анучина, в русском обществе

того времени было так мало лиц, "способных интересоваться естествознанием", что естественно-исторические Общества "находили невозможным и бесполезным издавать свои труды на русское языке" (там же). В новых условиях пореформенной России основатели ОЛЕАЭ стремились к тому, чтобы их Общество "широко открыло свои двери для всех интересующихся естествознанием и содействовало возможно широкому распространению естественноисторических сведений" (там же, с. 8).

В речи 14 мая 1864 г. Г.Е.Щуровский набросал ближайшую программу деятельности ОЛЕАЭ. Она была очень скромной: организовать популярные объяснения коллекций в университетских музеях; составить пособия для интересующихся естествознанием и для любителей, увлеченных сбором естественно-исторических коллекций, не представленных в университетских музеях, или требующих пополнения; устраивать экскурсии в различные местности и попутно собирать коллекции для университета.

А.П.Богданов смотрел на задачи ОЛЕАЭ шире, в частности, это касалось сбора антропологических материалов. По инициативе А.П.Богданова был создан Комитет по устроению антропологической и этнографической выставки. На почве организации последней установилась связь ОЛЕАЭ с Румянцевским музеем, в 1881 г. перенесенным из Петербурга в Москву. Как свидетельствует Е.Варб (1898), в I860 г. князь В.Ф.Одоевский, с 1847 г. являвшийся директором музея, обратился с запиской к министру императорского двора, в которой указывал на недостатки здания музея и на меры, необходимые для сохранения коллекций. В.Ф.Одоевский предлагал купить в Москве подходящий дом под музей (112). И уже на следующий год музей смог переехать в Москву в дом Пашкова. В 1865 г. помощник директора Публичного и Румянцевского музея В.А.Дашков обратился в Комитет по устроению антропологической выставки с предложением: открыть в Москве русскую этнографическую выставку и использовать ее для последующего создания в Москве этнографического музея. В.А.Дашков был готов внести 20000 руб. (с возратом) для открытия выставки с условием, чтобы все этнографические коллекции перешли после закрытия выставки в собственность Московского Публичного Музея, а антропологическая коллекция — в собственность Зоологического музея Московского университета. Эти условия были приняты и Комитет избрал Дашкова своим председателем. "Этнографическая выставка, в результате которой явился в Москве новый этнографический музей, дала широкую известность молодому Обществу" (111, с. 11). Так оценил это событие Д.Н.Анучин.

Через четыре года после создания Общества любителей естествознания, в 1868 г., оно приняло новый устав и новый титул: Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и

этнографии. Не всем членам общества нравилось выражение "любителей" в титуле Общества. Оправдывая этот шаг, Д.Н.Анучин подробно аргументировал полезность союза специалистов и любителей. Допущение в ОЛЕАЭ любителей позволяет "действовать и трудиться" на пользу Общества лицам, способным оказывать "и немаловажные услуги науке". Анучин напомнил, что почетный член ОЛЕАЭ проф. А.П.Павлов в одной из своих речей отметил, что геология числит в своих творцах и двигателях многих "великих любителей", каковыми были землемер В.Смит, врач и сельский хозяин Д.Геттон, адвокат Ч.Лайелль. Со своей стороны Анучин назвал математика по профессии и любителя—ботаника В.Я.Цингера, внесшего крупный вклад в познание флоры средней России, зоолога и большого знатока в истории искусства С.А.Усова, врача Р.Майера, открывшего закон сохранения сил, "каноника Менделя, внесшего новый свет в понимание наследственности" и других. "Любителями были многие знаменитые путешественники, этнографы, археологи и т.д.; из любителей вышел и знаменитый английский физик Фарадей" (111, с. 12). Анучин упомянул также графа Румянцева и Ф.П.Рябушинского, снаряжавших за свой счет научные экспедиции. Резюмируя, он сказал: "Союз специалистов с любителями может быть только полезным — и для науки и ея учреждений (музеев, обсерваторий и пр.), и для любителей, которые могут находить в таком союзе поддержку в своих научных и просветительных стремлениях" (там же).

Воодушевляющий успех Этнографической выставки вызвал к жизни новые планы. По свидетельству Анучина, находящийся за границей А.П.Богданов вскоре после закрытия выставки "прислал... письмо Г.Е. Щуровскому с указанием на необходимость новых начинаний со стороны Общества" (там же). Богданов писал, что нужны экспедиции для изучения русских морей и окраин России, естественно-исторические выставки и ученые съезды. В конце 1860-х и в начале 1870-х годов удалось организовать ряд экспедиций для изучения русских морей, благодаря которым "были собраны первые более обстоятельные сведения о фауне Черного, Балтийского и Белого морей... и доставлены первые коллекции морских животных в зоологический музей Московского университета" (там же, с.14). Среди участников экспедиций Анучин выделил имена Д.Н.Ульянина и секретаря ОЛЕАЭ Н.К.Зенгера.

22 августа 1888 г. ОЛЕАЭ демократично, "закрытой баллотировкой" приняло решение об устройстве выставки по прикладному естествознанию. Политехническая выставка должна была послужить ядром для создания в Москве "постоянного Музея прикладных знаний или политехнического" (111, с. 15).

Идею выставки поддержала Городская Дума, предоставившая для строительства Музея "безвозмездно большую площадь земли на Лубянской площади", в свою очередь, правительство ассигновало на

постройку здания 500 тысяч рублей на постройку здания (там же). Устройство Политехнической выставки вызвало толки, говорилось, что "подобные предприятия не к лицу деятелям науки", которые в этом случае отвлекаются "от более прямых своих задач" (там же). В ответ А.П.Богданов распорядился употребить "порядочные средства", принесенные выставкой на содействие научным исследованиям. Субсидии были выданы проф. Ф.А.Бредихину для проведения астрономических наблюдений, проф. А.И.Бабухину для поездки в Египет с целью изучения электрических рыб, проф. А.О.Ковалевскому для поездки в Западную Европу с целью изучения морских животных, проф. И.И.Мечникову для поездки на Канарские острова с научными целями, академику Ф.В.Овсянникову для поездки по Волге с целью изучения развития стерляди. Значительные средства были употреблены на издание трудов ОЛЕАЭ; так, по зоологии были изданы работы профессоров А.О.Ковалевского, А.И.Кронеберга, В.Н.Ульянина, М.М.Усова, А.А.Коротнева, А.Ф.Брандта, Н.В.Бобрецкого, А.Н.Северцова и других; по ботанике профессоров И.Д.Чистякова и И.Н.Горожанкина; по геологии В.О.Ковалевского и А.А.Иностранцева; было выпущено также несколько томов Трудов Антропологического и Этнографического отделов ОЛЕАЭ.

В 1880-х годах ОЛЕАЭ, по выражению Д.Н.Анучина, "утомленное предшествовавшими предприятиями", сосредоточилось преимущественно на своей внутренней деятельности, на работе своих Отделов и Отделений. В конце 1867 г. по предложению проф. А.С.Владимирского при ОЛЕАЭ было открыто Отделение физических наук, первым председателем которого стал математик проф. А.Ю.Давыдов. Его на этом посту сменил затем Владимирский, после смерти которого в 1881 г. председателем был избран А.Г.Столетов. Ранее труды этого Отделения носили выраженный технический, прикладной характер, Столетов же "признал необходимым придать им более научное содержание" (111, с. 17). Наряду с комиссией прикладной физики им была организована комиссия математической физики, в которую вошли его ученики, молодые физики. В 1884 г. по предложению Столетова в ОЛЕАЭ была организована под председательством В.В.Марковникова комиссия химическая, впоследствие преобразованная в особое Химическое Отделение. В 1889 г. Столетов, стремясь сосредоточиться на научных исследованиях, отказался от должности председателя Отделения физических наук; его заместил проф. Н.Е. Жуковский. В 1881 г. из Отдела естествознания выделилось Отделение зоологии, а в 1884 г. сформировалось Отделение ботаники. Усиленно работали Отдел Антропологии и Отдел этнографии. В 1892 г. было основано Отделение географии.

Отделы и Отделения имели свои печатные издания; так, зоологи издавали "Труды" и "Дневники", несколько томов "Трудов" и "Дневников" выпустили к моменту 50-летия ОЛЕАЭ антропологи, ряд томов издали

этнографы, в 1839 г. начал выходить периодический журнал "Этнографическое обозрение". Издательская деятельность Общества процветала и в последующие годы.

В 1887 г. ОЛЕАЭ учреждает первую научную премию — за работы по физике и химии (из процентов с капитала в 8000 руб., завещанного В.П.Мошниным), а 1889 г. премию за работы по антропологии (из капитала, пожертвованного проф. А.П.Расцветовым).

По признанию Д.Н.Анучина, А.П.Богданов до самой своей кончины в марте 1896 г. "фактически... стоял во главе Общества, руководил его деятельностью и распоряжался большей частью его средств" (111, с. 19).

Вступив в XX в. ОЛЕАЭ осталось верным завету своего основателя: "содействовать по мере сил и средств накоплению и распространению знаний", стремясь при этом "к совмещению специальной научной работы с деятельностью научно-популяризационной" (там же, с. 20). Научная работа была сосредоточена в Отделах, Отделениях и Комиссиях; в 1914 г. ОЛЕАЭ включало в свой состав два Отдела, восемь Отделений и шесть Кимиссий; девять из них издавало собственные специализированные труды, а четыре кроме того — периодические журналы. Научно-популяризационная деятельность осуществлялась главным образом на основе публичных собраний; на них "выступали с сообщениями многие видные представители науки" (там же). Публичные и закрытые заседания ОЛЕАЭ и его отделений проходили в помещениях Политехнического музея. Благодаря музею Общество получило "прекрасное помещение для своей библиотеки" (там же, с. 22).

Касаясь специфики ОЛЕАЭ, Д.Н.Анучин указал на то, что круг его деятельности много шире по сравнению с другими Обществами естествоиспытателей и обнимает "не только собственно естественные науки — зоологию, ботанику, геологию, но, можно сказать, все естествознание, да еще такие области ведения, как география, антропология, этнография, некоторые отрасли наук медицинских" (там же, с. 21). Деятельность таких комиссий при ОЛЕАЭ, как топографо-геодезической, музыкально-этнографической, географо-педагогической, вообще выходила за рамки деятельности всех существующих обществ естествоиспытателей при университетах. "Нельзя поэтому, — заключил Анучин, — смотреть па наше Общество, как на Общество естествознания в тесном смысле; это до некоторой степени — академия..." (111, с. 21).

Проводя столь масштабную работу, ОЛЕАЭ располагала сравнительно небольшими средствами. Ситуацию обрисовал президент ОЛЕАЭ и один из деятельнейших членов МОИП проф. Г.Е.Щуровский в письме к А.О.Ковалевскому, избранному председателем оргкомитета по созыву очередного съезда русских естествоиспытателей и врачей. Это письмо, датированное 17 августа 1883 г., воспроизведено выше.

Спустя два десятилетия на юбилее ОЛЕАЭ его президент Д.Н.Анучин вынужден был вновь повторить: "К сожалению, развитию деятельности Общества ставил и ставит значительные затруднения недостаток средств" (111, с. 20). Отвечая тем, кто считал ОЛЕАЭ богатым обществом, и называя такое представление неправильным, Анучин объяснил, что средствами обладали комитеты разных выставок, "учреждавшиеся при Обществе, но действовавшие самостоятельно в финансовом отношении". Само же Общество обходилось собственными скудными средствами и "некоторые его Отделы и Отделения не получали никаких сумм на издания" (там же). Когда Анучин в 1890 г. был избран президентом ОЛЕАЭ, общество, по его словам, располагало "только правительственной субсидией в 2500 р., да еще небольшим доходом от членских взносов и от продажи изданий Общества" (там же, с. 20-21).

В результате настойчивых ходатайств Совету Общества удалось добиться увеличения правительственной субсидии до 5000 руб. в год, а также исходатайствовать временные субсидии на издание четырех периодических журналов ОЛЕАЭ. Музыкально-этнографическая комиссия Общества при содействии председателя Совета министров В.Н.Коковцева смогла получить крупную субсидию на пять лет на издание трудов. ОЛЕАЭ установило две новые премии: имени А.П.Богданова — по зоологии, и премию по биологии.

Приведя все эти данные, Д.Н.Анучин все же вынужден был признать, что "крайняя ограниченность средств отзывалась все-таки тяжело на нормальной деятельности Общества и ставило нередко непреодолимые преграды для осуществления его научных стремлений" (111, с. 22-23). Пятидесятилетняя деятельность ОЛЕАЭ, по убеждению Анучина, "достаточно доказала, что "основание его было нужным, что оно вызывалось потребностями времени, что без... Общества не могли бы возникнуть ни многие музеи Москвы и Московского университета, ни состояться многие экспедиции, научные издания, специальные журналы, образовательные курсы, научно-популярные рефераты, не нашли бы себе приюта и поддержки многие специальные научные московские кружки" (там же, с. 23). Секретарь ОЛЕАЭ В.В.Богданов в кратком отчете о деятельности Общества за 1912/1913 гг. также особо выделил значение связи ОЛЕАЭ с Московским университетом. Подчеркнув, что именно университету ОЛЕАЭ обязано своим началом, развитием и большинством научных сил, он далее сказал: "Общество, со своей стороны, считало всегда первым своим делом посильно содействовать родному университету, умножая его научные собрания, поощряя и поддерживая научные стремления питомцев, дополняя вообще ученую и образовательную миссию своей alma matris "(111,с.4). К особенностям ОЛЕАЭ Богданов отнес прежде всего то, что, не отступая от своих научных задач и программ, Общество "не замыкалось в тесном кругу

специалистов" и принимало в свои ряды "как молодых, начинающих работников науки, так и вообще любителей естествознания и этнографии". Он отметил также, что с 1870-х годов ОЛЕАЭ, устроив Политехническую выставку и основав Музей прикладных знаний, встало "и на путь служения прикладному естествознанию", чему содействовали "работавшие в его рядах деятели высших технических институтов" (там же). Выступивший на юбилее общества И.А.Каблуков высоко оцепил благотворное влияние просветительной деятельности ОЛЕАЭ; имея, в частности, в виду лекции в Политехническом музее, он заметил, что "различие во взглядах лекторов было полезно для слушателей: оно будило мысль и отучало от схоластической веры в то, что magister dixit " (111, с. 26). Каблуков напомнил о совместном заседании ОЛЕАЭ и МОИП в старом актовом зале Московского университета, состоявшемся по случаю посещения Москвы и Университета бразильским императором Доном Педро. По мнению Каблукова, "Воскресные объяснения коллекций музея", представлявшие собой "публичные лекции по различным вопросам естествознания и техники", сыграли важную роль. "Политехнический музей явился в Москве первым народным университетом, возникшим в то время, когда публичные лекции, да еще для простого народа, устраивать было в высшей степени трудно" (там же, с. 27-28).

Каблуков подробно остановился на помощи, оказываемой ОЛЕАЭ Зоомузею Московского университета. Он отметил, что благодаря заботам А.П.Богданова музей обогатился новыми коллекциями, частью собранными во время экспедиций, а частью приобретенными на пожертвованные средства. Стараниями А.П.Богданова Общество изыскивало средства "на печатание работ, сделанных в музее, учреждало стипендии для лиц, окончивших в Московском университете и работающих в Зоологическом музее, командировало их за границу". Анатолий Петрович заботился о том, чтобы его ученики "здесь в Москве могли пройти школу методов исследования" (там же, с. 27). Из протоколов заседания Общества известно, что Совет Московского университета благодарил ОЛЕАЭ за пожертвованные деньги "для усиления научных средств Зоологического музея" (там же).

Касаясь обстоятельств, сопровождавших рождение Общества любителей естествознания, И.А.Каблуков процитировал слова одного из основателей общества: "Теперь, когда прошло пятнадцать лет со времени основания Общества и когда его цель и программа на виду у всех, даже странно представить себе ту агитацию, которую оно вызвало при самом начале, и те удивительные объяснения, которыми сопровождалось его основание". Все основатели были людьми очень молодыми; "ни одного из них не считали специалистом и называли не любителями, а губителями естествознания". Им приписывалось желание "фигурировать в области какой-то несуществующей, по тогдашним воззрениям, русской науки,

потому что им не по силам была общечеловеческая, европейская наука, считающаяся у нас издавна привилегией иностранцев, почти исключительно" (111, с. 25). Мотивы основания нового общества "выставлялись самые антипатичные": желание "нанести вред" существующим в Москве научным центрам раздробляя, разделяя силы ученых; собрать партию вокруг себя "не с научными, а с житейско-практическими целями" и т.п. (там же).

Эти соображения противников идеи создания нового научного общества себя не оправдали. ОЛЕАЭ выросло за пятьдесят лет своего существования в авторитетный научный центр Москвы и России. Высокий уровень чисто научной деятельности Отделений ОЛЕАЭ, в первую очередь Физического и Химического, был специально отмечен Каблуковым. Он указал на оживленную деятельность Физического отделения под руководством А.Г.Столетова, напомнив, что по инициативе последнего "была учреждена новая комиссия, физико-математическая, задача которой должна была состоять именно в разработке вопросов теоретической физики и родственных ей наук: механики, астрономии, математики" (111, с. 29-30). По словам Каблукова, вокруг А.Г.Столетова сгруппировались "лучшие научные силы Москвы" и заседания двух комиссий Физического отделения "стали в высшей степени интересными" (там же, с. 30). Рефератов поступало так много, что "часто приходилось засиживаться до полуночи", а сами заседания носили "чрезвычайно оживленный", даже "задушевный характер". Каблуков припомнил заседание от 5 декабря 1886 г., посвященное "обсуждению и обмену мыслей" по поводу речи В.Крукса, посвященной происхождению химических элементов (перевод которой был издан под редакцией А.Г.Столетова); а также организованное Столетовым "блестящее чествование" 200-летия памяти И.Ньютона 20 декабря 1887 г. Почетным председателем на этом заседании был избран Д.И.Менделеев. Химическое отделение в 1894 г. провело заседание памяти Лавуазье, на котором с речами выступили И.М.Сеченов, Н.Д.Зелинский, И.А.Каблуков. В 1900 г. по инициативе В.В.Марковникова ОЛЕАЭ постановило отметить 150-летие открытия М.В.Ломоносовым первой химической лаборатории в России; был издан "Ломоносовский сборник", в который вошло "много интересных материалов для истории развития химии в России" (там же, с. 33).

Заключая свои воспоминания, Каблуков произнес проникновенные слова, которые и сегодня сохраняют глубокий смысл: "А.П.Богданов, А.Г.Столетов, В.В.Марковников, разное они думали, по-разному они чувствовали, но как в Университете, так и в нашем Обществе они делали одно великое дело: стремились к упрочению и развитию русской науки" (там же). Имея в виду себя и своих сверстников по университету, Каблуков сказал: мы "не можем относиться к Обществу Любителей Естествознания

с беспристрастием историка: оно нам дорого, как дорога всякая хорошая школа ее воспитанникам, а для нас Общество было такою школою; оно было, можно сказать, вторым университетом..." (там же). Однако за полвека пореформенная Россия заметно изменилась и новое поколение ученых и любителей заполнило научные общества.

Это не ускользнуло от Каблукова: "Может быть, для учащейся молодежи XX-го века Общество Любителей Естествознания не имеет того значения, какое оно имело для нас, хотя ...деятельность Общества расширилась..." Но то, что его поколение могло получить преимущественно от Общества, "теперешняя молодежь может получить, — как заметил Каблуков. — в других аудиториях в Москве, в которой возник ряд просветительских учреждений", например, Городской университет им.Шанявского, "народная аудитория" Политехнического музея, аудитории Общества Народных Университетов — на окраинах Москвы. Однако преемственность поколений, принадлежавших к "ученому сословию" не прерывалась. "Нельзя не отметить того, — подчеркнул Каблуков, — что среди наиболее выдающихся деятелей в этих просветительских учреждениях находятся те, кто вышел из школы Общества Любителей Естествознания, школы А.П.Богданова, и служат они идее демократизации науки и приобщения широких народных масс ко благам научного знания, т.е. той же идее, которая руководила основателями Общества" (111, с. 33).

МОИП и ОЛЕАЭ подчас противопоставлялись. Так, в "Истории Москвы" (1954) говорится, что общие собрания МОИП посещались публикой, но немногочисленной, так как даже публичные заседания общества "ограничивались сухими отчетами о сборе материалов по флоре и фауне и редко ставили на обсуждение общие принципиальные вопросы естествознания" (113, с. 635). Утверждается, что "игнорируя интересы русских читателей, "Общество" публиковало труды своих членов на недоступных широкой публике иностранных языках" (там же). Некоторое оживление деятельности МОИП, связанное с изданием К.Ф.Рулье "Вестника естественных наук", пользовавшегося успехом "в широких кругах читателей", не изменило общую картину. МОИП "в целом продолжало сохранять свой академически-замкнутый характер" (там же). ОЛЕАЭ же было организовано "в соответствии с новыми, демократическими веяниями" и охватывало "не только "маститых", но и молодых ученых и вообще лиц, серьезно занимающихся науками о природе": общество занялось "широкой пропагандой естествознания и его практических применений" (там же).

Подобное противопоставление отражало ограниченность методологии подхода к истории научных обществ. В данном конкретном случае не принималось во внимание изменение самосознания русских ученых и интеллигенции в целом на протяжении важного этапа истории России.

Элемент социального служения и ответственности за просвещение народа всегда был сильно выражен в деятельности ученых России, однако условия для его реализации сильно отличались в начале и во второй половине XIX века.

По словам ученого секретаря ОЛЕАЭ В.В.Богданова, занимавшего этот пост с 1905 по 1930 год, Общество "всей своей 67-летней деятельностью оправдало лучшие надежды и желания русской общественности и науки" (там же).

Солидное руководство ОЛЕАЭ обеспечивали его президенты: Г.Е.Щуровский (1863-1884), А.П.Богданов (1886-1889). В.Ф.Миллер (1889-1890), Д.Н.Анучин (1890-1923) и А.Н.Северцов (1923-1930). В работе ОЛЕАЭ участвовали с первых лет существования общества многие выдающиеся русские ученые: К.А.Тимирязев, И.М.Сеченов, И.И.Мечников. А.О.Ковалевский, А.Г.Столетов, Н.Е.Жуковский, В.В.Марковников, Ф.А.Бредихин, Д.И.Менделеев, П.Н.Яблочков, А.Н.Бекетов, М.М.Ковалевский и многие другие.

На первых порах не удалось, по-видимому, избежать трений между двумя обществами. По свидетельству, В.В.Богданова, "наплыв представителей университетской профессуры к "любителям" представлялся для "академиков" ученым сепаратизмом и чуть ли не осуждением ученой деятельности Московского общества испытателей природы" (89, с. 364). Однако недоразумения и кривотолки быстро рассеялись. Оба общества, следуя каждое своим путем, служили делу развития науки и просвещения в стране. Оба Общества многое сделали для укрепления научной и материальной базы Московского университета.

В 1867 г. ОЛЕАЭ разделилось на три отдела: естествознания, антропологии и этнографии. Отдел естествознания вскоре диференцировался; из него стали выделяться отделения: физических наук (1867), отделение зоологии (1881), ботаники (1883), химии (1890), географии (1890), физиологии (1896), бактериологии (1900), геологии (1911). Устав ОЛЕАЭ предоставлял отделам и отделениям широкую автономию, последние представляли собой по существу десять специальных научных обществ", высоко ценивших, однако, "свою взаимную связь и общую руководящую установку общества" (там же). С момента организации общества осуществлялся курс на увязку теоретического знания с практическим научным изучением. Реализация этого курса привела к устройству Политехнического музея. Другая задача заключалась в том, чтобы помочь Московскому университету обзавестись для практической постановки преподавания специальными кабинетами и музеями. С этой целью общество развернуло работу по организации ряда выставок, используя затем экспонаты этих выставок для создания музеев. Так, экспонаты Этнографической выставки в Москве 1867 г. были размещены в Румянцевском музее и составили вместе с румянцевскими

коллекциями из Азии, Африки. Америки, Австралии, Океании этнографический отдел Румянцевского музея. Политехническая выставка в Москве 1872 г. положила основание Музею прикладных знаний (позже — Политехнический музей). На организацию этой выставки и постройку зданий Музея Общество собрало и затратило огромные средства. В музее был создан народный университет: на "воскресные объяснения коллекций Политехнического музея" стекались многочисленные слушатели (студенты, школьная молодежь, рабочие и служащие московских фабрик и многие другие). Лекторами выступали К.А.Тимирязев, А.Г.Столетов, В.Я.Цингер, Ф.А.Бредихин, А.Ю.Давыдов, В.В.Марковников, Н.А.Умов, А.Р.Колли, А.С.Владимирский и другие. Богатейший комплекс коллекций по физической антропологии, этнографии и доисторической археологии был представлен на Антропологической выставке в Москве 1879 г. "Из коллекций выставки был организован Антропологический музей Университета. Трудами главным образом Д.Н.Анучина была учреждена и кафедра антропологии. На специально пожертвованный капитал, переданный обществом Университету, было организовано чтение курса антропологии, первого в России..." (89, с. 365). Географическая выставка 1892 г. положила основание Географическому музею Московского университета. Для новой кафедры географии были созданы учебные пособия, предоставлена коллекция карт, ландшафтных картин, приборов, книжных собраний. В течение многих лет ОЛЕАЭ передавало все зоологические коллекции, поступавшие в общество, Зоологическому музею Университета.

Основной задачей ОЛЕАЭ было изучение природы и населения России. Среди организованных обществом экспедиций можно назвать туркестанскую экспедицию А.П.Федченко; серию работ по изучению озер России, начатую по инициативе Д.Н.Анучина, — "таким образом создалась русская лимнологическая наука"; на основе географических экспедиций общества были подготовлены монографии и статьи, опубликованные в журнале "Землеведение"; среди многочисленных этнографических экспедиций выделяются экспедиции Н.Н. Харузина к саами (лопарям), А.Н.Харузина к казахам, В.С.Миллера к осетинам, М.М.Ковалевского к осетинам и другим народам Кавказа; ежегодно совершались геологические поездки, в некоторых случаях сочетавшиеся с почвенно-географическими исследованиями; многочисленными были также зоологические экспедиции и поездки. Общество организовало научно-исследовательские биологические станции в Косино (под Москвой), в Демьяново (Калининская обл.), в Болшеве (под Москвой); все они "служили базой для практических занятий со студентами-зоологами Московского университета" (89, с. 366).

ОЛЕАЭ создало широкую издательскую базу. До октября 1917 г. общество издало 130 томов своих "Известий". Отделения общества

издавали свои периодические журналы; так, с 1889 по 1916 год вышло 112 книг "Этнографического обозрения"; в 1894 г. Д.А.Анучин основал журнал "Землеведение"; с 1900 г. начал издаваться "Русский антропологический журнал": с 1910 г. издается "Биологический журнал", который позже заменил "Русский зоологический журнал"; было опубликовано пять выпусков "Записок геологического отделения Общества любителей естествознания": на особо пожертвованный капитал отделение физиологии издавало журнал "Le physiologiste Russe" (VI том вышел в 1915 г.). В 1901 г. химическое отделение общества выпустило получивший широкую известность "Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России". В 1915 г. вышел, составленный В.В.Богдановым, сборник "Пятидесятилетие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863-1913)".

ОЛЕАЭ сочетало закрытые заседания общества и особенно его специализированных отделений, которые служили "своего рода академическими институтами, где молодые делали свои первые шаги, а более опытные развивали критику и самокритику своих и чужих научных достижений", с публичными заседаниями, которых бывало до 10 и более ежегодно и на которых ученые имели возможность общаться с представителями русской общественности. По свидетельству Богданова, это была самая посещаемая и популярная аудитория в Москве. "Здесь можно было встретить и Л.Н.Толстого, пришедшего послушать профессора-химика, и писателя Валерия Брюсова, заинтересовавшегося проблемой Атлантиды, и любителя авиации, с увлечением слушавшего Н.Е.Жуковского, и самую разнообразную внимательную толпу молодых, пожилых и старых, жадно ловившую речи Мечникова, Тимирязева, Пржевальского, Козлова, Церасского, Бредихина, Марковникова, Менделеева, Сеченова и многих других ученых, путешественников, композиторов (о народной музыке), простые речи русских сказителей былин, сказок и т.д." (89, с. 366-367).

Общество любителей естествознания принимало активное участие в организации и работе всероссийских и международных съездов. А.П.Богданов был инициатором Международных конгрессов по доисторической археологии и антропологии, проходивших с 1892 г. в разных странах. В августе 1892 г. сессия Конгресса была созвана в Москве. "Эти конгрессы созывались и в дальнейшие годы и еще более укрепили международные и русские научные связи общества" (89, с. 367).

Наличие крупного издательства, обширные связи ОЛЕАЭ с научными обществами, учреждениями и отдельными учеными в России и за границей позволило обществу составить большую и ценную научную библиотеку, в которой числилось 250 тысяч книг. Используя свой большой библиотечный опыт, Библиотека ОЛЕАЭ помогла становлению библиотеки Политехнического музея, "Обе библиотеки объединились в

одну, но с самостоятельными инвентарями и служебными единицами. Потом Наркомпрос передал все управление библиотекой Политехническому музею и из титула ее исчезло упоминание об обществе" (89, с. 368), Архив рукописей, материалов и документов, хранящийся при библиотеке общества, "также перешел к музею" (там же). В 1930 г. фонд библиотеки ОЛЕАЭ превысил полмиллиона томов.

После октября 1917 г. ОЛЕАЭ продолжало издавать некоторые свои журналы: "Землеведение", "Русский антропологический журнал" и "Мемуары" (вместо "Известий"); однако журналы эти издавались уже не на средства общества, а финансировались Наркомпросом.

Под давлением Наркомпроса ОЛЕАЭ в конце концов было вынуждено согласиться на объединение с Московским обществом испытателей природы. Во главе МОИП стоял в то время ректор МГУ М.А.Мензбир, во главе ОЛЕАЭ его ученик А.Н.Северцов. Что заставило власть прекратить самостоятельное существование плодотворно работающего Общества, выделявшегося своими демократическими традициями? Комментируя события того периода их свидетель и участник ученый секретарь ОЛЕАЭ В.В.Богданов писал: "К концу 1928 года со стороны Наркомпроса начались усиленные ревизии деятельности общества. Точка зрения ревизоров сводилась к тому, что Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московское общество испытателей природы повторяют друг друга, и их нужно слить в одно общество, что и произошло в 1931 году. При этом Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии утратило свою библиотеку, архив рукописей и документов. Все это осталось за Политехническим музеем. Претерпела также ущерб деятельность Общества испытателей природы, особенно в разделах науки о человеке, которые в этом обществе отсутствовали и не возродились в нем после слияния обоих обществ" (89, с. 369).

Слияние двух старейших и заслуженных научных обществ совпало по времени с резким изменением отношения власти к делу охраны природы и краеведению. Научно-общественная деятельность в этих областях была максимально свернута.

Краеведение входило в круг задач Академии наук, университетов и научных обществ России. Краеведческое движение служило делу объединения ученых, общественных деятелей, интеллигенции, любителей природы и истории, стремящихся всесторонне изучать родной край, сохранять культурно-историческое наследие и культуру, отслеживать изменения в условиях труда и быта, распространять знания об отечестве в народе. Московское общество испытателей природы в целом и многие его члены внесли весомый вклад в развитие краеведения. На протяжении XIX и начала XX века это движение успело зарекомендовать себя. Революция 1917 г. вдохнула в него новые надежды и импульсы. В декабре 1921 г. по

инициативе Академического центра, руководившего краеведческой работой (до 1925 г.), созывается Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, в задачу которой входило "привести к согласованию и к планомерной работе сеть краеведных обществ и учреждений и тем начать новую реальную организацию изучения России" (127, с. 3). Конференция избрала Центральное Бюро краеведения. В конференции приняли участие многие известные ученые России. Достаточно сказать, что почетным председателем Центрального Бюро краеведения (ЦКБ) состоял академик Д.Н.Анучин, президент ОЛЕАЭ; в 1922-1927 гг. председателем ЦКБ был академик С.Ф.Ольденбург, непременный секретарь Российской Академии наук; членами ЦКБ географ С.Г.Григорьев, академик А.Е.Ферсман (зам. председателя ЦКБ), экономист А.В.Чаянов, историк естествознания Б.Е.Райков, этнограф В.В.Богданов (зам. председателя ЦКБ и одновременно ученый секретарь ОЛЕАЭ). В списке видных деятелей науки, культуры и просвещения, принимавших в краеведческом движении энергичное участие, названы академик В.И.Вернадский, академик Л.С.Берг, зоологи К.М.Дерюгин, Л.А.Зенкевич, Д.Н.Кашкаров, Г.А.Кожевников, Н.К.Кольцов, Н.М.Кулагин, академик А.П.Павлов, академик Н.А.Морозов, академик С.Г.Навашин, минеролог Я.В.Самойлов, пропагандист идей охраны природы проф. В.И.Талиев, К.Э.Циолковский, и многие другие (128, с. 13-22).

Один из организаторов и руководителей краеведения В.П.Семенов-Тян-Шанский в 1920-е годы писал: "...краеведческое движение я называю великим потому, что это было действительно беззаветное общее движение провинциальной интеллигенции спасать от бесчисленных в то время случайностей все многочисленные памятники культуры как в городах, так и в сельских местностях" (цит. по: 128, с. 9; см. также ж. "Звезда", 1989, №4, с.117). На первых порах новая власть поддерживала краеведческое движение. А.В.Луначарский назвал краеведческие общества "органами самопознания страны". XIII Всероссийский съезд Советов в 1927 г. призвал содействовать органам краеведения и шире использовать их работу в деле строительства края; краеведческая работа рассматривалась при этом как форма вовлечения широких кругов трудящихся в научно-исследовательскую работу.

С 1917 по 1929 год численность краеведческих организаций в СССР выросла с 246 до 2270. "Организованные" краеведы составляли стотысячную армию. Краеведческие организации располагали своими периодическими и непериодическими изданиями. "Деятельность краеведов по охране и использованию памятников Отечества в первые годы новой власти приобрели небывалый размах, обусловленный необходимостью спасти и сохранить многочисленные историко-культурные ценности (в том числе книги, рукописи, документы), сосредоточенные в покинутых домах,

дворцах и усадьбах, упраздненных правительственных и сословных учреждениях, ликвидируемых церквах и монастырях" (128, с. 9). Познание края, региона теснейшим образом увязывалось с изучением живого мира, сохранением видов растений и животных на данной территории, с глубоким экологическим подходом к изучению прошлого, настоящего и будущего края, а в перспективе страны в целом. Обширным планам краеведов не суждено было осуществиться. "В 1929-1931 гг. краеведческое движение, по демократической своей сущности несовместимое с тоталитаризмом, было разгромлено" (там же, с. 22). Против ведущих краеведов последовали репрессии. В 1931 г. ОЛЕАЭ, игравшая в движении видную роль, было слито с МОИП.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКЦИЙ. ВОЕННЫЕ ГОДЫ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ОБЩЕСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 1935 г. Московское общество испытателей природы возглавил выдающийся химик академик Николай Дмитриевич Зелинский (1861-1953). С его именем связана целая полоса в жизни Общества, которая приходится на трудные для нашей страны и народа годы. В 1893 г. Н.Д.Зелинский был назначен экстраординарным профессором Московского университета и в октябре того же года избран в действительные члены МОИП. С этого времени Зелинский, по свидетельству С.С.Наметкина, "тесно связал свою общественную и научную деятельность с этим старейшим Обществом натуралистов нашей страны" (87, с. 15).

В 1911 г. после увольнения по распоряжению Министра народного просвещения ректора университета А.А.Мануилова и его заместителей М.А.Мензбира и П.А.Минакова Зелинский подал в отставку. Лишь в 1917 г. он смог вернуться в Московский университет к научной и преподавательской работе, не прерывая ее даже в самые трудные моменты 1918-1920 гг., "личным примером показывая, что наука должна и может развиваться при самой, казалось бы, неблагоприятной обстановке" (87, с. 10).

Н.Д.Зелинский неоднократно выступал на заседаниях МОИП с научными докладами по проблемам органического синтеза, катализа, химии нефти, а также "и по более общим вопросам естествознания". Он принимал активное участие в руководстве Обществом как член ревизионной комиссии и член Совета МОИП (1897-1909 гг.). В 1932 г. его избирают вице-президентом МОИП и уже с 1933 г. из-за болезни М.А.Мензбира ему приходится исполнять обязанности президента. В 1935 г., после кончины М.А.Мензбира, Николай Дмитриевич избирается президентом Общества.

Н.Д.Зелинский принимал участие в работе нескольких российских научных обществ, например, Русского физико-химического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С.Леденцова. Однако наиболее тесные отношения связывали его с МОИП. "Несмотря на свой преклонный возраст и огромную загрузку научными и другими обязанностями, — писал в 1941 г. С.С.Наметкин, — Н.Д. является до сегодняшнего дня активным руководителем славного своими традициями Московского общества испытателей природы. Н.Д. один из аккуратнейших посетителей заседаний Совета и общих собраний Общества. Он вникает во все детали работ Общества; содействует привлечению докладчиков на заседания Общества; много помогает усилению финансовой базы Общества; расширяет его издательскую деятельность. Как всегда, Н.Д. привлекает к работе в Обществе научную молодежь" (87, с. 15). Зелинский принял на себя руководством по подготовке и проведению 135-летнего юбилея Общества. По свидетельству Наметкина, именно при помощи Зелинского МОИП "издает к своему юбилею ряд ценных изданий: монографии по зоологии, ботанике, палеонтологии, гидробиологии и биофизике, историю Общества за 135 лет его деятельности и серию брошюр, посвященных научной характеристике и биографиям выдающихся деятелей Общества и его президентов" (87, с. 16). Заслуги Зелинского перед МОИП были оценены задолго до избрания его президентом Общества: еще в 1921 г. он был избран его почетным членом.

В адресе, приуроченном к 60-летию Н.Д.Зелинского, говорилось: "Старейшее Московское общество испытателей природы гордится той тесной связью, которая издавна установилась между ним и Вами; оно гордится тем, что Вы являетесь его Президентом и руководителем".

Н.Д.Зелинский, создавший большую научную школу, стремился шире привлечь в МОИП научную молодежь. Пробуждая в молодежи высокое чувство уважения к науке, он писал, обращаясь к ней и делясь своим богатым жизненным и научным опытом: "Химия часто одаряла меня величайшим наслаждением познания еще не исследованных тайн природы. Она дала мне возможность послужить людям, облегчить их труд, избавить их от некоторых страданий, порой от гибели. Она помогла мне стать человеком не бесполезным для моей родины..." (цит. по: 88, с. 104).

Ученый широкого кругозора и разносторонних научных интересов, Н.Д.Зелинский стремился сочетать то новое, что появлялось в науке и общественной жизни с традициями передового естествознания дореволюционной России. МОИП продолжало объединять ученых разных специальностей, периодически организуются общие собрания с докладами широкого теоретического звучания и большого практического интереса. Параллельно работали организованные при Обществе секции: зоологии,

ботаники, геологии, гидробиологии, географии, биофизики, палеонтологии, гистологии и экспериментальной морфологии. По инициативе вице-президента МОИП В.И.Вернадского начинает работать Комиссия по истории естествознания.

Появление Секций было нововведением, поддержанным членами Общества. Им предшествовали Комиссии; так, в 1913 г. существовали Комиссии по ботанике, зоологии и химии. Однако основную роль в жизни Общества продолжали играть общие ежемесячные собрания. Лишь через 20 лет "сильно двинулась вперед организация секций" (19, с. 361). В 1940 г. работало восемь секций. Значительно возросло число заседаний: от 10 - 12 в год в предреволюционные годы и первые послереволюционные годы до 65-70 собраний, на которых прочитывалось до 175 докладов (13, с. 77). На секциях заслушивается немало сообщений по прикладным вопросам естествознания: промышленному звероводству, полезным ископаемым, вопросам водохранилищ, исследованиям по растительному и животному сырью. Усиливается научно-популяризационная деятельность. Наконец, Общество выступает консультантом правительственных организаций по важным народнохозяйственным проблемам природных ресурсов и их использования.

В 1941 г., после нападения на нашу страну фашистской Германии, Н.Д.Зелинский и В.И.Вернадский выступили в печати от имени МОИП со следующим обращением, текст которого был опубликован в "Вестнике АН СССР" (1941. №7-8, с. 73-74): "К ученым-естествоиспытателям Великобритании. Обращение Московского общества испытателей природы.

Президент Московского общества испытателей природы академик Н.Д.Зелинский и вице-президент этого общества академик В.И.Вернадский обратились через Королевское общество и Линнеевское общество в Лондоне к ученым-естествоиспытателям Великобритании с письмом, в котором пишут: "Старейшее в СССР Московское общество испытателей природы, среди членов которого числились славные имена Дарвина, Ляйеля, Фарадея, Листера, Роберта Броуна, Мурчисона, Кельвина, Резерфорда и многих других, горячо приветствует в вашем лице великий свободолюбивый английский народ, осуществляющий рука об руку с народами СССР грандиозную миссию освобождения и защиты человечества и всемирной науки от гитлеровской коричневой чумы и варварства. Все светлое, все яркое во всем мире — с нами, все мрачное, все темное — против нас.

Мы выражает уверенность, что союз науки и культуры двух величайших стран мира будет всемерно способствовать скорейшему уничтожению гитлеризма, тяжелого кошмара всего человечества, и создает условия для счастливого расцвета науки и культуры во всем мире" (1, с. 304).

16 июля 1941 г. группа академиков, в которую входили Н.Д.Зелинский и В.И.Вернадский, выехала в Боровое (Казахская ССР). В июле 1943 г. Вернадский обратился к вице-президенту Академии наук А.А.Байкову "с просьбой прислать в Боровое во второй половине августа вагон для реэвакуации своей и Н.Д.Зелинского семей" (65, с. 375).

В Боровом Вернадский много размышлял над проблемой ноосферы и, надо думать, делился своими мыслями с Н.Д.Зелинским. Научная жизнь Общества не замирала даже в годы войны. Хотя из Москвы были эвакуированы президент МОИП Н.Д.Зелинский и вице-президенты В.И.Вернадский, А.Е.Ферсман и Л.И.Курсанов, вставший во главе Общества профессор Московского университета, крупный зоолог С.И.Огнев и вице-президент геолог профессор В.А.Варсанофьева сумели организовать деятельность МОИП. В декабре 1941 г. на заседании ботанической секции с докладом о флоре Кавказа выступил П.А.Смирнов, прошло также заседание геологической секции. В первые месяцы 1942 г. состоялось уже пять общих собраний Общества. Из девяти заслушанных на них докладов пять оказались посвящены истории русской науки и культуры, страницам культурного прошлого Москвы и Московского университета.

9 июля 1942 г. на специальном заседании были отмечены памятные даты истории мировой науки — 100-летия первого очерка происхождения видов Ч.Дарвина и 100-летие со дня опубликования его труда о коралловых рифах (с докладами А.Ф.Котса и В.А.Варсонофьевой).

В течение 1942-1943 гг. продолжали работать секции: ботаники, руководимая К.И.Мейером; зоологическая, руководимая С.И.Огневым; геологическая, возглавляемая В.А.Варсонофьерой; возобновляется деятельность географической секции во главе с Б.Ф.Добрыниным и гидробиологической секции, руководимой Л.А.Зенкевичем. В 1943 г. состоялось семь общих собраний членов Общества; среди заслушанных на них сообщений выделяются доклады А.Г.Гурвича "Теория митогенетических излучений в свете новых данных", Е.Н.Павловского "Современный Иран", В.Н.Сукачева "О генетической классификации биоценозов", Л.Е.Родина "Путешествие в Афганистан".

В годы Великой Отечественной войны нормальная работа Московского общества испытателей природы была нарушена, но не остановлена. Пришлось на время приостановить издание журналов — биологической и геологической серий "Бюллетеня МОИП". Московский университет был эвакуирован из Москвы, а с ним и многие деятельные члены Общества.

Сразу после окончания войны Правительство СССР сочло необходимым оказать старейшему научному обществу страны финансовую помощь на постоянной основе и моральную поддержку со стороны государства. 13 апреля 1946 г. Совет Министров СССР принял специальное постанов-

ление, направленное на укрепление материальной базы МОИП. Благодаря этому была резко расширена издательская деятельность Общества, оживилась и развернулась работа секций, значительно пополнилась его библиотека, восстановлен обмен изданиями с отечественными и зарубежными научными центрами и библиотеками. Жизнь Общества вошла в прежнее русло. Совет и Президиум МОИП возобновили свою работу в полном объеме. Возобновилось издание "Бюллетеней МОИП", усилился приток новых членов. Начиная с 1946 г. МОИП установил для членов Общества премии за лучшие научные труды на конкурсной основе.

МОИП — ЦЕНТР ИСТОРИКО-НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Московское общество испытателей природы может рассматриваться как один из постоянно действующих центров историко-научной мысли России. На заседаниях Общества постоянно заслушивались доклады и сообщения по истории отечественной и мировой науки. Усилиями МОИП создана целая библиотека монографий и статей по истории естествознания. Интерес к истории науки резко возрос в XX веке и лидеры общества, прежде всего президенты МОИП, не только энергично поддерживали этот интерес среди членов общества, но и сами выступали с историко-научными докладами и публикациями. Есть основания считать, что Московское общество испытателей природы причастно к созданию в ходе Великой Отечественной войны в 1944-1945 гг. института истории естествознания в Москве. Как можно судить по новейшим публикациям, инициатива здесь исходила от президента МОИП Н.Д.Зелинского и вице-президента МОИП В.И.Вернадского.

Созданию Института истории естествознания (ныне Институт истории естествознания и техники РАН) предшествовали драматические события. Условно описание этих событий, по необходимости далеко не полное, можно начать с 1902-1903 гг., когда в Московском университете В.И. Вернадским был прочитан курс лекций по истории развития научного мировоззрения. Позже, весной 1912 г., им же был прочитан в Петербургском университете курс лекций, посвященных раннему этапу становления отечественной науки. В 1916 г. А.С.Лаппо-Данилевский прочитал в Англии лекции, посвященные истории русской науки. В 1917 г. его очерк "Развитие русской науки и просвещения в России" был опубликован в сборнике "Russian Realities and Problems" под редакцией кембриджского профессора И.П.Деффа (58, с. 9). Согласно В.И.Вернадскому, еще в 1915 г. по инициативе С.Ф.Ольденбурга и А.С.Лаппо-Данилевского было начато "издание истории научных исканий в нашей стране — истории русской науки": план издания был разработан под руководством Лаппо-Данилевского. Как подчеркивал Вернадский, намечаемое издание "имело в виду не только интересы преходящего

момента — пробуждение народного самосознания в эпоху кризиса, оно впервые должно было подвести итоги глубокому историческому процессу — росту, углублению и расширению научной мысли в среде нашего народа" (59, с. 390). В 1918-1920 гг. работа Комиссии "Русская наука" приостановилась. В 1921 г. В.И.Вернадский преобразовал эту Комиссию в Комиссию по истории знаний (КИЗ). Считая основной задачей КИЗ изучение истории знаний вообще, ученый вместе с тем подчеркивал: "История русской науки и история научной мысли и научной работы в нашей стране вообще представляет особый интерес... Начавшийся с создания Академии и усилившийся в шестидесятых годах прошлого, и особенно в начале этого столетия рост научной мысли и научной работы в нашей стране является неразрывною и важною частью большого мирового процесса — роста науки в пределах западноевропейской цивилизации" (там же). Высоко оценивая значение проделанной в России работы в этом общечеловеческом движении, подчеркивая, что "оно гораздо больше, чем это сознают", Вернадский писал: "История науки в XVIII-XX вв. не может быть познана и изложена без истории русской науки, а для этого необходима большая исследовательская работа. Это наша обязанность..." (там же).

В 1930 г. председателем КИЗ был назначен Н.И.Бухарин, преобразовавший КИЗ в институт истории науки и техники. В марте 1936 г. ИИНТ был ликвидирован. В том же 1938 г. была создана при Архиве АН СССР Комиссия по истории АН СССР во главе с С.И.Вавиловым. В 1940 г. он оценил итоги развития истории научных знаний как "довольно плачевные в сравнении, например, с историей литературы и изобразительных искусств" (цит. по: 58, с. 18). Комиссия по истории АН СССР ставила своей задачей изучение истории русской и советской науки. Поскольку тематика Комиссии далеко не исчерпывала проблематики истории науки и техники, вопрос о воссоздании соответствующего института не был снят. Известно, что с начала 1941 г. по август в Москве при Президиуме АН СССР существовала Постоянная комиссия по истории техники и естествознания. Под титулом Комиссии было издано несколько книг, в том числе капитальная монография Т.И.Райнова "Наука в России XI-XVII веков" (1940) (58, с. 18).

Созданию Постоянной комиссии по истории техники и науки предшествовали следующие события.

В 1935 г. президентом МОИП был избран Н.Д.Зелинский, а вице-президентом В.И.Вернадский. По инициативе Вернадского в МОИП начинает работать Комиссия по истории естествознания.

Создание названной комиссиии в МОИП совпало по времени с периодом непрестанных усилий, предпринимаемых Вернадским и другими учеными Академии наук для возобновления деятельности Института истории науки и техники. 5 февраля 1938 г., за 10 дней до принятия

Президиумом АН решения о ликвидации ИИНТ, им же было принято решение о сохранении института и о создании комиссии во главе с Вернадским, по которому "комиссия в месячный срок должна представить в Президиум предложения о дальнейшей работе института" (60, с. 46). Выполняя поручение Президента АН В.Л.Комарова, Вернадский подготовил для него Памятку (уже с учетом решения о ликвидации ИИНТ), где охарактеризовал возрастающее значение истории науки и техники и подчеркнул роль исследований в этой области для понимания "истории создания на нашей планете в биосфере новой геологической силы — человеческого труда и мысли" и превращения биосферы, охватываемой научно-технической мыслью, в ноосферу (1, с. 408). В октябре 1939 г. Вернадский вновь возвращается к этой теме в специальной записке "Соображения об организации работы по истории техники и естествознания в системе Академии наук СССР". Записка приурочена по времени к обсуждению 4 октября 1939 г. на заседании Президиума АН вопроса об организации в Академии работ по истории техники и естествознания. 22 ноября 1939 г. Президиум АН принял решение о целесообразности организации в системе Академии Института истории техники и естествознания, возложив на него организацию работ по истории техники и естествознания в институтах Академии наук СССР.

Проведение организационных мероприятий по созданию Института было поручено Оргкомитету во главе с академиком И.П.Бардиным. В.И.Вернадский в него не вошел. За подписью И.Бардина, А.Зворыкина, П.Дузя и И.Будницкого газета "Правда" 26 января 1940 г. опубликовала статью "За советскую историю техники и естествознания"; речь в ней шла о необходимости шире развивать работу по истории техники и естествознания и наладить преподавание этих дисциплин в высшей школе.

Однако согласие Правительства (СНК) так получено и не было. 22 февраля 1940 г. Президиум АН отменил свое решение от 22 ноября 1939 г. об организации Института истории техники и естествознания, но одновременно постановил организовать постоянно действующую Комиссию по истории техники и естествознания. Вернадский в состав этой Комиссии, по-видимому, не вошел. Председателем Комиссии стал С.Г.Струмилин. Эта Комиссия просуществовала недолго и была ликвидирована после начала войны (по предложению вице-президента АН О.Ю.Шмидта). Но уже 27 апреля 1942 г. Президиум АН по докладу академика А.М.Деборина принял постановление "О возобновлении работы Комиссии по истории техники и естествознания АН СССР". В развитие этого постановления Президиум АН в сентябре 1942 г. создает Группу по истории техники при Отделении технических наук АН СССР, а в мае 1944 г. Комиссию по истории физико-математических наук.

Однако Академия не отказалась от плана создания полноценного Института истории естествознания и техники. В беседе с И.В.Сталиным,

состоявшейся 13 ноября 1944 г., президент АН академик В.Л.Комаров, в частности, сказал: "Война, как мне кажется, показала, как важно для государства, чтобы в народной памяти сохранилось культурное прошлое народа. Кроме того, необходимо обеспечить ведущую роль советской науки в исследованиях по истории естествознания, как мирового, так и русского. Я хочу познакомить Вас с письмом, которое направили мне старейшие русские ученые академики В.И.Вернадский и Н.Д.Зелинский. Они просят меня организовать Институт истории естествознания и возглавить этот институт". В.Л.Комаров представил И.В.Сталину предложения о направлении работ и персональном составе Института истории естествознания (60, с. 53). Постановлением СНК СССР от 22 ноября 1944 г. и решением Президиума АН СССР от 9 февраля 1945 г. Институт истории естествознания был создан.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что имена Вернадского и Зелинского при описании всех этих драматических для Института истории естествознания и техники не фигурируют в составе создаваемых комиссий по истории науки и техники. И если Вернадский, отказываясь, надо полагать, от участия в работе упомянутых комиссий, всегда был готов стимулировать в Академии наук работу в области истории науки и техники и неоднократно излагал на этот счет свои соображения, то имя Н.Д.Зелинского возникает здесь, на первый взгляд, совершенно случайно, да еще в решающий для судьбы этой области знания момент. Когда и как сложилось содружество В.И.Вернадского и Н.Д.Зелинского?

Н.Д.Зелинский и В.И.Вернадский были близко знакомы с 90-х гг. XIX в. В 1911 г. они вместе ушли из Московского университета в знак протеста против ущемления его автономии. Зелинский был в курсе исследований Вернадского по живому веществу. Вернадский не только делился с ним своими представлениями, взглядами, но еще в 20-х гг. XX в. стремился привлечь Зелинского к работе по проблеме живого вещества. Дневники Вернадского хранят на этот счет много свидетельств. Так, 2 апреля 1921 г. он вносит в дневник: "С Зелинским по телефону о работе над живым веществом. Он помощником хочет Садикова. Мысль моя работает здесь усиленно" (61, с. 27). Судя по записи от 23 марта 1921 г. Н.Д.Зелинский присутствовал на докладе Вернадского "Геохимия, ее значение и задачи ее преподавания" на заседании Московской научной комиссии Научно-технического отдела ВСНХ. Вернадский под свежим впечатлением о том, как был накануне встречен его доклад, записал в дневнике: "...главным образом прения по поводу моего вывода... о живом веществе. Возражения против термина. Нет самостоятельной продуманности — протоплазма жива в умах — еще в старом их понимании…" (61, с.23). Известно, что позже Н.Д.Зелинский непосредственно участвовал в геохимических исследованиях и

поддерживал связь с Биогеохимической лабораторией Вернадского. В 1930-1939 гг. Зелинский был директором Опытной Сапропелевой станции в Залучье (Тверская губ.). Станция была организована в 1920 г. и подчинялась КЕПСу, руководимому Вернадским. Станция имела статус академической организации. В 1930 г. она передается в Геохимический институт, затем в Сапропелевый институт (просуществовавшем до 1934 г.). Директором последнего был вначале Н.Д.Зелинский; 19 декабря 1932 г. он писал Вернадскому: "...если останусь директором, буду настаивать на связи с Биогел" (62, с. 141). Сближало Вернадского с Зелинским и интерес последнего к истории науки. Оба ученых выступали с докладами на юбилейных торжествах по случаю 150-летия первой в России научной химической лаборатории, созданной по инициативе М.В.Ломоносова. Их доклады на торжественных публичных заседаниях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, проходивших со 2 по 4 января 1900 г., вошли в книгу "Ломоносовский сборник: материалы для истории развития химии в России" (М.,1901) (63, с. 289). Ранее, в 1894 г. Н.Д.Зелинский выступил с речью "Заслуги Лавуазье в области химии" в торжественном заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, посвященном 100-летию со дня смерти Лавуазье.(64).

В 1936 г. Вернадский совместно с Н.Д.Зелинским представляет в Президиум АН СССР записку о необходимости исправления явно ненормального положения с преподаванием и научными исследованиями в области геологических наук, точнее наук о Земле в Московском университете. Ученые настаивали, чтобы их мнение было доведено до Совнаркома СССР. "Несколько месяцев спустя в Московском университете были восстановлены соответствующие кафедры и усилен штат ученых и преподавателей, работавших в области наук о Земле" (65, с. 308). Проблема возникла в связи с образованием Центрального геологоразведочного института.

В 1935 г. президентом МОИП был избран Н.Д.Зелинский, а вице-президентом В.И.Вернадский. Основываясь на архивных материалах Вернадского, И.И.Мочалов отмечал: "Владимир Иванович активно участвует в работе Московского общества испытателей природы (его Совета, секций и конференций), дарит много книг в библиотеку Общества из своего личного собрания, а также (вплоть до 1939 г.) является председателем созданного по его инициативе при Обществе Кружка по истории естествознания" (65, с. 308).

Историей науки интересовался Н.А.Умов. Будучи президентом МОИП он выступил с инициативой составления истории Общества, полагая необходимым и важным продемонстрировать "широким кругам ту огромную роль, которую Общество испытателей природы сыграло в научном и культурном развитии России". Это начинание ему осуществить

не удалось, как не удалось достойно отметить и столетний юбилей Общества в насыщенной революционными событиями обстановке 1905 года.

Доклады историко-научного содержания всегда принимались и заслушивались Обществом. Однако только после организации В.И.Вернадским как вице-президентом МОИП Комиссии по истории естествознания, приравненной по статусу к Секциям Общества, история науки прочно вошла в программу деятельности МОИП.

В январе 1941 г. МОИП по инициативе президента Н.Д.Зелинского, при деятельном участии вице-президента В.И.Вернадского и секретаря Общества С.Ю.Липшица отметило свой 135-летний юбилей. На юбилейной сессии с докладами выступили крупные ученые, члены МОИП: П.Л.Капица, А.Ф.Иоффе, В.Н.Сукачев, А.Е.Ферсман, Н.С.Шатский, А.Л.Яншин и другие. К юбилею С.Ю.Липшицем была подготовлена книга "Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования", основанная на большом архивном и литературном материале. Было положено начало изданию серии работ по истории науки. В 1940 г. появились в свет биографические очерки деятельных членов Общества: Г.И.Фишера фон Вальдгейма, Х.Х.Стевена, Г.С.Карелина, И.П.Кирилова, Г.Ф.Гофмана, В.Д.Соколова, Н.А.Северцова, А.И.Воейкова, А.Б.Миссуны, П.П.Сушкина, Н.А.Умова и др. В 1941 г., уже в дни войны вышла книга о вице-президенте Общества А.П.Павлове.

В годы войны интерес МОИП к историко-научной тематике резко возрос. В первые месяцы 1942 г. состоялось пять общих заседаний Общества. Из девяти заслушанных на них докладов пять оказались посвящены истории русской науки и культуры, страницам культурного прошлого Москвы и Московского университета.

9 июля 1942 г. на специальном заседании были отмечены памятные даты истории мировой науки — 100-летие первого очерка происхождения видов Ч.Дарвина и 100-летие со дня опубликования его труда о коралловых рифах (с докладами А.Ф.Котса и В.А.Варсонофьевой).

По существу, в МОИП, в соответствии с программой В.И.Вернадского, после закрытия Института истории науки и техники в 1938 г. и раздробления единой истории науки и техники (как видел предмет этой науки Вернадский) на узко специализированные области — Комиссии по истории отдельных отраслей естествознания и Комиссию по истории техники, именно в МОИП нашел поддержку и продолжал жить идеал единой истории естествознания и техники. Этот идеал был положен в основу деятельности Комиссии по истории знаний, созданной В.И.Вернадским в 1921 г. на базе Комиссии "Русская наука", возглавлявшейся А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Ольденбургом.

В 1930 г. Вернадского на посту руководителя Комиссии по истории званий сменил Н.И.Бухарин, преобразовавший КИЗ в первый в нашей

стране институт истории науки и техники. После ареста Бухарина в 1937 г. дни ИИНТ оказались сочтены. 5 марта 1938 г. институт был ликвидирован постановлением Президиума АН СССР. Ряд сотрудников института был репрессирован.

В этой крайне неблагоприятной и опасной обстановке В.И.Вернадский продолжал настойчиво утверждать свое представление о назначении и задачах истории науки и техники. В записке о необходимости продолжения изучения истории науки и техники, адресованной президенту АН СССР В.Л.Комарову, Вернадский возражал против ликвидации существующего Института истории науки и техники. Ученый напоминал: "То новое или во всяком случае более подчеркнутое, что проявилось в работе нашего Института, это как раз неразрывная связь истории науки с историей техники, придавшая этим работам характерный отпечаток" (67, с. 408). Связывая изучение истории науки и техники со своими естественнонаучными построениями, Вернадский указывал: "История науки и техники, вместе взятые, может быть рассматриваема в геологии и биологии как история создания на нашей планете в биосфере новой геологической силы — человеческого труда и мысли. Эта геологическая сила, медленно создававшаяся геологически длительно, в нашем столетии получила яркое проявление, и на наших глазах биосфера превращается... в ноосферу т.е. охватывается научно-технической мыслью и переходит в новую геологическую стадию" (там же). И вновь подчеркивал: "Я считаю, что мы не можем в нашей работе не учитывать неизбежных тенденций будущего и с этой точки зрения отделять историю науки от истории техники" (там же).

Вернадский предлагал в записке создать в Институте истории АН СССР Сектор по истории науки, включив в него Н.И.Вавилова, Н.Д.Зелинского, Б.Д.Грекова, Ф.Ю.Левинсона-Лессинга, П.П.Лазарева, И.А.Орбели, Л.А.Орбели, Д.М.Петрушевского, С.Г.Струмилина, А.Е.Ферсмана, В.Г.Фесенкова и других. Вернадский выражал готовность работать в означенном секторе. Он полагал, что сектор со временем может быть преобразован в "Дом Менделеева или Лобачевского", в задачу которого должно было бы войти "сохранение и изучение истории науки и техники в России и в Союзе на мировом фоне с архивом и с материалами для биографий ученых и техников" (цит. по: 67, с. 480). Можно не сомневаться, что прежде чем называть в связи с историей науки и техники имена своих именитых коллег—академиков Вернадский получал на то их согласие. Что касается задач истории науки и техники как области знания, то они были изложены Вернадским еще в 1927 г. в брошюре "Мысли о значении истории знаний" и, несомненно, были известны членам академии. Помимо этого, Вернадский неоднократно излагал свое понимание задач и целей истории науки и техники в докладах, лекциях и в беседах с коллегами. Можно не сомневаться, что в лице Д.Н.Зелинского

Вернадский встретил единомышленника. И именно это обстоятельство послужило причиной, что подписи этих ученых оказались рядом под документом, сыгравшим столь важную роль в восстановлении в нашей стране Института истории естествознания (позже преобразованного в Институт истории естествознания и техники).

6 января 1945 г. В.И.Вернадского не стало. В октябре того же года Президиум АН СССР вынес постановление о создании Комиссии по изучению и разработке научного наследия академика В.И.Вернадского во главе с академиком Н.Д.Зелинским (66, с. 10). В это наследие входили также капитальные труды по истории русской и мировой науки, остававшиеся в рукописях.

9 февраля 1945 г. Президиум АН СССР принял решение об организации Института истории естествознания. В состав Ученого совета во главе с директором института В.Л.Комаровым вошел и Н.Д.Зелинский.

После окончания войны интерес к истории отечественной и мировой науки резко возрос. К этому времени Комиссия по истории естествознания, лишившись своего руководителя, прекратила свою деятельность. Однако МОИП сохранил значение одного из центров, объединяющих не только профессиональных историков науки, но всех естествоиспытателей, интересующихся ее проблемами. В 1950 г. по инициативе С.Л.Соболя в МОИП начинает работать Секция истории естествознания. Секция развернула широкую деятельность, с докладами на ее заседаниях выступали как опытные историки науки, так и начинающие работать в этой области аспиранты, для которых МОИП стал подлинной школой. Вице-президент МОИП В.А.Варсонофьева, подводя итоги пятилетней деятельности секции, писала: "В докладах секции широко освещалась научная и общественная деятельность выдающихся отечественных ученых: Ломоносова, Радищева, Герцена, Огарева, Дядьковского, Зыбелина, Болотова, М.Максимовича, Щуровского, Спасского, Цвета, Переяславцевой, Лутугина, Чаплыгина и мн. других" (12). Варсонофьева отметила, что по инициативе Президиума МОИП и Секции истории естествознания были проведены общие собрания Общества, посвященные заметным датам в истории науки: 500-летию со дня рождения Леонардо да Винчи, 1000-летию со дня рождения Абу-Али-Ибн-Сины (Авиценны), 150-летию со дня смерти А.Н.Радищева, 25-летию со дня смерти микробиолога В.И.Омелянского и др.

На первом заседании секции 26 октября 1950 г. были заслушаны доклады В.В.Алпатова "И.М.Сеченов и В.И.Вернадский — основоположники молекулярной биологии" и В.Ф.Мирека "Критический обзор библиографического указателя по истории еотествознания" (М., 1949)". Как отметила Н.А.Григорян (68, с. 152), "в первые годы секция строила свою работу в содружестве с другими секциями: геологической и минералогической, ботанической..., с физиками...; были проведены

заседания, посвященные деятельности виднейших физиков — Н.А.Умова, М.Ф.Спасского и П.Н.Лебедева..." Совместно с химическим факультетом МГУ 28 февраля 1952 г. было проведено заседание, посвященное 45-летию со дня смерти Д.И.Менделеева с докладом Б.М.Кедрова "О новых материалах по истории периодического закона". Ряд совместных заседаний было проведено с антропологами и с медиками; речь на них шла о выдающихся медиках прошлого — Н.И.Пирогове, С.Г.Зыбелине, И.Е.Дядьковском. Были прочитаны доклады по истории агрономии и животноводства, в частности, В.О.Витт выступил с ярким докладом "Племенное дело в Древнем Риме". С докладами на секции выступали также видные ученые и историки науки: Х.С.Коштоянц, Г.К.Хрущев, В.Н.Терновский, В.С.Зубов, И.Д.Страшун, Б.М.Кедров, Ю.С.Мусабеков, Н.И.Ушакова, Б.Е.Райков, А.Д.Некрасов. Практиковались совместные заседания Секции истории естествознания с другими московскими научными обществами. Так, совместно с Московским обществом физиологов, фармакологов и биохимиков и Московским микробиологическим обществом были проведены заседания, посвященные 75-летию XII съезда русских естествоиспытателей и врачей (с докладами И.Д.Страшуна, В.М.Кирзона, М.В.Лебедевой, Н.В.Голикова); 90-летию со дня рождения известного физиолога А.Ф.Самойлова (с докладами В.В.Парина, Н.А.Григорьян). В 1959 г. совместно с Московским обществом историков медицины было проведено заседание, посвященной 100-летию "Целлюлярной патологии" Р.Вирхова (с докладом И.В.Давыдовского). Весьма торжественно МОИП отметило память о выдающемся биологе-эволюционисте профессоре Московского университета К.Ф.Рулье (с докладами Б.Е.Райкова, С.Р.Микулинского). В памятном для истории эволюционного учения 1959 г. на годичном собрании МОИП с яркой речью выступил знаток научного наследил Ч.Дарвина С.Л.Соболь. Следуя высоким научным идеалам Общества Секция истории естествознания в трудные для биологов нашей страны годы утверждала и отстаивала объективную картину развития эволюционной и теоретической мысли в мировой и отечественной биологии.

Внимание МОИП к вопросам истории науки приобрело в XX в. новое глубокое основание. Все яснее становилось, что изучение истории науки отвечает не только интересам преходящего момента, но призвано вникать в пробуждение народного самосознания в эпоху кризисов. Имея в виду идею изучения истории научных знаний в России, выдвинутую в 1915 г. С.Ф.Ольденбургом и А.С.Лаппо-Данилевским, В.И.Вернадский писал: "Издание исторических очерков... впервые должно было подвести итоги глубокому историческому процессу — росту, углублению и расширению научной мысли в среде нашего народа" (1, с. 390). Подчеркивая, что процесс этот современниками не сознавался и не мог быть оценен по

достоинству, Вернадский настаивал: "История русской науки и история научной мысли и научной работы в нашей стране вообще представляет особый интерес и имеет большое значение даже вне всякого отношения к жизни нашего Союза" (там же). Он объяснял это тем, что "рост научной мысли и научной работы в нашей стране является неразрывною и важной частью большого мирового процесса — роста науки в пределах западноевропейской цивилизации" (там же). Будучи уверен, что реальное значение русской научной мысли в этом общечеловеческом движении "очень велико", ученый резюмировал: "История науки в XVIII-XX вв. не может быть познана и изложена без истории русской науки, а для этого необходима большая исследовательская работа. Это — наша обязанность..." (там же).

Деятели МОИП, его президенты в первую очередь, понимали значение истории науки. Рассматривая естествознание и шире — науку как интернациональное поле деятельности, как общечеловеческое достояние, поддерживая и проводя в жизнь идею международной солидарности ученых, деятели МОИП рассматривали науку России как часть мировой науки. Они держали в поле зрения животрепещущие проблемы человечества, разрабатывали концепцию планетной организации и эволюции природных процессов, не скрывали своей озабоченности по поводу состояния окружающей человека природной среды. Наконец, пробуждение интереса к истории науки во всем мире воспринималось как закономерное явление. По словам Вернадского, "оно связано с глубоким вселенским переворотом в научных представлениях о мироздании..." (1, с. 261).

Часть четвертая

БОРЬБА ЗА НОРМАЛИЗАЦИЮ ПОЛОЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

В 1955 г. на посту президента МОИП Н.Д.Зелинского сменил выдающийся ботаник и биогеоценолог В.Н.Сукачев (1880-1967). История его избрания поучительна и свидетельствует о том, как строго Общество соблюдало демократические принципы, заложенные в его Устав. Совет МОИП проявил мужество и принципиальность, избрав президентом Общества ученого, находившегося в открытой оппозиции Т.Д.Лысенко, пользовавшемуся поддержкой власти.

Предложение об избрании В.Н.Сукачева действительным членом Общества было внесено на обсуждение Совета МОИП, состоявшемся 5 декабря 1942 г., вице-президентами Л.М.Кречетовичем и Л.И.Курсановым, и ученым секретарем С.Ю.Липшицем. Совет единогласно поддержал это предложение. 24 декабря 1942 г. на отчетном Общем собрании МОИП В.Н.Сукачев был единогласно избран действительным членом Общества.

С 1944 г., после переезда из Свердловска в Москву, началась его активная работа в Обществе: Владимир Николаевич выступает с докладами на заседаниях ботанической секции, публикует статьи в "Бюллетене МОИП". В 1948 г. его избирают членом Совета МОИП и главным редактором "Бюллетеня МОИП. Отд. биологический". В.Н.Сукачев редактирует словарь "Русские ботаники", подготовленный С.Ю.Липшицем; с 1947 по 1953 год вышло четыре тома (издание было прекращено после ликвидации самостоятельного издательства МОИП). Под редакцией Владимира Николаевича было опубликовано два сборника "Землеведения" (т. 2, 1948; т. 3, 1950).

После кончины Н.Д.Зелинского, с которым, по свидетельству А.Л. Яншина, "В.Н.Сукачев был очень дружен", обязанности президента МОИП исполнял вице-президент П.А.Баранов. Однако последний работал в Ботаническом институте в Ленинграде и потому, по словам А.Л.Яншина, "возглавить деятельность Московского общества испытателей природы не мог". 12 апреля 1954 г. вице-президент МОИП В.А.Варсонофьева на заседании Совета Общества предложила избрать президентом МОИП В.Н.Сукачева. Совет поддержал его кандидатуру, но отложил официальное голосование до приезда П.А.Баранова. 8 февраля 1955 г. на заседании Совета, проходившем под председательством П.А.Баранова, В.Н.Сукачев был единогласно тайным голосованием избран президентом МОИП. Приводя эти подробности в своей статье о В.Н.Сукачеве, А.Л.Яншин стремился не только восстановить важное событие в жизни Общества, но и подчеркнуть важность соблюдения уставных демократических принципов даже в трудные для МОИП, как и для всей науки нашей страны, годы,

омраченные августовской сессией ВАСХНИЛ 1948 г. и последовавшими за этим репрессиями (120).

При всей своей занятости в Академии наук В.Н.Сукачев уделял деятельности МОИП много сил и времени. Под его председательством регулярно проходили заседания Совета Общества. По его инициативе в МОИП была создана секция биогеоценологии. "...Особенное внимание он обращал на развитие в Обществе деятельности секции генетики, поскольку это важнейшее научное направление в те годы почти исчезло в тематике научно-исследовательских учреждений" (120, с. 213-214). С докладами в МОИП выступали Б.Л.Астауров, Н.П.Дубинин, В.В.Сахаров и другие генетики. Заседания секции генетики, председателем которой был Н.П.Дубинин, ученым секретарем В.В.Сахаров, собирали многолюдную аудиторию. В.Н.Сукачев практиковал совместные сессии секций Общества с другими обществами и научно-исследовательскими институтами, вынося на обсуждение важнейшие проблемы современного природоведения. Так, например, в читальном зале Библиотеки МОИП многократно проходили обсуждения программ комплексных работ на стационарах Института леса. Предварительные программы стационарных комплексных биогеоценотических исследований, составленные под руководством В.Н.Сукачева, были опубликованы в т.3 сборника "Землеведение" (1950), изданном Обществом. Характеризуя дух подхода Сукачева к исследованиям биогеоценоза, М.С.Гиляров писал: при изучении последнего "им признавался примат растительности — исходного звена всех энергетических процессов в цепях питания и в геохимических преобразованиях биосферы" (121, с. 34). А.Л.Яншин, считавший учение о биогеоценозе венцом теоретических обобщений В.Н.Сукачева, отмечал, что в этом учении "отразилась идея единства и взаимосвязи экотопа (атмосферы, литосферы, педосферы и гидросферы) и организмов (растений, животных и микроорганизмов), образующих биоценоз". Учение Сукачева "развилось на стыке биологических и географических наук, и, разрабатывая его, В.Н.Сукачев показал себя достойным продолжателем тех традиций, которые были заложены в отечественной науке В.В.Докучаевым и получили блестящее развитие в трудах В.И.Вернадского" (120, с. 205-206).

Соратники В.Н.Сукачева по работе в Совете МОИП и в редколлегии "Бюллетеня МОИП" с восхищением отзывались о стиле его руководства Обществом и его мужестве перед лицом нападок на МОИП и его журнал. По словам А.Г.Воронова, на страницах "Бюллетеня МОИП" и "Ботанического журнала" Владимир Николаевич "начал непримиримую борьбу с лжедарвинистами, занявшими многие ключевые посты в биологической науке, в частности на биолого-почвенном факультете" (122, с. 27). После критической статьи в "Бюллетене МОИП" Сукачев и члены редколлегии журнала были приглашены в ректорат МГУ на специальное заседание.

"Владимир Николаевич очень резко и принципиально отвечал оппонентам и сказал в заключение, что линия "Бюллетеня" останется прежней. Он ушел со словами, что его позиция не изменилась, и журнал продолжал критиковать лженаучную ревизию основ современной биологии" (там же, с. 27-28). Но свидетельству Воронова, Сукачев отдавал Обществу очень много времени: проводил почти все заседания редколлегии "Бюллетеня", Президиума и Совета МОИП, "принимал живейшее участие в обсуждении всех повседеневных вопросов" (там же, с. 28). Т.А.Работнов, которого Сукачев осенью 1948 г. привлек к работе в редколлегии "Бюллетеня МОИП", часто встречался с ним, наблюдал его деятельность "в очень трудный период для биологической науки в нашей стране, в первые годы после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года". Сукачев был уверен, что придет время, когда "наша наука вновь будет беспрепятственно развиваться". Для него было ясно, что "возражать против решений этой сессии бессмысленно, что важно сохранить научные кадры, максимально снизить отрицательные воздействия этой сессии, воспрепятствовать псевдонаучным исследованиям". "Это ему удалось в руководимых им учреждениях", — свидетельствует Работнов (123, с.144). Сукачев выступил инициатором дискуссии по ряду принципиальных, кардинальных проблем биологической науки, способствовавшей "постепенной нормализации состояния биологической науки в нашей стране". Напоминая о критических выступлениях В.Н.Сукачева против неправомерных выводов и рекомендаций Т.Д.Лысенко, Работнов заключил: "Владимир Николаевич был вдохновителем и организатором борьбы за нормализацию положения в биологической науке" (там же, с. 146).

7 июня 1955 г. В.Н.Сукачеву исполнилось 75 лет. Отмечая эту дату, Общее собрание МОИП избрало Владимира Николаевича почетным членом Общества. Был подготовлен т. 4 "Землеведения", посвященный В.Н.Сукачеву (вышел в 1957 г.). К 80-летию своего президента Общество подготовило "Сборник работ по геоботанике, ботанической географии, систематике растений и палеогеографии" (под редакцией Т.А.Работнова). Еще через пять лет был готов к изданию т. 7 "Землеведения" с большой статьей вице-президента МОИП А.Г.Воронова о В.Н.Сукачеве (однако выход тома был задержан до 1967 г. и сборник вышел уже с некрологом). (120, с. 214).

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Возглавив Московское общество испытателей природы в 1967 г. Александр Леонидович Яншин (1911-1999) оставался его бессменным президентом более 30 лет. Выдающийся геолог, крупный организатор отечественной науки на посту вице-президента Академии наук СССР,

обремененный множеством дополнительных хлопотных обязанностей, А.Л.Яншин хорошо понимал роль МОИП как старейшего русского естественнонаучного общества в научной и культурной жизни нашей страны.

Будучи прекрасно знаком с историей МОИП, А.Л.Яншин считал важным подчеркнуть причастность МОИП к истории многих известных научных учреждений страны. В 1980 г. в статье "Юбилеи старейшины научных обществ России" он писал: "Если наглядно изобразить все учреждения, основанием к развитию которых послужили коллекции или деятельность Общества, получится настоящее родословное древо: Зоологический музей МГУ, Музей антропологии, Гербарий ботанического факультета, Лаборатория И.П.Павлова, Никитский ботанический сад, Ботанический сад Ботанического института АН СССР, Минералогическая коллекция МГУ и Геологического института и т.д." (9, с. 67).

А.Л.Яншин не только сам обращался к теме истории Общества, но и инициировал появление статей по истории отдельных этапов жизни МОИП, истории отдельных секций, журналов и библиотеки Общества, биографических очерков о членах МОИП. По инициативе А.Л.Яншина мной был подготовлен и в 1996 г. благодаря его усилиям увидел свет небольшой очерк, посвященный 190-летию МОИП (31). Настойчивость Александра Леонидовича, его заинтересованность в судьбе скромной брошюры стала понятной позже: по существу президент Общества начинал подготовку к 200-летнему юбилею Общества, о котором один из его предшественников на посту президента МОИП, Н.Д.Зелинский сказал: "полезную работу его можно сравнить с деятельностью Академии наук в дореволюционное время..."

В послевоенные годы Общество продолжало объединять прогрессивные научные силы страны, живо откликаясь на новые тенденции, обнаружившиеся в развитии естествознания в середине XX в., а также на потребности научного и культурного развития страны. Деятельность МОИП протекала уже в новых условиях, о которых кратко и выразительно сказал академик А.Л.Яншин: "За последние 50 лет изменился сам стиль работы Общества. Советское государство создало мощную разветвленную сеть академических и ведомственных научно-исследовательских учреждений, на работу которых отпускаются огромные ассигнования. Поэтому отпала необходимость организации экспедиций и проведение лабораторных исследований силами Общества. Но в значительной мере возросла его роль как центра по обмену научными мыслями, как организатора дискуссий по самым спорным проблемам естествознания, как творческой школы научной молодежи, особенно университетской. Дифференциация естествознания коснулась и структуры Общества. Если в старое время на заседания Общества собирались все его члены, то сейчас общие собрания Общества происходят сравнительно

редко. В его составе работает 30 секций и других подразделений по различным отраслям естествознания. Секции ежегодно проводят несколько десятков рабочих совещаний и ежемесячные собрания, на которых делают доклады крупные ученые и пробует свои силы в науке молодежь. Члены МОИП живут и работают во многих центрах нашей страны, создавая там отделения Общества"(9, с. 70-71).

Бережно поддерживая научные и организационные традиции МОИП и одновременно чутко откликаясь на все новое, что появлялось в его границах, А.Л.Яншин успевал глубоко вникать в многостороннюю жизнь Общества, его многочисленных секций и отделений, заинтересованно и конкретно руководил Советом и Президиумом МОИП. Благодаря усилиям А.Л.Яншина Общество расширило возможности для публикации докладов и статей своих членов. Бесперебойно выходили журналы Общества — "Бюллетени МОИП" (отделы геологический и биологический). В нелегкие для страны 1990-е годы А.Л.Яншин использовал весь свой жизненный опыт и огромный авторитет, чтобы не допустить развала МОИП, сберечь актив Общества, обеспечить его выживание как демократической научной и научно-общественной структуры. А.Л.Яншин оставался деятельным до последних минут жизни. Мысль его оставалась молодой, а память поразительно точной. Его приветливость и благожелательность создавали в Обществе комфортную и творческую атмосферу. А.Л.Яншин находил время, чтобы откликаться на присылаемые ему коллегами книги, статьи и авторефераты. Часть из его откликов нашла отражение в сборнике "Из неопубликованного", подготовленного к изданию Ф.Т.Яншиной (90). Позволю себе сказать, что храню письма А.Л.Яншина, содержащие анализ нескольких моих статей. Последнее его письмо ко мне датировано 26 июля 1999 г. и посвящено обсуждению моей статьи в первом номере "Бюллетеня МОИП" за 1999 г. Вернувшись домой после месячного пребывания в больнице, Александр Леонидович ознакомился с ее содержанием и высказал интересные соображения о перспективах теоретической биологии. За строками этого его письма просматривается доминанта его деятельности последних десятилетий, остро волновавшая ученого тревога за судьбу биосферы, за дальнейшее развитие биосферологии и за перспективу медленно налаживающегося союза между учением о биосфере и теоретической биологией. Эти коренные вопросы естествознания А.Л.Яншин тесно связывал с будущим России и всего человечества.

Энциклопедически образованный ученый, А.Д.Яншин глубоко осознавал нависшую над природой и человечеством опасность. Он остро ощущал связь между культурой и отношением к природе. В 1996 г., приветствуя журнал "Природа и человек", Яншин писал: "Любовь к природе, бережное отношение к ней, не противоборство, а единство природы и человека всегда одушевляли русскую науку и культуру... Мне как геологу, много лет исследовавшему ресурсы нашей Земли, много

повидавшему, побывавшему в самых разных уголках нашей страны и мира, защита природы, честный рассказ об ее бедах очень близки". Этими словами президент МОИП одновременно как бы подвел итоги усилиям, которые на протяжении всего XX столетия прилагало Московское общество испытателей природы для сохранения природы в интересах России и всего человечества.

А.Л.Яншин проявлял озабоченность об укреплении теоретической основы, опираясь на которую общество получало возможность более осмысленно строить свои отношения с природой. Возглавляя МОИП, академический Научный совет по проблемам биосферы и Комиссию по разработке научного наследия В.И.Вернадского, используя весь свой опыт и знания, Яншин приступил к осуществлению грандиозного проекта: изданию библиотеки трудов В.И.Вернадского. В 1992 г. под общей редакцией А.Л.Яншина появился первый том задуманной Библиотеки, а в 2003 г. уже тринадцатый том; нужно ли напоминать, что издание этой уникальной Библиотеки совпало с трудными временами для нашей науки и научной печати.

МОИП активно поддержало своего президента, решительно осудившего проект переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги. На заседании правительственной Комиссии, где проходило обсуждение этого проекта (уже поддержанного Госпланом СССР и согласованного с ЦК КПСС), А.Л.Яншин заявил: "Такой проект нашей стране не нужен. Необоснованность и вредность его по всем параметрам очевидны. Я заявляю это официально как ученый. Однако мне известно, что стоят за ним большие силы. Но надо любой ценой проект приостановить. Со своей стороны я сделаю все возможное, обещаю твердо" (134, с. 101). По словам В.Ф.Парфенова, на этом заседании впервые была осуществлена "попытка обсудить вне закулисных интриг, принципиально и открыто, один из "проектов века", реализация которых в прошлом наносила обществу и природе существенный урон" (там же, с. 102). В 1989 г., используя трибуну первого Съезда народных депутатов СССР, народный депутат А.Л.Яншин поднял вопрос о целесообразности строительства Катунской ГЭС. И в этом случае развернулась борьба; окончательное решение было принято лишь в 1995 г., что помогло сохранить горный Алтай как экологически чистый регион России. В 84 года Александр Леонидович возглавил Российскую экологическую академию; цели и задачи этой научно-общественной организации он разъяснил на Всероссийском съезде по охране природы. В 1997 г. Яншин основал при Российской экологической академии журнал "Экология России". Вступительную статью в первом номере журнала, озаглавленную "Глобальные экологические проблемы на рубеже XXI века", он закончил словами: "...экологом может быть только тот человек, который думает не о личной наживе, а о благе других людей, причем не только живущих

сейчас, но и будущих поколений". Таким экологом, таким ученым был президент Московского общества испытателей природы Александр Леонидович Яншин. От К.Ф.Рулье до наших дней МОИП оставалось центром экологической, биоценологической, биогеоценологической и биосферной мысли. А.Л.Яншин, всячески поддерживая и развивая эту традицию, был уверен, что Общество и дальше будет оставаться оплотом экологической науки и природоохранного движения в России. Знаменательно, что к 200-летию Московского общества испытателей природы МГУ и МОИП провели Всероссийский конкурс научных студенческих работ по проблеме "Биотехнология — охране окружающей среды". 230 студентов из 70 вузов страны прислало на конкурс более 220 работ, опубликованных ко дню юбилея МОИП (135).

А.Л.Яншин поддерживал обсуждение в Обществе идей, считавшихся спорными, и приглашение с докладами ученых, зарекомендовавших себя активными борцами с Т.Д.Лысенко и его взглядами. Так, в МОИП неоднократно выступал с докладами А.А.Любищев, смело отстаивавший право на существование подлинно научной теоретической биологии, выступавший за проникновение в биологию духа мышления точных наук. Плодотворно работала Комиссия по применению математики в биологии МОИП, организованная в 1957 г. Н.А.Плохинским, А.А.Ляпуновым, В.В.Алпатовым, Е.С.Смирновым, А.Н.Урановым. В МОИП проводились Любищевские (биометрические) чтения (в 1975-1990 гг. тезисы сообщений публиковались в "Докладах МОИП. Общая биология"). Ведущую роль в популяризации идей и большого научного наследия А.А.Любищева сыграли в МОИП С.В.Мейен, Ю.А.Шрейдер и Б.С.Шорников. При прямой поддержке А.Л.Яншина были изданы труды XXV Любищевских чтений, посвященных теме: "Теория эволюции: наука или идеология?" (1998). В 2003 г. увидел свет сборник XXX Любищевских чтений под названием "Любищев и проблемы формы, эволюции и систематики организмов" (оба названных сборников вышли под редакцией Б.И.Кудрина).

С большим интересом А.Л.Яншин относился к научному наследию А.Л.Чижевского, еще в 20-30-е годы XX в. изучившего влияние солнечной активности на метеорологию и климат разных районов Земли, на состояние ледового покрова в Арктике, колебания урожайности растений и численности грызунов, на распространение ряда эпидемических болезней, колебания смертности от инфарктов и других сердечно-сосудистых болезней. Далеко не все ученые были готовы принять выводы Чижевского. Зная об этом, А.Л.Яншин писал: "Недавние проверочные работы, предпринятые на большом материале учеными разных институтов Академии наук СССР, подтвердили правильность основных выводов А.Л.Чижевского". И счел нужным прибавить: "В Московском обществе испытателей природы раз в два года проводятся чтения памяти этого

ученого, на каждом из которых приводятся все новые и новые факты о связи земных явлений с солнечной активностью, преимущественно из области биологии и медицины" (92, с. 55).

Через Комиссию по применению математики в биологии Общество поддерживало тесные контакты с другими научными центрами страны — институтами Академии наук, университетами, обществами естествоиспытателей, а также Ульяновским государственным педагогическим институтом, где последние годы жизни работал А.А.Любищев. В этих центрах шла работа по возрождению классической биометрии, кибернетики и теоретической биологии в нашей стране, после ряда лет засилья так называемого "мичуринского учения" Т.Д.Лысенко. За последние годы сделано немало для восстановления истории разрушения теоретической биологии в СССР, преследования за научные убеждения отдельных ученых и целых научных школ, попыток искоренения целых наук и научных направлений. Потребовались годы, чтобы восстановить утраченные позиции и выйти вновь на мировой уровень исследований. И все же нельзя не видеть, что в трудных условиях работа творческой мысли в биологии нашей страны не замирала. Настойчивыми усилиями отдельных ученых и научных центров, среди которых должно быть названо и Московское общество испытателей природы, удалось постепенно нормализовать обстановку. Демократические принципы, на которых было организовано и более 140 лет осуществляло свою деятельность Общество, помогло ему противостоять разрушительному воздействию августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Известную роль в этом сыграла и организованная в 1953 г. Секция истории естествознания, во главе которой стояли убежденные дарвинисты: С.Л.Соболь, Б.С.Матвеев, Л.Я.Бляхер.

Руководство Общества во главе с А.Л.Яншиным поддерживало секцию генетики и ее председателей — Н.П.Дубинина и сменившего его на этом посту В.В.Сахарова. Доклады генетиков собирали в Обществе полные аудитории. Неоднократно в МОИП выступал с докладами Н.В.Тимофеев-Ресовский; его рефераты печатались в "Докладах МОИП".

Предметом постоянной заботы руководства МОИП оставалась Библиотека Общества. За прошедшие 200 лет Библиотека МОИП превратилась в одно из богатейших книжных хранилищ России. Не случайно, конечно, еще в 1923 г. правительство РСФСР отнесло фонды Биоблиотеки МОИП, в одном ряду с фондами Государственного исторического музея и Третьяковской галереи, "к категории наиболее ценных хранилищ духовного наследия нашего народа" (9, с. 71). Библиотека Общества установила связи по книгообмену с 450 научными организациями из 49 стран мира. Сегодня ее фонды насчитывают более полумиллиона единиц хранения; по ценности своих фондов, включающих немало уникальных журнальных и книжных изданий, Библиотека

Общества стоит на третьем месте в стране. С сожалением приходится отметить, что из-за отсутствия необходимых средств книгообмен Библиотеки МОИП в последние годы катастрофически сокращается. Библиотека вынуждена порывать связи, которые поддерживались подчас по сто и более лет. Судьба Библиотеки, ее нынешние проблемы рассмотрены в специальной статье Ю.В.Чайковского (22). В ней отдана заслуженная дань подвижническому труду нескольких поколений библиотекарей общества (и приведен список их имен с 1829 по 1997 гг.).

МОИП И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Между Московским университетом и Московским обществом испытателей природы на всем протяжении 200-летней истории МОИП существовала самая тесная связь. "...Можно с полным правом утверждать, что Общество испытателей природы было и остается до сих пор очень важным звеном общего университетского дала в развитии науки и подготовке новых кадров" (19, с. 360). Л.И.Курсанов и В.А.Дейнега. которым принадлежит этот вывод, отмечали, обозревая в 1940 г. историю МОИП, что большинство наиболее активных членов общества принадлежало к профессорам и преподавателям Московского университета. Ученые университета всегда особенно ценили в Обществе возможность выйти за узкие рамки своей специальности и охотно выступали там с обзорными сообщениями. Немалую роль играло Общество в деле воспитания молодых кадров, включая и студентов, которые "в значительном числе посещали заседания общества" (там же). По признанию упомянутых авторов, для многих пожилых профессоров МОИП было "школой, нередко не менее важной, чем сам Университет" (там же). В свое время на заседаниях Общества они знакомились с новостями науки и "слушая прения, учились научному методу" (там же). Общество содействовало росту студентов, предоставляя им места на своих биостанциях для проведения летних работ, а также предоставляя средства для научных экскурсий и экспедиций. Наконец, через МОИП происходило пополнение научных и отчасти учебных коллекций Университета, как на это указывают отчеты Зоомузея и Гербария.

На тесную связь кафедр, музеев и институтов Московского университета с Московским обществом испытателей природы указывали видные ученые - зоологи, сравнительные анатомы, гидробиологи, ботаники, генетики, представители физико-химической биологии, экологи. Вот только несколько свидетельств. Прослеживая историю сравнительной анатомии в МГУ проф. Б.С.Матвеев подчеркивал: "Громадную роль в научной жизни Московского университета, в частности, Института сравнительной анатомии, сыграло Общество испытателей природы, учрежденное Г.И.Фишером еще в 1805 году... Каждая работа, выходящая

из стен Института сравнительной анатомии, докладывалась в Обществе испытателей природы. Для каждого молодого ученого быть допущенным к чтению доклада в обществе было большою честью, и оценка членов общества являлась первым научно-общественным смотром научной деятельности ученого. "Бюллетень" Общества испытателей природы был первым русским периодическим изданием, завоевавшим широкое распространение и признание в международной литературе" (33, с. 69). В очерке исследований по позвоночным животным в МГУ проф. С.И.Огнев указывал: "Организовывались многочисленные экспедиционные исследования, которые в значительной степени субсидировались Московским обществом испытателей природы" (34, с. 94). И далее, приводя обширный список орнито-фаунистических и систематических работ, он подчеркивал: "Большую роль в организации новых исследовательских орнитологических работ имело и имеет Московское общество испытателей природы. Эти работы печатались в "Бюллетенях" названного общества" (34, с. 97).

В очерке истории зоологического музея университета профессора С.С.Туров и Г.П.Дементьев отмечали: "В изданиях общества "Бюллетене" и "Мемуарах" стали появляться многочисленные работы Фишера и других лиц, основанные на изучении хранящихся в Зоологическом музее материалов. Общество испытателей природы начало экспедиционную работу, субсидирование поездок за материалами и приобретение коллекций. Главные поступления научного материала в тот период, когда заведовал музеем Фишер, шли через Общество испытателей природы и его членов" (16, с. 178). Однако и позже МОИП продолжал оказывать помощь Музею, передавая туда ценные коллекции по разным группам беспозвоночных и позвоночных. Приведу лишь один пример из очерка С.С.Турова и Г.П.Дементьева. "Обществом испытателей природы была передана в музей коллекция насекомых Мочульского, собранная им в различных странах света, имеющая большое количество типов описания насекомых Америки, Африки, Азии и др., коллекция Иконникова, весьма полно представляющая саранчевых насекомых Советского Союза, Южной Америки и Азии, коллекция Бостанжогло, многочисленные сборы насекомых из Поволжья, сборы А.Н.Желоховцева по пильщикам, сборы Ю.А.Костылева по осам, коллекция тощанок и т.д." (16, с. 194).

МОИП и лично Г.И.Фишеру отдают должное и составители новейшей сводки по истории Зоологического музея МГУ; по их признанию "Более чем на полвека деятельность МОИП стало важнейшим источником пополнения коллекций Кабинета" (131, с. 14).

С МОИП связываются первые этапы развития ботаники в Московском университете. Называя основным центром научно-исследовательской работы в области ботаники в Москве Горенский сад графа А.К.Разумовского, содействовавшего и росту сада Университета, В.А.Петров вторым таким центром назвал МОИП. "Другим центром научно-исследо-

вательской работы явилось организованное 26 сентября (7 октября) 1804 г., под председательством гр. А.Разумовского Общество испытателей природы при Московском университете..." (35, с. 264). Отдавая должное деятельности и авторитету основателей МОИП, Петров подчеркивал, что "и самая цель общества, выраженная уставом, явственно показывают причины его успеха" (там же). Интересы ботаники нашли в уставе МОИП яркое выражение. "Первой задачей являлось "усовершенствование сведений в ботанической истории обширной Российской империи". Второй — "собрание по географическому порядку всех произведений России по части минералогии, ботаники, зоологии. земледелия и промышленности". Третьей — поиски таких произведений, "кои могут составить новую ветвь Российской торговли"" (там же). Указанные цели общества планомерно реализовывались. "Бюллетень" публикует флористические сводки; известно, что сводка А.Н.Петунникова по флоре Тамбовской губернии появилась в журнале еще в 1865 г., на год раньше, чем ставшая образцовой "Флора Московской губернии" его учителя Н.Н.Кауфмана. МОИП способствовало активному изучению вопроса о флоре известняков, поднятому Д.А.Кожевниковым и В.Я. Цингером в "Очерке флоры Тульской губернии" (1880) и привлекшему внимание ряда ученых. "Особый толчок к этому дало Общество испытателей природы, предложившее на премию такую тему: "Собрать данные и материалы для объяснения особенностей флоры известняков по берегам Оки"", — отметил В.В.Алехин (36, с. 273). В решении этой задачи принял участие проф. И.Н.Горожанкин, сотрудники возглавлявшейся им кафедры морфологии растений; их экскурсиями были охвачены берега р. Оки от истоков до г. Орла, в Перемышльском и Лихвинском уездах Калужской губернии, между Калугой и Таруссой, между Серпуховым и Коломной Московской губернии, под Рязанью, между Рязанью и Спасском, Касимовым и Елатьмой, наконец, берега Оки под Муромом. В результате появилась работа С.Н.Милютина "Материалы по флоре известняков р.Оки" (1890) и ряд других публикаций (там же).

МОИП причастие судьбе гербария Московского университета. Его основание П.А.Смирнов связывал с именем немецкого ботаника Г.Ф.Гофмана, приглашенного одновременно с Г.И.Фишером в Россию по почину М.Н.Муравьева. Гофман является одним из основателей МОИП. По словам Смирнова, рост гербария "тесно связан с его крупным именем, широкой известностью в ботаническом мире" (37, с. 326). Важной вехой в истории гербария стал 1884 г. "В 1884 г. при проф. Горожанкине университетский гербарий обогатился крупным вкладом в результате передачи ему всех коллекций, которые были накоплены Московским обществом испытателей природы почти за 80 лет его существования. Эта передача состоялась согласно уставу общества, по которому все его коллекции поступают в распоряжение Университета. Всесветная

известность общества и его высокий авторитет в ученой мире, значительное количество напечатанных в его "Бюллетене" и "Мемуарах" чисто систематических работ, принадлежащих перу таких корифеев описательной ботаники как Буассье, Бунге, Бессер, Турчанинов, Ф.Б.Фишер, Траутфеттер, сыграли, конечно, видную роль в деле привлечения в его хранилище первоклассных материалов" (37, с. 327). Среди наиболее ценных собраний МОИП П.А.Смирнов выделил громадную коллекцию Г.С.Карелина и И.П.Кириллова, собранную в юго-западном Алтае и Семиречье, очень ценную коллекцию П.Э.Буассье из Греции и Малой Азии, его же коллекцию растений Испании, и ряд других. "Обществу не только дарили со всех сторон растения, но и специально для него приобретали, что делалось из самых лучших побуждений людьми, для которых были дороги интересы русской науки" (37, с. 328). Так, "купеческими детьми В.С. и П.С.Алексеевыми" было совершено приобретение "собраний Гольдбаха и Адамса, где также находится не мало ценного, нисколько не утратившего своего значения для современных флористических и монографических работ" (там же).

Неразрывно связано с МОИП становление экологии. Напоминая о роли Г.И.Фишера, который "организовал приток коллекционных материалов в Московский университет, их обработку и описание", совершил ряд научных экскурсий, сделался основателем Московского общества испытателей природы, А.Н.Формозов заключил: "Это общество, как известно, долгие годы объединяло и сейчас еще объединяет целый ряд выдающихся натуралистов, и очень много сделало для изучения природы нашей родины вообще и экологии животных в частности" (41, с. 78). Укоренение экологии позвоночных в Московском университете Формозов по справедливости увязывал с работами К.Ф.Рулье, созданной им школой зоологов-экологов (Н.А.Северцов, С.А.Усов, А.П.Богданов), а также с "Вестником естественных наук". "Рулье часто указывал на необходимость детального, углубленного изучения местной природы, которое мы не можем назвать иначе как экологическим", — подчеркивал Формозов (41, с.80). При этом он заметил, в частности, что, собирая материалы по фенологии весеннего пролета птиц, по вопросу о причинах временного сокращения числа городских ласточек в Европейской России и Западной Европе, "Рулье широко использует сведения корреспондентов, т.е. прибегает к методу, который у экологов только сравнительно недавно получил широкое применение" (там же). К имени К.Ф.Рулье обратился и В.В.Алпатов, стремясь выяснить идейные корни, на которых выросла лаборатория экологии беспозвоночных. "Первые ростки той отрасли зоологии, которую теперь называют экологией, — писал он, — появились в Московском университете с началом деятельности профессора Карла Францевича Рулье..." (42, с.51). В названной лаборатории, главными образом Г.Ф.Гаузе, было "положено основание новому направлению

биоценологии, а именно, экспериментально-математическому изучению борьбы за существование и естественному отбору в популяциях" (42, с. 58). Эти исследования Гаузе были активно поддержаны МОИП; в 1941 г. Гаузе подготовил монографию "Экология и некоторые проблемы происхождения видов", которая была принята в печать МОИП и доведена до стадии верстки. Разразившаяся война помешала выходу книги, лишь в 1984 г. эта работа увидела свет (43).

В 1979 г., вернувшись к освещению истории разработки проблем экологии в МГУ и МОИП, Т.А.Работнов и В.Н.Тихомиров (44) показали живые связи, соединявшие деятельность кафедр и лабораторий университета и секций Общества. Профессор МГУ А.Н.Формозов, деятельный член МОИП, многие годы возглавлял секцию зоологии Общества. "Именно под его влиянием экологическая тематика стала в последние десятилетия основной в деятельности секции", — писали названные авторы (44, с. 11). Они высоко оценили вклад в экологию известных деятелей МОИП — М.И.Голенкина, В.М.Арнольди, В.В.Алехина, С.А.Зернова, С.Н.Скадовского, В.В.Алпатова, Л.А.Зенкевича, В.Н.Сукачева. Обоснование В.Н.Сукачевым учения о биогеоцснозах, к примеру, заметно отразилось на МОИП. "Актуальные проблемы биогеоценологии обсуждаются на заседаниях и в изданиях МОИП, в обществе организована специальная секция биогеоценологии" (44, с. 13).

Особое место в деятельности МОИП занимают проблемы охраны природы, неотделимые от экологии и обоснованных ею законах организации живой природы. "Многие экологические исследования ведутся в наши дни в теснейшей связи с проблемами охраны природы, как ответ на запросы природоохранной практики. Это касается изучения экологии видов, требующих специальной охраны, разработки рекомендаций по рациональному использованию и охране природных ресурсов, обоснования оптимального режима охраны отдельных видов, сообществ и территорий. В этом нельзя не видеть продолжения присущей университету и Обществу традиции — живо и гражданственно реагировать на актуальные практические проблемы, выдвигаемые жизнью" (44, с. 14). В 1954 г. в МОИП была создана Комиссия по охране природы, позже преобразованная в секцию охраны природы — и по сей день одну из самых активных секций Общества. В 1954 и 1958 году в МОИП состоялись специальные природоохранные совещания. В 1959 г. в составе секции охраны природы была организована студенческая подсекция, из последней "год спустя на биологическом факультете МГУ возникла первая в нашей стране студенческая дружина по охране природы" (45, с. 96). У ее истоков стояли К.М.Эфрон и В.Н.Тихомиров. Активная работа секции охраны природы способствовала пробуждению общественного интереса к проблемам сохранения окружающей среды и возрождению природоохранного движения в послевоенный период. В 1957 г. в МОИП

было проведено совещание по вопросам охраны редких и исчезающих видов растений и уникальных геологических объектов. Материалы этого совещания, на котором было прослушано около 100 докладов, вошли в сборник "Совещание по вопросам охраны редких и исчезающих видов растений и животных и уникальных геологических объектов (25-30 марта 1957 г.)". Книгу опубликовать не разрешили, единственный корректурный экземпляр ее хранится в Библиотеке МОИП.

В составе секции охраны природы, которую с 1987 г. возглавляет К.М.Эфрон, работают биологи и географы, инженеры и химики, педагоги и философы. В рамках секции работает несколько специализированных семинаров: "Промышленная экология", "Биология популяций", "Естественнонаучное образование", "Природа Москвы и ее охрана"; ежегодно проводится олимпиада школьников по охране природы. Принимая во внимание, что строгое научное понятие "экология" оказалось в последние годы сильно искажено в печати и средствах массовой информации, "секцией был взят совершенно правильный и точный ориентир: привлечь внимание и специалистов и общества в целом к актуальным научным и социальным, теоретическим и сугубо практическим вопросам именно природоохранной, а не некоей малоконкретной "экологической" деятельности" (45, с. 96).

По традиции секция охраны природы поддерживает тесную связь с Географическим обществом. В 1955 г. по инициативе Л.А.Зенкевича МОИП совместно с Географическим обществом был организован лекторий по вопросам охраны природы. Проблемы охраны природы находятся в центре внимания секции биогеоценологии МОИП, работающей в тесном контакте о Советом по проблеме биогеоценологии и охраны природы Академии наук и рядом академических институтов. В МОИП создана комиссии по истории лесов, в поле зрения которой находятся вопросы состояния и охраны леса, влияния антропогенных факторов на развитие лесов, современного законодательства по охране природы.

Зоологические исследования Л.П.Сабанеева, К.А.Сатунина, Д.П.Филатова, Н.М.Кулагина, С.И.Огнева — ученых, связанных как с Московским университетом, так и с МОИП, подготовили почву для выделения экологических работ в особое научное направление и создания в МГУ сначала Лаборатории экологии, а позже и кафедры.

Особую роль сыграла кафедра зоологии позвоночных МГУ во главе с Б.М.Житковым. Кафедра установила деловые отношения с рядом хозяйственных организаций, ведающих пушными заготовками, звероводством и лесным хозяйством, и благодаря этому получила возможность проводить экспедиционные обследования и лабораторные работы, а также готовить кадры специалистов для самостоятельной работы. В 1920-е и в последующие годы зоологи МГУ, "работая в вузах, на биостанциях и в заповедниках, быстро продвинули вперед наши знания

экологии позвоночных одной шестой части земного шара" (41. с. 85). Многие из этих специалистов поддерживали тесную связь с МОИП и публиковали в трудах и журналах общества результаты своих работ.

Многие годы секцию зоологии МОИП возглавлял А.Н.Формозов. "Именно под его влиянием экологическая тематика стала в последние десятилетия основной в деятельности секции", — подчеркивали Т.А.Работнов и В.Н.Тихомиров (44, с. 11). Исследования самого Формозова по динамике численности позволили создать основы прогноза изменений численности некоторых хозяйственно ценных видов животных. Им были прослежены связи животных с растениями в биоценозах.

В 1931 г. В.В.Алпатов организовал на биологическом факультете МГУ лабораторию экологии — первоначально в составе Научно-исследовательского института зоологии, а с 1937 г. в составе кафедры зоологии беспозвоночных. Описывая историю лаборатории, Алпатов возвращается к истокам: "Первые ростки той отрасли зоологии, которую теперь называют экологией, появились в Московском университете с началом деятельности профессора Карла Францевича Рулье, приступившего ровно сто лет тому назад к чтению лекций по зоологии" (42, с.51). Касаясь деятельности А.П.Богданова, Алпатов выделил его мысль о необходимости изучать животных на фоне условий их существования, подчеркивая: "Это было как раз то, что мы теперь называем полевой экологией и биоценологией" (42, с. 52). Продолжатель дела А.П.Богданова Г.А.Кожевников "первый в России начал читать при Университете курс зоогеографии", показывая, что богдановские "ученики были хорошо посвящены в вопросы экологии - науки, близко примыкающей к зоогеографии" (там же).

Исследования В.В.Алпатова и его учеников были посвящены преимущественно экологической и географической изменчивости. При проведении экологических исследований Алпатов широко использовал эксперимент и вариационную статистику. В лаборатории были выполнены экспериментальные исследования по влиянию высоких и низких температур, ультрафиолетовых лучей и других воздействий на важных для практики видов животных. Как отметил еще в 1940 г. Алпатов, "в лаборатории, главным образом трудами Г.Ф.Гаузе, положено основание новому направлению биоценологии, а именно, экспериментально-математическому изучению борьбы за существование и естественному отбору в популяциях" (42, с. 58).

С МОИП тесно связана и экология растений. "Развитие экологии растений в нашей стране по сравнению с экологией животных пошло по другому пути. В то время как зоологи изучали отношения животных к окружающей среде на уровне видов и популяций, ботаники основное внимание наряду с аутэкологией уделяли изучению растительных сообществ; это привело к возникновению новой научной дисциплины — фитоценологии (вначале названной фитосоциологией)" (44, с, 12). Эта

емкая характеристика истории разработки проблем экологии в МГУ и МОИП, принадлежащая Т.А.Работнову и В.Н.Тихомирову, может быть дополнена указанием на то, что в своих истоках экология растений, как и экология животных, восходит к идеям К.Ф.Рулье. Профессор кафедры систематики и морфологии растений Университета Н.Н.Кауфман считал себя учеником Рулье, замечая: "...нужды нет, что Рулье был зоолог - довольно того, что он был истинный натуралист". В "Московской флоре" Н.Н.Кауфмана (1866) были впервые, по словам В.В.Алехина, поставлены вопросы ботанической географии (36, с. 273). Здесь же был поднят вопрос об "окской флоре" и вопрос о флоре известняков. Последней теме уделялось много внимания. "Особый толчок к этому дало Общество испытателей природы, предложившее на премию такую тему: "Собрать данные и материалы для объяснения особенностей флоры известняков по берегам Оки"" (там же).

Ученики И.Н.Горожанкина Б.А.Федченко и А.Ф.Флеров в 1902 г. выпустили "Пособие к изучению растительных сообществ Средней России". "Особенно нужно обратить внимание на "Пособие по изучению растительных сообществ". Это первое пособие в направлении изучения растительности, так как все раньше выходившие пособия касались изучения лишь флоры" (36, с. 274). В.В.Алехин, которому принадлежат эти слова, напомнил также, что призыв к изучению растительных сообществ содержался в предисловии к книге Е.Варминга "Ойкологическая география растений (введение в изучение растительных сообществ)", изданной в русском переводе в 1901 г. под редакцией М.И.Голенкина и В.М.Арнольди. "Пособие" Федченко и Флерова и "Ойкологическая география" Варминга положили начало геоботаническому этапу исследовательских устремлений московских ботаников (там же).

Большой вклад в развитие фитоценологии в Московском университете и МОИП внес В.В.Алехин. Его исследования охватывают: изучение степей России, их классификацию и районирование; геоботаническое обследование и картирование ряда областей европейской части России; проблемы теоретической фитоценологии. Он первым начал читать курс экологии растений (44, с. 13). По его учебникам училось не одно поколение ботаников. Тесно связанный с МОИП, Алехин публиковал свои работы и на страницах "Бюллетеня МОИП".

Наряду с ботаниками синтетический, системный подход к изучению проблем экологии применялся гидробиологами. Так, С.А.Зернов исследовал структуру водных биоценозов, С.Н.Скадовский сосредоточил внимание на изучении влияния физико-химических факторов среды на организмы водных экосистем, Л.А.Зенкевич широко развил работы по экологии обитателей моря, В.М.Арнольди "впервые прочел в университете курс гидробиологии, положив в основу его экологию водных растений" (44, с. 13). Все эти ученые были деятельными членами МОИП. В декабре

1972 г. в МОИП состоялось совещание "Островные фауны Мирового океана", на котором были подытожены исследования в этой области последних десятилетий, рассмотрены идеи ученых западных стран, показана связь проблем островной фаунистики с островной биогеографией и биоценологией. Полученные по этим вопросам данные были поставлены в связь с изучением истории фаун, флор и природных комплексов в целом как в пределах отдельных островов, так и на материковой суши. Рост интереса к островным фаунам, флорам и природным комплексам был связан, как отмечал А.А.Насимович, "с разрушительным воздействием на природу хозяйственной и гораздо чаще, если уточнять это понятие, бесхозяйственной и иногда милитаристской деятельности человека, от которой особенно пострадали острова Тихого океана. Существенное влияние оказало также интенсивное освоение природных богатств островов..." (57, с. 27). Проблемы палеоэкологии находились в поле повышенного внимания Секции палеонтологии МОИП. В ряде докладов, посвященных анализу комплексов ископаемой фауны и флоры, содержались выводы не только стратиграфического, биогеографического, но и синэкологического содержания. Проблемы палеоэкологии широко освещались на двух совещаниях, посвященных Р.Ф.Геккеру (в марте 1990 г. и в марте 1992 г.). Первое из них было посвящено 90-летию Р.Ф.Геккера - признанного лидера современной палеоэкологии, много сделавшего для разработки и утверждения основ этой специфической области экологии. Конференция "Морфология, эволюция и экология иглокожих", проведенная совместно с Палеонтологическим институтом РАН в марте 1992 г., была посвящена памяти этого выдающегося палеонтолога и эколога. Выдающиеся деятели МОИП — В.И.Вернадский, В.Н.Беклемишев, В.Н.Сукачев, А.Л.Яншин — приложили много усилий, чтобы реформировать теоретическую основу экологии и природоохранной деятельности. МОИП на своих заседаниях и в печатных изданиях поддерживало и развивало учение о биосфере и концепцию глобальной экологии.

В 1940 г. по инициативе А.А.Борисяка в МОИП была организована секция палеонтологии. Задачами секции ее почетный председатель А.А.Борисяк считал объединение палеонтологов, работающих в разных коллективах, и создание возможностей обмена достижениями, опытом и критикой. В составе секции в настоящее время состоит 144 ученых - палеонтологов, геологов, биологов и географов (по базовому образованию); среди них 53 доктора наук и 80 кандидатов, академики РАН Б.С.Соколов и Л.П.Татаринов, члены-корреспонденты РАН Э.И.Воробьева, А.Ю.Розанов, М.А.Федонкин.

За время существования секции (1940-2004 гг.) на ее заседаниях выступило 1395 человек и было прочитано 3379 докладов: среди докладчиков 82 ученых из 24 стран, включая маститых ученых из Китая,

США, Новой Зеландии и многих стран Европы: много докладов прочитано иностранными студентами и аспирантами МГУ (в основном из стран Азии и Африки). Регулярно проводятся конференции молодых палеонтологов; с I960 г. на 43 конференциях было прочитано 474 доклада. 44-ая конференция прошла в 2004 г. как Первая всероссийская школа для молодых ученых.

Не забывая завета А.А.Борисяка, что палеонтология должна развиваться как биологическая наука и заниматься прежде всего филогенией и что должна быть создана база эволюционной палеонтологии, секция постоянно расширяла тематику докладов, учитывая глубокие изменения в естествознании. Руководители секции стремились укреплять связь палеонтологии и биостратиграфии. Еще перед войной, в первые полтора года существования секции, здесь прозвучали доклады о фаунистических комплексах и их использовании в стратиграфии (А.А.Колоколов, О.А.Боброва, М.М.Жуков, В.В. Меннер) и первое сообщение по синэкологии (Р.Ф.Геккер). С 2002 г. годичные собрания секции получили название "Палеострат".

Помимо плановых заседаний секция провела немало конференций, семинаров, мемориальных заседаний. Например, за 1955-1992 гг. было проведено 22 совещания по общим вопросам: методологическим, систематики и филогении, критериям выделения высших таксонов и принципам оценки их ранга, общим проблемам палеоэкологии, тафономии, палеобиогеографии, стратиграфии, литологии и палеонтологии коралловых рифов. В 2004 г, прошла конференции на тему "Проблемы коэволюции абиотических и биотических событий" и "Современная российская палеонтология: классические и новейшие методы". Состоялось четыре заседания стратиграфического семинара (1994, 1995, 1998, 2000), на них заслушивались доклады о секвэнтной стратиграфии, инфразональной стратиграфии и общих проблемах стратиграфии в преддверии XXI в. Прошли также проблемные совещания "Загадочные организмы в филогении и эволюции" (1996), "Бактериальная палеонтология" (1998), "Палеоэкология в системе биологических и геологических исследований" (2000), "Палеобиогеография фанерозоя" (2002). Многие совещания, а также специальные заседания и отдельные доклады были посвящены юбилеям организаций и отдельных ученых (приятно отметить, что некоторых из них секция чествовала при их жизни: это М.А.Болховитинова, В.А.Варсонофьева, Н.А.Волкова, Р.Ф.Геккер, П.А.Герасимов, Е.А.Иванова, Д.М.Раузер-Черноусова, Е.А.Рейтлингер, В.Н.Шиманский, А.А.Эрлангер.

Секция палеонтологии важной формой своей работы считала издательскую деятельность. Статьи, авторефераты, хроники публиковались в "Бюллетене МОИП", под грифом МОИП вышло немало книг, рекомендованных в печать секцией, среди них помимо авторских

монографий такие издания, как "Ургонские отложения Советских Карпат" (1980); "Меловой биоценотический кризис и эволюция насекомых" (1988); "Нижний карбон Московской синеклизы и Воронежской антеклизы" (1993); в последние годы вышло несколько сборников статей и рефератов докладов, прочитанных на конференциях проведенных секцией. Труды многих членов секции удостоены премий и почетных дипломов МОИП. Руководители секции уделяли живое внимание истории секции (93, 94, 95, 96, 97).

Хотя на протяжении всего XIX в. МОИП продолжало практику общих собраний, в нем наметилось два отделения — биологическое и геологическое. Это разделение интересов, вызванное усиливающейся дифференциацией наук, нашло выражение в разделении прежде единого "Бюллетеня" на два отделения — биологическое и геологическое. По мере углубляющейся специализации знаний все большее самостоятельное значение в XX в. приобретают кафедры университета. И это обстоятельство не прошло для МОИП бесследно. Между университетскими кафедрами и секциями МОИП устанавливаются прочные связи. Новым явлением в истории МОИП в XX в. стало налаживание и упрочение связей с рядом научно-исследовательских институтов Академии наук и других ведомств.

На протяжении второй половины XX в. МОИП продолжало модернизировать свою структуру под напором ускорившегося процесса дифференциации и специализации научных знаний, расширения сети специальных научно-исследовательских институтов, появления новых кафедр в Московском университете, налаживания междисциплинарных связей, возросшей роли научных конференций, совещаний, симпозиумов, круглых столов и семинаров. МОИП сохранило свои основные отделения: ботаническое, зоологическое, геологическое и географическое, однако не сопротивлялось созданию в пределах каждого из них все новых подразделений — секций, комиссий, семинаров. Теперь общую характеристику деятельности основного отделения приходится дополнять данными о ее подразделениях. Не ставя задачей дать подобный обзор по всем основным отделениям, остановлюсь лишь не немногих примерах.

Обширную и интенсивную деятельность осуществляет геологическое отделение МОИП. Проблемы геологии обсуждались на общих собраниях МОИП задолго до появления в обществе секций. Членами МОИП состояли самые авторитетные геологи страны. Не случайно, конечно, что геологическое отделение ОЛЕАЭ возглавил А.П.Павлов — вице-президент МОИП. Как заметил А.С.Алексеев (2005), "доклады члены МОИП в основном делали на заседаниях геологического отделения ОЛЕАЭ, а статьи, основанные на них, публиковали преимущественно в "Бюллетене МОИП", хотя до 1917 г. издавался и "Вестник Геологического отделения ОЛЕАЭ"" (136, с. 86). После слияния МОИП и ОЛЕАЭ в МОИП в 1931-

1932 гг. неформально существовало геологическое отделение, которое с 1933 г. стало именоваться секцией. До начала войны ее возглавлял Г.Ф.Мирчинк. В 1970-е годы численность секции составляла внушительную величину — в ней работало около 200 человек.

Постепенно от базовой геологической секции отпочковывались все новые самостоятельные подразделения. В 1944 г. в самостоятельную секцию оформилась комиссия по осадочным породам (председатель М.С. Шевцов). В 1945 г. академик Ф.П.Саваренский образовал секцию гидрогеологии; в 1946-1975 гг. секцию возглавлял заведующий кафедрой гидрогеологии МГУ О.К.Ланге. В 1946 г. под председательством академика А.Н.Заварицкого была создана секция минералогии. Из основанной в 1945 г. подсекции петрографии выросла полноправная секция, последовательно возглавлявшаяся Е.А.Кузнецовым и В.С.Коптевым-Дворниковым, а с 1970 г. академиком А.А.Маракушевым. В 1976 г. из секции гидрогеологии выделилась секция инженерной геологии (председатель М.В.Чуринов). В 1990 г. из секции петрографии выделилась секция систематики минералов и полезных ископаемых (председатель Г.Б.Бокий). С 1972 г. в МОИП работает межсекционный семинар по применению математики в геологии (руководители М.В.Рац, С.Л.Афанасьев).

"Подводя итог, — пишет А.С.Афанасьев, — можно отметить, что в 1955 г. в Обществе работали всего четыре секции и одна подсекция (петрографии). Ныне, хотя и не так интенсивно, как раньше, продолжают свою деятельность 6 секций, одна подсекция и один межсекционный семинар. Есть надежда, что после спада последних лет, вызванного прежде всего социальными и экономическими преобразованиями в стране, геологические секции и все Общество в целом начнут новый виток своего развития" (136, с. 87). О масштабе деятельности геологического отделения МОИП можно отчасти судить по крупным совещаниям и конференциям, проводившимся секцией геологии в основном совместно с геологическим факультетом МГУ, Геологическим институтом АН СССР и другими организациями. "Из них можно отметить лишь некоторые: итоги работы Советско-монгольской геологической экспедиции (1975), по стратиграфии и тектонике неогена Средиземноморья (1975), к 100-летию П.А.Кропоткина (1976), по геологии Гондваны (1978), по проблемам геологии Центрального Казахстана (1979, 1985, 1990), юбилейную сессию, посвященную 125-летию А.П.Павлова (1979), конференцию по проблемам расширения и пульсации Земли (1981), по дистанционным методам в геологии (1982, 1983, 1992), по проблемам геологии и минеральным ресурсам Большого Кавказа (1984, 1989), по геологии и полезным ископаемым центральных районов Восточно-Европейской платформы (1984, 1991), по парагенезисам горных пород и геологических формаций

(1985), по структуре краевых прогибов" (36, с. 86). Тематические совещания проводились и другими геологическими секциями.

Так, секция осадочных пород организовала ряд совещаний по своей проблематике: в 1973 г. на тему "Литология биогенных рифов" и "Литология и палеогеография соленосных отложений", в 1974 г. — "Проблемы бокситоносных отложений" и "Жизнь в докембрии" (совместно с секцией палеонтологии), в 1975 г. — "Дифференциация твердого вещества на континентах и шельфе", в 1976 г. — "О проблемах эпигенеза (катагенеза)", "Литология на 25-й сессии МГК" и "Климатическая зональность и типы литогенеза в океанах", в 1977 г. — "Карбонатные породы, их преобразования и методы исследования" и "Литология и генезис фосфоритоносных отложений", в 1980-1982 гг. — "Карбонатные фации и формации Русской платформы и ее обрамления", "Глинистые минералы-индикаторы стадий катагенеза", "Генетические типы морских отложений" и "Осадочное и вулканогенно-осадочное фосфоритонакопление в докембрии". Эти и другие совещания собирали большое число участников и слушателей, в том числе иногородних и зарубежных (из Германии, Индии, Австралии, Болгарии). В секции были представлены все основные научные и учебные заведения Москвы, включая МГУ, АН СССР, МГРИ, МИНХиГП им. Губкина и другие.

На ежемесячных заседаниях секции редко ставился один доклад, часто заседания превращались в мини-конференции. "За первые 35 лет (1938-1972) было заслушано более 500 докладов московских и иногородних геологов, литологов и палеонтологов" (137, с. 94). В это число входят доклады на специальных заседаниях, посвященных памятным датам в истории прежде всего отечественной науки. Секция отметила 150-летие геолога Н.А.Головкинского, 100-летие литолога и литогеохимика Я.В.Самойлова, 110-летие А.А.Самойлова — основоположника агрогеологии и агролитологии в нашей стране, организатора и первого директора Научного института по удобрениям, профессора МГУ, и ряд других.

В секции подготовлены труды в виде авторских монографий и тематических сборников; часть их опубликована МОИП. Совет Общества отметил дипломами и премиями ряд работ членов секции, среди них монографию В.Т.Фролова "Литология" в 3-х книгах (первая премия за 1995), трехтомник "Исследования осадочных горных пород при составлении средне и мелкомасштабных геологических карт нового поколения" (первая премия 2000 г.), монографию О.В.Япаскурта "Литогенез и полезные ископаемые миогеосинклиналей" (вторая премия 1993 г.).

Литологическая секция "проводила большую работу по организации научного общения различных специалистов Москвы и других городов и даже стран. МОИП привлекало своей демократичностью и предоставляло

свою трибуну как маститому ученому, так и студенту. Возможность поделиться результатами исследований, проверить новые идеи, получить советы и критические замечания в ходе свободной дискуссии в неформальной обстановке важна для тех и других. Основная форма работы секции — заседания, обычно вечерние. Важна и издательская деятельность, сопровождаемая редакторской работой, помогающей молодым докладчикам готовить тексты к печати. В виде кратких авторефератов все докладчики могли опубликовать основные положения своих выступлений. Наиболее интересные доклады по рекомендации бюро секции публиковались в виде статей" (137, с. 94). Эта резюмирующая оценка приложима и к другим секциям Общества.

При поддержке и активном участии президента общества А.Л.Яншина в декабре 1977 г. была создана секция инженерной геологии. С момента организации и до 1984 г. председателем секции был профессор М.В.Чуринов. Двадцать последних лет секцию воглавляет заведующий кафедрой инженерной и экологической геологии, проректор МГУ профессор В.Т.Трофимов. Главной задачей секции является содействие развитию инженерной геологии как раздела геологической науки. К основным направлениям деятельности секции относятся: рассмотрение вопросов теории и методологии инженерной геологии, обсуждение новых проектов инженерно-геологического характера, а также пограничных с инженерной геологией вопросов рационального использования геологической среды и экологической геологии (138, с. 98). Совместно с геологическим факультетом МГУ, Научным советом РАН по проблемам инженерной геологии, гидрогеологии и геоэкологии, РАЕН и другими учреждениями секция организует тематические конференции, в том числе и международные. Среди них выделяются: "Новые идеи в инженерной геологии" (1996), "Инженерная геология сегодня и завтра" (1997), "Эволюция инженерно-геологических условий Земли в эпоху техногенеза" (1997), "Генезис и модели формирования свойств грунтов" (1998), "Наши учителя и коллеги - инженеры-геологи Московского университета" (1999), "XX век — личности и школы в инженерной геологии СССР и России" (2000), "Новые типы инженерно-геологических и эколого-геологических карт" (2001), "Петрогенетические, историко-геологические и пространственные вопросы в инженерной геологии" (2002), "Многообразие грунтов: морфология, причины, следствия" (2003), "Инженерная геология массивов лёссовых пород" (2004). На заседаниях секции рассматривались также прикладные вопросы инженерной геологии в связи с такими важнейшими проблемами, как изучение и прогнозирование процесса заболачивания по трассам переброски стока северных рек, анализ аварий сооружений на глинистых грунтах, проблемы инженерной геологии при изысканиях и проектировании железных дорог в условиях Крайнего Севера и Якутии и другие. Под эгидой МОИП были изданы следующие

труды: "Новые методы изучения инженерно-геологических условий (Материалы научных заседаний секции инженерной геологии за 1977-1978 гг.)" (М.: Наука, 1981), "Вопросы инженерной и экологической геологии (Материалы годичного собрания "К 25-летию секции инженерной геологии МОИП". Москва, 23 января 2003 г. под ред. В.Т.Трофимова и В.Н. Широкова (М.: Изд-во МГУ, 2004). В практике работы секции — обсуждение изданных работ. Среди последних внимание научной общественности привлекла монография "Теория и методология экологической геологии" (1997), ее авторы — В.Т.Трофимов, Д.Г.Зилинг, М.Б.Куринов были отмечены в 1998 г. первой премией МОИП. "В последние годы, несмотря на трудности работы МОИП и падение интереса к работе общественных научных организаций, секция инженерной геологии стремится сохранить свои традиции. Ежегодно проводится 6-7 заседаний, на каждом из которых обычно заслушиваются и обсуждаются два доклада" (138, с. 99).

Известностью пользуется подсекция минералогии и поделочного камня, выросшая из небольшого вначале "Кружка любителей камня" при секции петрографии. Кружком руководили А.Г.Воларович, а позже А.Н.Коробов. В середине 1980-х годов кружок был преобразован в подсекцию (руководитель А.Н.Коробов). Основное направление работы — просмотры коллекций минералов и организация ежегодных выставок "Удивительное в камне". Большинство выставок прошло в Биологическом музее им. К.А.Тимирязева, но также в Фонде культуры, в Политехническом музее, в Доме писателя и Доме художника, в Музее им. В.И.Вернадского. "В составе секции не так много профессиональных геологов и минералогов, но преобладают любители на правах членов-корреспондентов. Численность последних временами превышала 100 человек" (138, с. 87).

Географическая секция МОИП существует с 1931 г., ее создание последовало за слиянием МОИП и ОЛЕАЭ. Московское общество испытателей природы имело давние и богатые традиции в изучении проблем географии России и вопросов теоретической географии. Не случайно секцию возглавил вице-президент МОИП антрополог, географ, этнограф и археолог Д.Н.Анучин, в 1885-1920 гг. возглавлявший кафедру географии Московского университета. В задачи экспедиций, организованных МОИП, входили, как правило, географические и геофизические вопросы. К примеру, экспедиция Г.С.Карелина и И.П.Кирилова на Алтай в Джунгарию, Заиртышье и Семиречье в 1839-1841 г. составила географическое описание перечисленных территорий. В 1860-1870-е годы член МОИП П.П.Семенов-Тян-Шаньский делился своими географическими наблюдениями с Обществом после возвращения из путешествия по Средней Азии, Тянь-Шаню, Алтаю. Н.М.Пржевальский, член МОИП, охватил своими путешествиями громадную территорию (бассейн реки Уссури, Монголию, Тибет, Китай). За результаты научных, в

том числе географических исследований ученый был избран почетным доктором Московского университета. Э.А.Эверсман, исследовавший в 1820-х годах Оренбургский и Астраханский край, Приуралье и Поволжье, передал свои материалы МОИП. Научные результаты публиковались в изданиях общества.

Объединение МОИП и ОЛЕАЭ усилило географическое направление в работе Общества. На заседаниях общества с докладами выступали П.П.Сушкин "О национальных парках Северной Америки и об охране природы". Ю.М.Шокальский "Н.М.Пржевальский — исследователь Центральной Азии", Н.Н.Зубов "О дрейфе Седова".

После понятного снижения активности в годы войны, секция вновь энергично работала в течение 1946-1990 гг.: в год заслушивалось до 15-20 докладов, возобновился выпуск сборника "Землеведение", проводились конференции и совещания. Большое место в работе секции заняли проблемы охраны природы и рационального природопользования. Секция издавала тематические сборники и монографии. В активе секции проведение ряда совещаний и конференций по актуальным проблемам географии. Свои заседания секция географии МОИП большей частью проводит совместно с московским центром Русского географического общества и на базе последнего. Среди проведенных секцией совещаний выделяются: четырехдневная конференция по неотектонике (1948 г.), с докладом В.А.Обручева, конференция по геоморфологии горных стран (1951 г.), и освоению песков Туркмении (1952 г.). Всесоюзное совещание на тему "Вопросы изучения карста Русской равнины" (1967 г.). Всесоюзное совещание по исследованию карста за 50 лет (1967 г.), совместное с Институтом географии АН СССР совещание по природным ресурсам Русской равнины и перспективам их использования. В разные годы секцию МОИП возглавляли В.В.Богданов, А.А.Борзов, Н.И.Николаев, Н.А.Гвоздецкий, А.Г.Чикишев. Нынешний председатель географический секции Н.П.Матвеев, чьи данные здесь использованы автором, завершая свой краткий обзор истории секции, подчеркнул, что в настоящее время географическая секция большое внимание уделяет проблемам геоэкологии и охраны природы.

В 1953 г. на биологическом факультете МГУ была создана первая в нашей стране кафедра биофизики. Кафедра была основана Б.Н.Тарусовым, остававшимся ее заведующим до 1976 г., при поддержке ректора МГУ академика И.Г.Петровского. Спустя шесть лет, в 1959 г. в МОИП была организована секция биофизики; инициатором ее создания и первым председателем бюро секции стал Б.Н.Тарусов (с 1977 г. председателем был избран ученик Тарусова А.Б.Рубин). Руководство секции биофизики в полной мере использовало плодотворный опыт взаимодействия кафедры университета и секции МОИП, накопленный в предшествовавшие годы. В очерке, посвященном 50-летию кафедры биофизики, говорится: "Следует

отметить, что в распространении биофизических знаний, особенно в первый период работы кафедры, большая роль принадлежит секции биофизики Московского общества испытателей природы" (105, с.6). С I960 по 1981 гг. секцией было проведено 20 Всесоюзных симпозиумов по основным направлениям биофизики, в их работе участвовало большинство ведущих ученых, работающих в данной области. Благодаря изданию трудов симпозиумов удалось пополнить небогатую в то время биофизическую литературу. В последующие годы члены секции принимали участие в конференциях по более узким, конкретным вопросам, с участием специалистов из разных учреждений. С кафедрой биофизики МГУ и секцией биофизики МОИП контактируют практически все учреждения, где налаживаются биофизические исследования и преподавание биофизики.

Члены секции биофизики участвуют в работе других секций МОИП — Охраны природы, Проблем эволюции материи, Естественно-научного образования. Важнейшей своей задачей секция считает развитие междисциплинарных связей с представителями не только биологических, физических, химических наук и математики, но и с гуманитариями.

Одной из старейших является секция биологических основ животноводства, созданная в конце 1940-х годов С.Н.Боголюбским. Секция работает по следующим основным направлениям: влияние доместикации на развитие животных, проблемы породообразования и содержания домашних и сельскохозяйственных животных. Крупный морфолог-эволюционист, Боголюбский стремился объединить подходы двух научных школ: А.Н.Северцова, учеником которого он был, и Н.И.Вавилова, заместителем которого стал после организации Вавиловым Комиссии по происхождению домашних животных и культурных растений. С 1955 по 1997 гг. секция организовала и провела 24 конференции, совещания и симпозиумы. Материалы ряда из них были опубликованы МОИП и издательством "Наука". Среди проведенных секцией мероприятий можно выделить: совещание эмбриологов (1955), конференцию "Закономерности индивидуального развития сельскохозяйственных животных" (1962), симпозиум "Эмбриология сельскохозяйственных животных" (1964), Всесоюзную конференцию по анатомии, гистологии и эмбриологии сельскохозяйственных животных (1972), конференцию "Особенности развития органов домашних животных и их диких сородичей" (1975), конференцию "Гибридизация, акклиматизация и доместикация животных" (1980), международный симпозиум "Современные проблемы эволюционной морфологии животных" (1981), конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения С.Н.Боголюбского "Проблемы доместикации животных" (1986) и другие.

С 1950 г. в МОИП работает секция "Биологические основы садоводства". Ее организатором и многолетним руководителем был В.Ф.Смирнов. В состав секции входят специалисты научно-исследовательских

институтов и опытные садоводы-любители. Основное направление работы секции — испытание различных садовых культур с целью внедрения новых зимостойких сортов плодовых и ягодных культур, устойчивых к болезням, вредителям и неблагоприятным условиям, повышение плодородия почв на садовых участках, а также селекция садовых культур. На заседаниях секции с докладами выступают ученые и специалисты Москвы и области, а также иногородних институтов. Тематика докладов включает разнообразные вопросы современного садоводства, его достижений, результаты испытаний сортов садовых культур. Часть докладов посвящена редким, очень ценным и полезным для человека культурам, до сих пор мало распространенным в любительских садах Подмосковья и ближайших областей (например, таким культурам, как черешня, абрикос, клюква, голубика, брусника, ежевика, актинидия и другие). Ежегодно секция проводит выставки, с демонстрацией и дегустацией плодов, выращенных садоводами секции. За время своей работы секцией, ее членами проведены испытания более 800 сортов яблони, 250 сортов груши, 80 сортов сливы, 370 сортов винограда, 60 сортов вишни. По результатам испытаний опубликованы рекомендации для садоводов. Членами секции создано больше 10 сортов плодовых культур. В подмосковных садах сейчас выращивается около 90 сортов винограда, культуры сугубо южной. Результаты работы секции публикуются в книгах, справочниках, периодической литературе. По данным председателя секции Г.М.Иова, любезно предоставившим вышеприведенный материал, ныне в секции "Биологические основы садоводства" работает 80 действительных и 70 членов-корреспондентов МОИП.

На базе семинара по проблемам образования, работавшем при секции охраны природы МОИП, и семинара по проблемам высшего образования в Московском энергетическом институте в 1999 г. была основана секция естественнонаучного образования МОИП (председатель В.Ф.Взятышев, ученый секретарь С.В.Багоцкий). В составе секции научные работники разного профиля, преподаватели средней и высшей школы, деятели культуры, писатели. В рамках секции работают семинары: по проблемам образования и по науковедению. Секция сотрудничает с движениями "За возрождение российской науки" и "В защиту детства". Руководители секции входят в Оргкомитет по созданию общественного движения "Образование для всех". Начиная с 2002 г. секция совместно с секцией охраны природы МОИП и движением "В защиту детства" проводят конкурс литературного творчества школьников "Земля. Природа. Родина. Будущее". Конкурсы проводятся ежегодно, в 2005 г. в нем приняло участие 116 учащихся.

Во второй половине XX в. под влиянием идей В.И.Вернадского предпринимаются попытки сблизить его учение о биосфере и его теорию

живой материи с построениями эволюционной биологии. Внимательно следивший за этими процессами президент МОИП А.Л.Яншин поддержал идею создания в МОИП межсекционного объединения с самой широкой научной программой. В результате в 1995 г. на базе семинара по эволюционной биохимии и проблемам происхождения жизни, работавшем в Институте биохимии РАН, была образована секция проблем эволюции материи (руководитель К.Л.Гладилин). В круг интересов секции входят астрофизика, теория происхождения жизни, историческая геология, теория биологической эволюции, проблема происхождения человека и разума, история человечества, взаимоотношения человека и окружающей среды. В состав секции входят физики, биологи, химики, кибернетики, философы, экономисты, инженеры. Работа секции протекает в рамках единого секционного семинара. Члены секции приняли активное участие в создании журнала "Эволюция" и в работе его редколлегии.

В 2001 г. в МОИП появилась новая секция — Интегративной биологии. В ее составе работают две подсекции: Биополитики и Биологии развития. Сопредседатели секции М.В.Гусев и В.А.Голиченков. Подсекция биологии развития ставит задачей объединить работу семинаров кафедры эмбриологии Биофака МГУ, лаборатории экспериментальной и эволюционной биологии, лаборатории биологии старения и развития Биофака МГУ, а также семинаров отделения биологии и медицины Российской народной академии наук (РНАН). Подсекция биополитики опирается на работу семинара по проблемам биоэтики, биополитики и биотехнологии, организованного на кафедре физиологии микроорганизмов Биофака МГУ (руководитель А.В.Олескин).

Наконец, в 2005 г. была создана секция Биотехнология — охране окружающей среды (председатель — зам.директора Международного биотехнологического центра МГУ А.П.Садчиков). В рамках МОИП 18-24 апреля секция провела школу-семинар "Кадры для биотехнологии" под председательством директора Центра "Биоинженерия" РАН К.Г.Скрябина. В ее работе приняло участие более 80 ученых и студентов из 16 вузов страны. Перед участниками школы с лекциями выступили ученые - специалисты в области биоинженерии и представители биотехнологических фирм. В мае 2005 г. совместными усилиями МГУ и МОИП был проведен Второй Всероссийский конкурс научных студенческих работ на тему "Биотехнология — охране окружающей среды", посвященной 200-летию Московского общества испытателей природы. Конкурсный комитет возглавил ректор МГУ, президент МОИП В.А.Садовничий. По материалам конкурса к юбилею МОИП опубликован сборник студенческих работ объемом 608 страниц убористого текста. На ряде факультетов МГУ и институтов РАН проведены научные чтения, посвященные юбилею МОИП, по их итогам опубликован сборник научных работ объемом около 250 страниц. Силами секции в 2005 г. возобновлен

выпуск "Докладов МОИП" (№ 36), в котором опубликованы 70 научных статей, посвященных экологическим проблемам Москвы и Подмосковья.

Более 15 лет члены МОИП, работающие в различных секциях, принимают участие в регулярно созываемых конференциях, объединенных общей темой: "От истории природы к истории общества: прошлое в настоящем и будущем. История взаимодействия общества и природы" (например, 139, 140, 141, 142). Организатором этих конференций является член МОИП, сотрудник Института истории естествознания и техники РАН А.Г.Ганжа, сумевший в трудные 1990-е годы привлечь к участию в них научных работников из многих научных учреждений и вузов.

Резюмируя, можно сказать, что изменение организационной структуры Московского общества испытателей природы в 1930-1940-е годы — появление секций и комиссий — упрочило традиционные связи Общества с Университетом. Число секций за последние полвека значительно увеличилось. Рядом с классическими секциями старого типа — Ботанической, Зоологической, Геологической, Географической — стали возникать более специализированные секции, объединяющие специалистов одной какой-либо отрасли знания. Конечно, это отвечало общей закономерности развития естествознания в XX столетии — все большей дифференциации и специализации знаний. Подчиняясь этой закономерности и санкционируя организацию все новых и все более специализированных подразделений, руководство МОИП в последнее десятилетия XX в. искало способы, чтобы не утратить интегративную функцию Общества.

НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО СТОЛЕТИЯ

Московское общество испытателей природы может с законной гордостью оглянуться на пройденный 200-летний путь.

МОИП с честью выполняло свой главный долг: в условиях изменчивой государственной политики по отношению к науке и ученым оно настойчиво поддерживало у себя высокий научный уровень, поддерживая и воспитывая творческих ученых, способных самостоятельно ставить и решать научные проблемы. Жизнь и деятельность тысяч ученых России неотделима от МОИП. В Обществе они имели возможность доложить о результатах своих исследований и опубликовать свои работы. Опираясь на моральную и материальную поддержку Общества, они получали возможность осуществлять свои планы изучения России в ботаническом, зоологическом, геологическом и географическом отношении. Через интернациональные связи МОИП ученые страны получали возможность влиться в мировой поток научного творчества.

В крайне неблагоприятной социально-политической обстановке — крепостного права, засилья бюрократии, скудной материальной поддержки

со стороны государства, непонимания им возрастающей роли науки в судьбе народов и государств, репрессий против ученых — Московское общество испытателей природы с первых дней своего существования придерживалось в своей деятельности демократических принципов. Успешный полувековой опыт МОИП послужил образцом для естествоиспытателей России, добившихся во второй половине XIX в. права на организацию сети научных обществ при университетах страны и на проведение регулярных съездов русских естествоиспытателей и врачей. Все это способствовало формированию единого научного сообщества страны и осознанию им своих гражданских прав и обязанностей.

МОИП осталось на высоте своих целей и задач и в XX веке, изменившим само естествознание, организацию науки, взаимоотношения науки и власти. В нашей стране складываются мощные научные центры в виде Академии наук, Академии медицинских наук, Сельскохозяйственной академии (ВАСХНИЛ), быстро обрастающие сетью научно-исследовательских институтов. Резко возросла численность научных работников. При МГУ возникает сеть специализированных институтов. В жизни научных учреждений заметно усиливается административный элемент, политическое и идеологическое давление на ученых резко возрастает.

В новых условиях МОИП сохраняло высокую научность, продолжая придерживаться принципов демократичности в своей внутренней жизни и принципа интернационализма в своих связях с внешним миром. На протяжении всего XX в. связи Общества с Университетом не только сохранялись, но становились все более многочисленными и прочными. Одновременно МОИП охотно шло на контакты и проведение совместных мероприятий - конференций, совещаний, симпозиумов - с научно-исследовательскими институтами академий и ведомств.

В условиях войн и революций, потрясавших Россию и весь мир на протяжении XX века, МОИП не изменило своим гуманистическим устремлениям. С начала XX в., как устами своих президентов — Н.А.Умова, Н.А.Мензбира, Н.Д.Зелинского, В.Н.Сукачева, А.Л.Яншина, так и смелых выступлений многих своих членов, Общество настойчиво предупреждало о грозящей человечеству опасности, порождаемой разрушением окружающей среды, биосферы. В руководстве Общества — в Совете и Президиуме МОИП — состояли ученые, много сделавшие для создания современной теории, объединяющей подходы биогеохимии, учения о биосфере, биоценологии и биогеоценологии.

Только опора на естественнонаучную теорию открывает возможность прогнозирования. И только теперь, столкнувшись с необходимостью исследования огромной, многоуровневой планетной системы — Биосферы, наука осознала ограниченность арсенала своих методов. Эту новую ситуацию в естествознании и человеческом сообществе кратко и

выразительно охарактеризовал в своем докладе "Знание и мудрость в современном глобализирующемся мире" на пленарном заседании IV Российского философского конгресса в мае 2005 г. ректор МГУ и президент МОИП Виктор Антонович Садовничий.

"Как профессиональный математик, занимающийся математическим исследованием сложных систем, добавлю следующее. Любой прогноз в большей или меньшей степени, но обязательно опирается на какие-то вычисления, какие-то математические модели. На сегодняшний день математическая теория прогнозирования не располагает ни достаточной глубокой теорией, ни удовлетворительным по широте охвата кругом областей применения, особенно важных с точки зрения практики. Это не может не сказываться на достоверности и долговременности обсуждаемых и предлагаемых прогнозов, чего бы они ни касались". "Я думаю, — заключил В.А.Садовничий, — что генеральное направление в развитии науки наступившего столетия будет связано с повышением эффективности ее прогностической функции (я, конечно, имею в виду научное прогнозирование...)" (143, с. 13-14).

Научный потенциал Московского общества испытателей природы, на протяжении 200 лет сумевшего оставаться на передовых позициях естествознания, позволяет с уверенностью прогнозировать, что, вступив в третье свое столетие, оно по-прежнему будет идти по генеральному пути научного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. Труды по истории науки. М.: Наука, 2002.
2. Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995.
3. Резанов И.А. Развитие наук о Земле в Российской академии наук // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М.: "Янус-К, 1999. С. 504-549.
4. Гурьянов В.П. К истории возникновения Московского общества испытателей природы // Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол. 1953. Т.58. Вып.2. С. 93-96.
5. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости (1802) // Записки старого московского жителя. М.: Московский рабочий, 1988. С. 327-333.
6. Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755-1855. М., 1855.
7. История Московского университета. Т.1. М.: Изд-во МГУ, 1955.
8. Илизаров С.С. Первые исследователи Москвы: зарождение и формирование традиции москвоведения // Москва научная. М.: "Янус-К", 1997. С. 93-135.
9. Яншин А.Л. Юбилей старейшины научных обществ России // Природа. 1980. №12. С. 66-71.

10. Милановский Е.Е. Г.И.Фишер фон Вальдгейм и его время в Московском университете // Вестн. Моск. университета. Сер. 5. Геология. 2002. № 4. С. 87-96.
11. Общества //Энциклоп. словарь. Т.XXI[A] / Ф.А.Брокгауз, И.А..Ефрон. СПб., 1897. С.607-628.
12. Варсонофьева В.А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М.: Изд-во МГУ, 1955.
13. Липшиц С.Ю. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805-1940). (Исторический очерк). М., МОИП, 1940.
14. Вернадский В.И. О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах, М.: МОИП, 1891.
15. Липшиц С.Ю. 150-летие Московского общества испытателей природы и его роль в развитии флористики, систематики и ботанической географии // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1955. Т. 60. Вып. 5. С.5-26.
16. Туров С.С., Дементьев Г.П. Очерк истории Зоологического музея Московского университета // Учен. зап. МГУ. Юбил. серия. Вып. 54. Биология. 1940. С. 176-196.
17. Кривошеина Г.Г. Научные музеи Москвы: два века истории // Москва научная. М.: "Янус-К", 1997. С. 59-90.
18. Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. М., 1991.
19. Курсанов Л.И., Дейнега В.А.. Московское общество испытателей природы // Учен. зап. МГУ. Юбил. сер. Вып. 54. Биология. 1940. С. 353-362.
20. История Москвы. Т.3. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
21. Протоколы VII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Одессе с 18 по 28 августа 1883 г. Одесса, 1883. Приложения к протоколам общих собраний. Приложение №10. С.1-4.
22. Чайковский Ю.В. Старейшее общество и его библиотека // Москва научная. М.: "Янус-К", 1997. С. 391-415.
23. Липшиц С.Ю. 150-летие "Бюллетеня Московского общества испытателей природы" // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1979. Т.84. Вып.5. С. 3-10.
24. Валькова О.В. Издательская деятельность Московского общества испытателей природы в конце XIX-начале XX вв. // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2005. Т. 110. № 5.
25. Работнов Т.А., Тихомиров В.Н. Советская биологическая наука на страницах "Бюллетеня МОИП. Отдел биологический" за период с 1917 по 1977 год // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1977. Т.82. Вып.5. С. 5-9.
26. Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. В 4-х томах. Т.3. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

27. Рулье К.Ф. Избранные биологические произведения. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
28. Микулинский С.Р. К.Ф.Рулье и его учение о развитии органического мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
29. Бурштейн Е.Ф. Сибиряки среди первых членов Московского общества испытателей природы // Бюл. МОИП. Отд. геол. 2003. Т.78. Вып.6. С. 72-75.
30. Страницы автобиографии В.И.Вернадского. М.: Наука, 1981.
31. Бляхер Л.Я. История эмбриологии в России. (С середины XIX до середины XX века). Беспозвоночные. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
32. Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России. 1861 - 1886 г. Исторический обзор деятельности съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М.,1887.
33. Матвеев Б.С. Сравнительная анатомия в Московском университете (1755 - 1940) // Учен. зап. МГУ. Юбил. серия. Вып. 54. Биология. М. 1940. С. 62-77.
34. Огнев С.И. Очерк систематических, фаунистических и зоогеографических исследований по позвоночным животным в Московском университете (1896 - 1940) // Цит. источник, 1940. С.87-102.
35. Петров В.А. Первые этапы развития ботаники в Московском университете // Цит. источник, 1940. С. 259-268.
36. Алехин В.В. Флористика и систематика растений, ботаническая география и фитоценология в Московском университете // Цит. источник, 1940. С. 269-287.
37. Смирнов П.А. Гербарий Московского университета // Цит. источник, 1940. С. 325-332.
38. Губанов И.А., Тихомиров В.Н. Новые таксоны высших растений, обнародованные в "Бюллетене МОИП, отдел биологический" в 1917 - 1976 годах // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1977. Т. 82. Вып. 5. С. 148-158.
39. Серебровский А.С. Кафедра генетики // Учен. зап. МГУ. Юбил. серия. Вып. 54. М., 1940. С. 166-175.
40. Курсанов Л.И. Изучение низших растений в Московском университете // Цит. источник, 1940. С. 294-304.
41. Формозов А.Н. Экология позвоночных в Московском университете // Цит. источник, 1940. С. 77-87.
42. Алпатов В.В. Лаборатория экологии // Цит. источ., 1940. С.51-59.
43. Гаузе Г.Ф. Экология и некоторые проблемы происхождения видов // Экология и эволюционная теория. Л.: Наука, 1984. С. 5-105.
44. Работнов Т.А., Тихомиров В.Н. К истории разработки проблем эволюционной теории и экологии в Московском университете и Московском обществе испытателей природы // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1979. Т.84. Вып. 6. С. 3-14.

45. Багоцкий С.В., Тихомиров В.Н. К 75-летию Константина Михайловича Эфрона // Бюл. МОИП. Отд.биол. 1996. Т.101. Вып.6. С. 95-97.
46. История Москвы. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
47. Мечников И.И. Вступительное слово председателя съезда //Приложения к протоколам Общих собраний VII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Одессе. Приложение I. Одесса, 1883. С. 1-6.
48. Райков Б.Е. Михаил Таушер, член Московского общества испытателей природы. Из истории эволюционизма в России // Бюл. МОИП. Отд.биол. 1945. Т.50, №5-6. С. 162-169.
49. Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционных идей в России. В 4-х томах. Т.1. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
50. Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. В 4-х томах. Т.4. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
51. Давиташвили Л.Ш. История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
52. Дарвин Ч. Происхождение видов // Соч. Т.3. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 253-678.
53. Соболь С.Л. Первые сообщения о теории Дарвина в русской печати // Бюл. МОИП. Отд.биол. 1945. Т.50. Вып. 3-4.
54. Рачинский С.А. Разложение водорослей // Вестник естественных наук. I860. №19.
55. Любищев и проблемы формы, эволюции и систематики организмов. XXX Любищевские чтения. МОИП: Центр системных исследований. М., 2003.
56. Рулье К.Ф. О животных Московской губернии, или о главных переменах в животных первозданных, исторических и ныне живущих, в Московской губернии замечаемых. С разрезом почв, обнаженных в окрестностях столицы. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета экстраординарным профессором зоологии и первым секретарем Московского общества испытателей природы Карлом Рулье 16 июня 1845 г. М., 1845.
57. Насимович А.А. Островные фауны моря и суши и их изучение // Бюл. МОИП. Отд.биол. 1973. Т.78. Вып.4. С. 27-32.
58. Илизаров С.С. ИИЕТ в 1953 г. //Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова. 1953 - 1993. М.: Наука, 1993. С.5-59.
59. Вернадский В.И. Работы по истории знаний // Труды по истории науки. М.: Наука, 2002. С. 387-402.
60. Есаков В.Д. К организации в АН СССР работ по истории техники и естествознания в 1938-1944 гг. // Институт истории естествознания и

техники. Годичная научная конференция, 2004. М.: Диполь-Т, 2004. С. 43-55.
61. Вернадский В.И. Дневники: март 1921 - август 1925. М.: Наука, 1998.
62. Вернадский В.И. Дневники: 1926 - 1934. М.: Наука, 2001.
63. Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М.: Наука. 1997.
64. Зелинский Н.Д. Заслуги Лавуазье в области химии. М., 1894.
65. Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982.
66. Соколов Б.С. Вступительное слово на симпозиуме "В.И.Вернадский и современность" // В.И.Вернадский и современность. М.: Наука, 1986. С. 7-10.
67. Вернадский В.И. Из записки о необходимости продолжения изучения истории науки и техники // Труды по истории науки. М.: Наука, 2002. С. 407-408.
68. Григорян Н.А. С.Л.Соболь (1893-1960) - организатор и руководитель секции истории естествознания Московского общества испытателей природы // Бюл. МОИП. Отд.биол. 1970. Вып.4. С. 152-153.
69. Илизаров С.С. Москва в науке и культуре России XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2004.
70. Визгин В.П. Физика в Москве // Москва научная. М.: "Янус-К", 1997. С. 185-211.
71. Умов Н.А. Автобиография (1913) // Научное наследство. Т.2. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 363-388.
72. Умов Н.А. Значение опытных наук // Научное слово. 1903. №1. С.13-26.
73. Умов Н.А. Эволюция физических наук и ее идейное значение. Одесса, 1913.
74. Умов Н.А. Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли. М.: Книгоизд-во "Творческая мысль", 1906.
75. Умов Н.А. Характерные черты и задачи современной естественно-научной мысли. СПб.: Книгоизд-во "Естествоиспытатель", 1914.
76. Умов Н.А. Вступительная статья к сборнику "Памяти Дарвина" (1910) // Собр. соч. Т.3. Речи и статьи общего содержания. М.: Издание МОИП и Общества содействия успехам опытных наук, 1916. С.366.
77. Мензбир М.А. Н.А.Умов как руководитель ученого общества // Протоколы чрезвычайного соединенного заседания Московских ученых обществ и учреждений в память Н.А.Умова. М., 1916. С. 4-10.
78. Бачинский А.И. Характеристика Н.А.Умова как ученого, как мыслителя и как человека // Протокол чрезвычайного соединенного заседания Московских ученых обществ и учреждений в память Н.А.Умова. М., 1916. С. 57-76.
79. Мензбир М.А. Эволюционное развитие человека // Э.Перрье. Земля до исторического времени. Пер. и допол. М.А.Мензбира. М.: Л.: Госиздат, 1927. С. 287-313.

80. Протокол чрезвычайного соединенного заседания Московских ученых обществ и учреждений в память Н.А.Умова. М., 1916.
81. Федоров С.А. Значение и труды Н.А.Умова в Обществе содействия успехам опытных наук и их практических применений (имени Х.С. Леденцова) // Цит. источник, М., 1916. С. 23-30.
82. Сеченов И.М. Автобиографические записки. Л., 1945.
83. Мануилов А.А. Н.А.Умов как общественный деятель // Протоколы... М.. 1916. С. 45-47.
84. Цингер А.В. Н.А.Умов как учитель // Протоколы..., М., 1916.
85. Умов Н.А. Слово, произнесенное на могиле Ф.А.Слудского (1897) // Собр. соч. Т.3., М., 1916. С. 140-142.
86. Мирзоян Э.Н. Физико-математическая модель живой материи Н.А.Умова // Известия РАН. Серия биолог. 1997. № 2. с. 243-248.
87. Наметкин С.С. Президент Московского общества испытателей природы академик Николай Дмитриевич Зелинский. М.: МОИП, 1941.
88. Юрьев Ю.К., Левина Р.Я. Жизнь и деятельность академика Николая Дмитриевича Зелинского. М.: МОИП, 1953.
89. Богданов В.В. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // Учен. зап. МГУ. Юбил. сер. Вып. 54. Биология. М., 1940. С. 363-369.
90. Яншин А.Л. Из неопубликованного. Составитель докт.филос.наук Ф.Т. Яншина. М.: Наука, 2003.
91. Мирзоян Э.Н. Московское общество испытателей природы. 1805-1995. М.: Изд-во МГГУ, 1996.
92. Яншин А.Л. Идеи Александра Гумбольдта о связи земных и космических процессов и их развитие в трудах отечественных ученых XX в. // Вопр. истории естествозн. и техн. 1984. №4. С. 54-57.
93. Амитров О.В. Палеонтологическая секция Московского общества испытателей природы (к 175-летию МОИП и 40-летию секции) // Палеонтологический журн. 1980. №3. С. 150-153.
94. Секция палеонтологии МОИП за 50 лет. М.: Наука, 1993.
95. Амитров О.В. Секция палеонтологии Московского общества испытателей природы в 1940-1992 годах // Информационные материалы о деятельности Научного совета по проблемам палеонтологии и эволюции органического мира. М., 1994. С. 67-118.
96. Палеострат - 2003. Годичное собрание секции палеонтологии МОИП, 27 и 28 января 2003 г. Программа и тезисы докладов. М., 2003.
97. Алексеев А.С., Амитров О.В. Секция палеонтологии Московского общества испытателей природы: факты из истории (1940 - 2004) и нынешнее состояние // Бюл. МОИП. Отд.геол. 2005. Т.80. Вып. 4. С. 88-94.
98. Из истории русской культуры. Сбор. статей. Т.5. М., 1996.

99. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура. XVIII - начало XX века. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб.: РХГИ, 2003.
100. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. СПб.: Изд-во "Лань", 2000.
101. Сакунин П.Н. Крепостная интеллигенция // Великая реформа 19 февраля. Издание Сытина. 1911. Т.3. С. 66-104. Цит. по отдельному оттиску.
102. Туманова А.С. Добровольные организации и общественность города Москвы в начале XX века // Россия XXI века. 2005. №1. С.96-119.
103. Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн.1. М., 1917. С. 39.
104. Амитров О.В. Секция палеонтологии Московского общества испытателей природы в 2001 году // Палеонтологический журн. 2002. I: № 5. С. 119-120.
105. К 50-летию кафедры биофизики биологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. М.,2003.
106. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4-х томах. М.: Изд-во МГУ, 2003.
107. Очерки по истории Московского университета / Учен. зап. МГУ. Юбил. сер. Вып. 50. История. М.: Издание МГУ, 1940.
108. Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. Изд. 2-е, исправ. и допол. СПб., 1875.
109. Каразин В.Н. Об ученых обществах и периодических сочинениях в России. СПб., 1820.
110. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.:"Мысль", 1971.
111. Пятидесятилетие императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863-1913. Составил Секретарь Общества В.В.Богданов. М., 1914.
112. Варб Е. Одно из наших центральных просветительных учреждений. Очерки Румянцевского музея. М., 1898.
113. История Москвы. Т. 4. Период промышленного капитализма. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
114. Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р.Лейкиной-Свирской. СПб.: "Дмитрий Буланин", 2003.
115. Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. Воспоминания. Дневники. Письма. Статьи, Речи. М., 2005.

116. Мензбир М.А. Императорское Московское Общество Испытателей Природы // Протоколы заседаний Имп. Моск. общ. испыт. природы. 1901. № 4-7. С. 7-9.
117. Записка о деятельности и средствах Императорского Московского Общества Испытателей Природы. М., 1909.
118. Алфавитный список Императорского Московского общества испытаталей природы. М.: в Университетской типографии, 1859.
119. Очерки по истории Московского Университета // Учен. зал. МГУ. Юбил.сер. Вып. 50. М.: Издание МГУ, 1940.
120. Яншин А.Л. Об академике В.Н.Сукачеве (послесловие ответственного редактора) // Владимир Николаевич Сукачев. Очерки, воспоминания современников. Л.: Наука, 1986. С. 205-215.
121. Гиляров М.С. Из воспоминаний о В.Н.Сукачеве // Цит. источ., 1988. С. 31-42.
122. Воронов А.Г. В.Н.Сукачев и Московский университет // Цит. источ. 1336. С. 25-30.
123. Работнов Т.А. О Владимире Николаевиче Сукачеве // Цит. источ., 1936. С. 143-150.
124. Котс А.Ф. Памяти учителя // Памяти академика Михаила Александровича Мензбира. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 39-49.
125. Дейнега В.А. М.А.Мензбир как руководитель ученого общества // Цит. источ., 1937. С. 31-37.
126. Дементьев Г.П. Михаил Александрович Мензбир // Цит. источ., 1937. С. 3-29.
127. Вопросы краеведения. Сборн. докладов. Под ред. В.В.Богданова. Нижполиграф, 1923.
128. Филимонов С.Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники. (1917-1929 гг.). М., 1991.
129. Эфрон К.М. Московское общество испытателей природы // БСЭ. Т. 17. 3-е изд. М., 1974. С. 142-143.
130. Энциклопедический словарь. Т. XXI . Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1897. С. 617-619.
131. Павлинов И.Я., Иванов Д.Л. Зоологический музей МГУ. Коллекции и люди. М., 2005.
132. Умов. Роль человека в познаваемом мире (1912) // Собр. соч. Т. 3. М., 1916.
133. Левин А. Наука в России на пути к формированию гражданского общества // Философские исследования. 1993. №4. Наука и тоталитарная власть. С. 451-460.
134. Парфенов В.Ф. Из рати подвижников. М., 2001.
135. Биотехнология - охране окружающей среды. Сб. студ. работ (под. ред. Садчикова А.П., Котелевцева С.В.). - М., Изд-во "Графикон-принт". 2005. - 608 с.

136. Алексеев А.С. К истории создания и деятельности геологических секций Московского общества испытателей природы // Бюл. МОИП. Отд. геол. 2005. Т. 80. Вып. 4. С. 86-88.
137. Седаева Г.М., Фролов В.Т., Щербакова М.Н. Секция осадочных пород // Цит. источник, 2005. С. 94-97.
138. Трофимов В.Т., Широков В.Н. Секция инженерной геологии // Цит. источник, 2005. С. 98-99.
139. Международная конференция "Экологический опыт человечества: прошлое в настоящем и будущем". Тезисы докладов. М., 1995.
140. Идеи В.И.Вернадского и проблемы современности / Конференция. Тезисы докладов. М., 1994-1995.
141. Техногенез и ноосфера. Материалы III научной конференции "От истории природы к истории общества: прошлое в настоящем и будущем". Ч. IV. М., 2001.
142. Материалы научной конференции "От истории природы к истории общества: прошлое в настоящем и будущем. Ч. П. Биосфера. М., 2001.
143. Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. Доклад на пленарном заседании Российского философского конгресса "Философия и будущее цивилизации" (24 мая 2005 г., МГУ, Москва). 20 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая
25 июля 1805 г. …… 7
В.И.Вернадский об особенностях развития науки в России …….. 11
МОИП и формирование системы университетского образования в России ……...…….. 16
Часть вторая
Цели и задачи МОИП …….. 32
Реализация программы деятельности МОИП …….. 40
МОИП и съезды русских естествоиспытателей и врачей. Формирование сети научных обществ при университетах ……. 59
Столетие МОИП: несостоявшийся юбилей …….. 64
Часть третья
МОИП в XX веке: сохранение научных традиций и организационные новации …….. 71
В.И.Вернадский о тенденциях развития науки в XX веке …….. 72
Задача человечества – сохранение жизни на Земле ……. 76
Преемственность организационных и научных принципов ……... 85
МОИП и ОЛЕАЭ ……. 92
Организация секций. Годы войны. Государственная поддержка в послевоенные годы ……. 108
МОИП – центр историко-научной мысли ……. 112
Часть четвертая
Борьба за нормализацию положения в советской науке ……. 122
Научное общество в новых исторических условиях ……... 124
МОИП и Московский университет ……... 130
На пороге третьего столетия …….. 149
Литература ……... 151